

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Х.М. БЕРБЕКОВА»

На правах рукописи

Цеева Заира Арслангереевна

**Концепты «фИы»/«good» (добро), «Iей»/«evil» (зло) в языковой картине мира
(на материале кабардино-черкесского и английского языков)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Башиева С.К.

Нальчик, 2025 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		3
Глава I.	Теоретические основы исследования феноменов добра и зла	11
1.1.	Добро и зло в мифологических и религиозных представлениях	11
1.2.	Проблема добра и зла в философии и этике	19
1.3.	Языковая концептуализация добра и зла как проблема лингвокультурологии	30
Выводы		53
Глава II	Особенности репрезентации концептов «фИы»/«good» в кабардино-черкесском и английском языках	55
2.1.	Понятийные составляющие концептов «фИы», «good» (добро) по данным словарей кабардино-черкесского и английского языков	55
2.2.	Объективация концептов «фИы»/«good» (добро) в кабардино-черкесских и английских фразеологических, паремиологических единицах	59
2.2.1.	Когнитивный признак «Деяния человека, направленные на добро, добрые поступки»	60
2.2.2	Когнитивный признак «Добро как положительные, морально-нравственные качества человека»	85
2.3.	Этноспецифические ассоциации понятий фИы, good (добро) в языковом сознании современных носителей кабардино-черкесского и английского языков (по результатам ассоциативных экспериментов)	104
Выводы		118
Глава III	Особенности репрезентации концептов «Йей»/«evil» (зло) в кабардино-черкесском и английском языках	121
3.1.	Понятийные составляющие концептов «Йей», «evil» (зло) по данным словарей кабардино-черкесского и английского языков	121
3.2.	Объективация концептов «Йей», «evil» (зло) в кабардино-черкесских и английских фразеологических, паремиологических единицах	122
3.2.1.	Когнитивный признак «Деяния человека, направленные на причинение морального или физического вреда, злодеяние»	126
3.2.2	Когнитивный признак «Зло как отрицательные, морально-нравственные качества человека»	132
3.3.	Этноспецифические ассоциации понятий Йей, evil в языковом сознании современных носителей кабардино-черкесского и английского языков (по результатам ассоциативных экспериментов)	166
Выводы		177
Заключение		180
Библиография		183

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в лингвистике конца XX – начала XXI вв. отмечается значительный интерес к проблемам взаимодействия языка, этноса и культуры. Язык рассматривается как часть культуры, и в то же время как средство ее выражения, участвует в хранении, воспроизводстве и передаче культуры [Гак 1998; Телия 1996]. При анализе отражения культуры народа в языковых единицах необходимо учитывать, что культура всякого сложного общества полиморфна, что ее основу составляют универсальные черты, определяющие в целом развитие цивилизации [Ерасов 1997]. Таким образом, становится актуальным вопрос об особенностях восприятия действительности, ее концептуализации представителями различных этнокультур. Об этом свидетельствует немалое количество исследований по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии на основе материалов родственных и неродственных языков, репрезентирующих характер мировоззрения, быта, нравов представителей того или иного этноса. По мнению В.Т. Клокова, «развитие лингвокультурологического направления обуславливается стремлением к осмыслению феномена культуры как специфической формы существования человека и общества в мире» [Клоков 2000: 60].

В парадигме мировосприятия особое место занимают этические концепты. Как утверждает Е.А. Мокрушина, «лежащие в их основе нравственные категории, будучи универсальными по своей природе, детерминируются культурно-исторически в рамках определенной языковой культуры, накладывающей также отпечаток на способы оформления концептов в языке» [Мокрушина 2008: 6]. Базовыми среди них, на наш взгляд, в любой языковой картине являются концепты «добро» и «зло».

Феномены добра и зла – объект исследования различных отраслей науки, в том числе и лингвистики. В ней, в частности, исследованы *добро* и *зло* как универсальные нравственные категории, их объективизация на материале разных языков [Лотря, 2004; Егорова, 2005; Сафонова, 2005; Моспанова, 2005; Шатилова,

2006; Палеха, 2007; Буянова, Трахова, 2007; Мокрушина, 2008; Меньшикова, 2009; Георгиева, 2010; Колижук, 2010; Кириллина, 2011; Богданова, 2012; Долгополова, 2020; Ван Тяньцзао, 2021; Махмудова, 2022, Богданова, Джандар, Хачмафова, 2024 и др.]. Однако следует отметить то, что эти категории («*фIы*», «*Iей*») в кабардино-черкесском языке не получили лингвистического описания. Исследованный нами фразеологический и паремиологический материал показывает, что в кабардино-черкесской языковой картине мира они отражают особенности мировидения кабардинцев и представляют интерес не только для изучения и систематизации, но и для применения их в коммуникативной практике. В качестве фонового материала в работе использованы данные английского языка. Полагаем, что это расширяет область изучения данных концептов и тем самым усиливает актуальность настоящей работы.

Степень разработанности проблемы. Как известно, одним из универсальных средств хранения знания является концепт – фундаментальный компонент языковой картины мира. Моделирование культурных представлений народа в той или иной степени привязано к базовым (ядерным) концептам «добро» и «зло», вокруг которых выстраиваются все остальные концепты. Противопоставляя разные понятия, выстраивая мир в оппозиции, каждый народ имеет возможность наиболее полно и ярко передать свои знания, поэтому оппозиция «добро» и «зло» стала ядерной дихотомией в философии, этике, лингвистике и некоторых других областях, но вместе с тем эта часть духовной культуры изучена не в полном объеме.

Бинарные концепты «*good*», «*evil*» рассмотрены в работах О.А. Егоровой [2005], Е.Ю. Мокрушиной [2008], Л.В. Колижук [2010]. В кабардино-черкесском языке концепты «*фIы*», «*Iей*» впервые стали научным объектом в данной диссертации. Отметим, что на базе родственного адыгейского языка исследованы некоторые аспекты концептов *шыу* (добро) и *бзэджагъ* (зло), в частности их семантические, аксиологические, этнокультурные особенности [Трахова, 2006; Буянова, Трахова, 2007; Бгуашева, Пшизова, 2019; Богданова, Джандар, Хачмафова, 2024].

Актуальность диссертации обусловлена необходимостью изучения универсальных концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в кабардино-

черкесском и английском языках сквозь призму лингвокультурологических свойств, важных для сравнения общекультурных ценностей, свойственных каждому этносу. Базовые концепты «добро» и «зло» являются первостепенными как маркеры поступков, действий людей, поэтому исследование их уникальных признаков позволяет описать систему жизненных приоритетов кабардинцев и англичан, определить лингвокультурную специфику кабардино-черкесской и английской языковых картин мира. Рассмотрение концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в разносистемных языках способствует установлению универсальных и уникальных особенностей данных лингвокультур, что является значимым для сравнительно-сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии.

Объект настоящего диссертационного исследования – морально-нравственные аспекты концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) как универсальные когнитивные структуры человеческого мышления и как феномены национальной картины мира носителей кабардино-черкесского и английского языков.

Предметом исследования являются языковые средства, репрезентирующие концепты «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесской и английской картинах мира, а также ассоциативные формы их представления.

Целью исследования является изучение концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского и английского языков) для выявления их универсальных и уникальных признаков.

Для ее достижения необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) изучить теоретические предпосылки исследования феноменов *добра* и *зла* в мифологии, религиозных воззрениях, философии, этике, лингвистике;
- 2) определить понятийную составляющую исследуемых концептов по данным словарей кабардино-черкесского и английского языков;
- 3) выявить и описать языковые единицы, репрезентирующие концепты *фIы*»/«*good*», «*Iей*»/«*evil*» в кабардино-черкесской и английской языковых картинах мира;
- 4) провести свободный ассоциативный эксперимент со словами-стимулами «*фIы*»/«*Iей*» среди носителей кабардино-черкесского языка, установить их ассо-

циативные поля, описать когнитивные признаки, сравнить с результатами анализа данных ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка со словами-стимулами «*good*»/«*evil*», представленными на сайте международного исследовательского ассоциативного проекта «Small World of Words»¹;

5) рассмотреть универсальное и специфичное в функционировании концептов «*фIы*»/«*good*» (добро) «*Iей*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесском и английском языках.

Теоретической базой исследования являются основополагающие положения современной лингвокультурологии и когнитивной лингвистики [Н.Ф. Алефиренко 2002, Ю.Д. Апресян 1986, 1999, Н.Д. Арутюнова 1993, 1999, И.М. Балова, М.Ч. Кремшокалова 2009, З.Х. Бижева 2000, 2000а, 2000б, 2005, 2022, А. Вежбицкая 1996, 1999, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров 1980, 2005, С.Г. Воркачев 2000, 2002, 2003, 2003а, 2004, В.З. Демьянков 2001, В.И. Карасик 2001, Е.С. Кубрякова 1995, 1999, Д.С. Лихачев 1981, 1993, Г.Г. Слышкин 2004, Ю.С. Степанов 1997, И.А. Стернин 1985, В.Н. Телия 1996, Н.В. Уфимцева 1995, 1998, 2003, J. Anderson 2004, D. Bessinger, J. Eberts, V. Evans 2006, A. Gorbunov, A.B. Schmookler, T.F. Thiselton, A. Wierzbicka 1992, R.A. Wilson и др.], философии и этики [Н.А. Бердяев 1990, И.А. Ильин 1995, В.С. Соловьев 1996]. Кроме того, мы опирались на работы кабардино-черкесских этнографов, посвященные проблемам традиционной культуры кабардинцев [Б.Х. Бгажноков 1983, 1999, 2001, 2003, Г.Х. Мамбетов 1966, 1994, С.Х. Мафедзев 1984, 1991, А.Т. Шортанов 1992 и др.].

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

а) впервые осуществлено исследование концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) на обширном эмпирическом материале двух разнотипных – кабардино-черкесского и английского – языков; при этом основу эмпирического материала составляют ФЕ и паремии кабардино-черкесского языка как менее изученные в лингвокультурологическом аспекте;

г) концепты «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) рассмотрены, с одной стороны, как базовые (универсальные), с другой – как этнокультурные категории,

¹ <https://www.smallworldofwords.org>

наиболее ярко отражающие ментальную сущность этносов, репрезентированную в вербальных ценностных характеристиках;

д) установлены уникальные (специфичные) когнитивные признаки концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло), аккумулирующих совокупность оценок, свойств морально-нравственных категорий, вербализованных лексически, фразеологическими и паремиологическими средствами, что свидетельствует об их этнокультурной детерминированности;

е) выделены и проанализированы ассоциативные поля концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) на материале свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей кабардино-черкесского и английского языков.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Ментальными доминантами философско-нравственных представлений кабардино-черкесского и английского этносов являются концепты «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло), образующие ядро концептосферы в соответствующих лингвокультурах.

2. Мировоззренческие составляющие концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в их лексикографической, фразеологической, паремической презентациях, зафиксированных в нравственных установках, в частности, в кодексе чести «*Адыгэ хабзэ*», имеют внутреннюю иерархию, отражающую степень значимости отдельных элементов в рамках общей структуры системы ценностей в кабардино-черкесской и английской картинах мира.

3. Смысловая конвергенция ядра и периферии концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в исследуемых лингвокультурах обусловлена такими когнитивными признаками, как «деяния человека, направленные на добро, добрые поступки» (семантические репрезентанты толерантность, справедливость, этичность), «добро как положительные морально-нравственные качества человека» (семантические репрезентанты совесть, честь, скромность, кротость, мужество, дружба, любовь, трудолюбие), «деяния человека, направленные на причинение морального или физического вреда, злодеяние» (семантические репрезентанты предательство, подлость, грубость, бестактность), «зло как отрицательные мо-

рально-нравственные качества человека» (семантические репрезентанты безнравственность, позор, зависть, лживость, лицемерие, подхалимство, гордыня, жадность, трусость, лень, злословие, любопытство, хитрость).

4. Ассоциативные исследования среди современных носителей кабардино-черкесского и английского языков выявляют релевантные когнитивные признаки концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло), дополняющие и уточняющие традиционные взгляды на структуру и иерархию концепта, так как на ассоциаты влияют фактор индивидуального знания и владение культурной информацией в ее стереотипном представлении.

Научная гипотеза Базовые концепты «*фIы*»/«*good*» и «*Iей*»/«*evil*» отражают когнитивный опыт носителей кабардино-черкесского и английского языков, моделируют один из важнейших основополагающих фрагментов концептуальной картины мира. Широкий спектр их лексических, фразеологических и паремиологических репрезентантов может характеризоваться ядерными универсальными представлениями и специфическими национальными маркерами, находящимися в различных семантических полях.

Материалом исследования являются лексические, фразеологические и паремиологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из толковых, фразеологических, синонимических словарей кабардино-черкесского и английского языков. В диссертации использованы данные международного ассоциативного проекта «Small World of Words», а также материал, представленный носителями кабардино-черкесского языка.

Объем картотеки выборки составил 187 лексических единиц, репрезентированных в толковых словарях кабардино-черкесского и английского языков, 515 фразеологических, паремиологических единиц на кабардино-черкесском языке, 296 фразеологических и паремиологических единиц на английском языке, 300 ассоциатов, полученных при проведении свободного ассоциативного эксперимента среди носителей кабардино-черкесского языка, 300 ассоциатов носителей английского языка, опубликованных на сайте <https://www.smallworldofwords.org>.

Обращение к фразеологическим и паремиологическим единицам является вполне обоснованным и целенаправленным, так как в них аккумулированы, сохранены те культурные ценности и смыслы, которые веками складывались в традиционных представлениях, менталитете этносов. Во фразеологических единицах (далее ФЕ), пословицах и поговорках нашли отражение результаты когнитивного восприятия, решения этническими коллективами проблем добра и зла в процессе выстраивания правильных отношений между людьми и вещами. В устойчивых выражениях не только смоделированы морально-нравственные образцы поведенческой деятельности людей, но и даны им оценки, отсылающие к народной мудрости. Так, в кабардино-черкесской культуре они сконцентрированы в кодексе чести «*Адыгэ хабзэ*».

Методы исследования. В работе использованы метод сплошной выборки, дефиниционный анализ, метод когнитивной интерпретации, концептуальный анализ, метод полевого моделирования содержания концепта и ассоциативного поля, метод свободного ассоциативного эксперимента.

Теоретическая значимость диссертации. Исследование концептов «*фИы*»/«*good*» (добро), «*Ией*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесском и английском языках, проведенное в рамках одной из важных проблем современной теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, непосредственно связанное с вопросом соотношения, взаимосвязи и взаимодействия языка, этноса и культуры, на наш взгляд, представляет собой значимый вклад в развитие теории языка, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии. Оно отражает специфические особенности видения мира носителями кабардино-черкесского и английского языков, предопределяет дальнейшее исследование пересекающихся концептов.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы при чтении курсов «Лингвокультурология», «Когнитивная лингвистика», «Теория коммуникации», «Межкультурная коммуникация», «Этика», а также в лексикографической практике.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования опубликованы в рецензируемых научных изданиях, сборниках, обсуждены на международных, всероссийских научных конференциях «Актуальные проблемы языкового образования» (Майкоп, 2007); «Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения» (Астрахань, 2007); «Перспектива – 2012» (Нальчик, 2012); «Филология, искусствоведение и культурология в XXI веке» (Новосибирск, 2012), «Парадигма современной гуманитарной науки и образования: традиции и перспективы» (Нальчик, 2024); «Тибилловские чтения» (Южная Осетия, Цхинвал 2024).

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. В первой главе рассмотрены мифологические, религиозные, философские, этические и лингвистические аспекты изучения проблемы добра и зла, во второй главе описаны понятийные составляющие концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), репрезентированные в кабардино-черкесском и английском языках, особенности их объективизации в фразеологических и паремиологических единицах кабардино-черкесского и английского языков, представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента со словами-стимулами «*фIы*»/«*good*»; в третьей главе выявлены понятийные составляющие концептов «*Ией*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесском и английском языках, специфика их объективизации в кабардино-черкесских, английских ФЕ, поговорках, представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента со словами-стимулами «*Ией*»/«*evil*» среди современных носителей кабардино-черкесского и английского языков. Список использованной литературы включает 176 научных источников, 33 словаря, 2 литературных источника.

Общий объем исследования – 200 страниц.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФЕНОМЕНОВ ДОБРА И ЗЛА

1.1. Добро и зло в мифологических и религиозных представлениях

Проблема концептуализации добра и зла, представляет особую актуальность для философов, лингвистов, богословов, историков, этнографов и т.д. Как известно, человек в древности, сталкиваясь с реальностью (стихийными бедствиями, эпидемиями и т.д.), очевидно, внутренне чувствовал некий дискомфорт, следствием чего явилось восприятие мира в двух противоположных качествах – хорошо/плохо, белый/черный, добро/зло, нормально/ненормально, идеально/неидеально и т.д., то есть «мировосприятие человека этого времени шло на уровне бинарных оппозиций» [Иванова 1999: 8]. И, естественно, этот опыт формировал у него религиозно-сакральные нормы, призванные каким-то образом защитить его от зла, сориентировать в экстремальных ситуациях и найти способы сохранения добра и борьбы со злом.

Древний человек искал источники добра и зла вначале в объектах действительности, фетишах, затем – в неведомых силах. С этим связаны ношение магических амулетов, приносящих счастье, охраняющих от дурного глаза, различные суеверия, приметы, магические средства лечения, колдовство. Так появились и различные культы: культ предметов, культ зверей, ассоциировавшихся с добром. Например, кабардинцы приписывали камням целебные свойства («*уащхъуэ, мы-ващхъуэ кІанэ*»; в переводе с каб.: синим небом и синим осколком камня клянусь) [Шортанов 1992: 20]. «С помощью таких обрядов поклонения ... люди удовлетворяют свою естественную потребность, смутное стремление, тягу к чему-то высшему» [Мурат Яган 2015: 86].

Магическое значение придавалось и огню, культ которого использовали для предотвращения напасти, болезни людей и животных. Так, для некоторых народов огонь был символом чистоты и очищения от зла и нечисти. С культом

огня тесно связан и культ очага. На Кавказе домашний очаг связывали с идеей жизни, поэтому самыми страшными проклятиями считались такие, как: *уи жьэгур кхъэусэхэж*, (в переводе с каб.-черк.: «да разрушится твой очаг»), *уи жьэгу ма-фIащхъэ сэхыж* (в переводе с каб.-черк.: «да потухнет огонь в твоём доме»).

Значительное место в традиционных религиозных верованиях народов Кавказа занимал культ деревьев. Например, все плодовые деревья, по поверьям, приносили счастье, а потому их и запрещали вырубать. Кабардинцы признавали «добрыми» такие деревья, как *бзиху* (липа), *кIей* (ясень), *жыгей* (дуб), *хъэмкIутIей* (боярышник), которые обладали магической силой и предохраняли людей и животных от порчи и сглазов. О таких деревьях адыги говорили «*жыг угъурлы*» [Мафедзев 1991: 48]. В то же время нельзя было сажать вблизи дома ореховое дерево: «*Дэихуей жыг унэм къебгъэтIысылIэмэ – цIыхухъум папцIэкIэ фIыкъым*» (в переводе с каб.: «нехорошо для мужчины сажать около дома большое ореховое дерево»). «Недобрыми» также считались *зей* (кизил), *блашэ* (клен), *шэдыгъуей* (дикая черешня) и др. Об этом свидетельствуют такие кабардинские выражения: *зей жыг лъэкъыр угъурсызцI* (кизил – порода злых деревьев), *жыг делэ* (дурное дерево) [Мафедзев 1991: 51].

Представления о том, что вселенная находится во власти злых и добрых духов, запечатлены в древних астральных мифах и ассоциируются с Солнцем и Луной, например, Ян/Инь – в китайской мифологии, Лонг/Лай – в мифологии народов Камбоджи и др., а также с образами злых и добрых духов: дух Керемет в марийской и чувашской мифологии (Шеме, да Шеремет, ошо, да Керемет – черно), желмауыз – в мифологии некоторых тюркских народов, Ангро–Майнью, глава мира зла и смерти в иранской мифологии и т.д.

Зороастрийцы считали, что мир делится на два противоположных царства – мир света и добра и царство тьмы и зла, которые непримиримо борются друг с другом. Ахура-Мазда является олицетворением добра, света и чистоты, Ангро-Майнью – сила зла. Зороастрийцы обращались к человеку с призывом «избрать благие мысли, слова и дела и тем самым усилить лагерь добра в его противоборстве с силами зла, возглавляемыми Ангро–Майнью» [Мифологический словарь 1990: 80].

Широкое распространение получило и манихейство, учение Мани («мифологизированный образ иранского религиозного реформатора, вероучителя и пророка, основателя манихейства» [Мифологический словарь 1990: 334]). Основной целью манихейского вероучения является спасение «частиц света от власти материи» [Васильев 1999: 72]. Из зороастризма манихейство позаимствовало «борьбу двух начал – света и тьмы, которые могут воплощаться в более общие категории (добро – зло)» [Мифологический словарь 1990: 335].

По мнению исследователей, миф отражает в человеческой памяти всю жизненно важную информацию и определяет цель и место человека в мире. Е.В. Иванова в своей книге «Мифология добра и зла» [1999] обращается к литературе с мифологической тематикой «в ракурсе диалектической проблематики, к работам, раскрывающим философские, этические и религиозные аспекты взаимодействия добра и зла как примеров архетипического диалектического алгоритма» [Иванова 1999: 4]. Она считает, что такое исследование «представляется весьма своевременным и актуальным» [Иванова 1999: 6], дает возможность человеку расширить «рамки мировоззренческих установок, помогает ему преодолевать существующее зло» [Иванова 1999: 75]. Автор анализирует мифологические, религиозные, древние философские системы, ставит вопрос о категориальном раздвоении сознания человека как о предпосылке мыслительного процесса вообще.

Первые проявления зла в жизни человека, на наш взгляд, отражены во фразеологических единицах библейского происхождения: каинова печать «отпечаток, признаки преступности» из мифа об убийстве Каином, сыном Адама и Евы, своего брата Авеля. Считается, что это было первое преступление, совершенное на земле. После братоубийства Бог отметил лицо Каина особым знаком.

Такие качества, как высокомерие, скупость, зависть, ревность, нечистоплотность, есть самые большие грехи. В христианской этике источником и основанием добра является Бог. Моральное зло – это грех, совершаемый человеком и препятствующий ему приблизиться к Богу. Любое моральное нарушение есть грех, то есть зло, которое препятствует достижению высшего блага. Согласно учениям христианской религии, Антихрист отрицает заповеди Бога по наущению дьявола.

Отсюда ФЕ «антихристово клеймо», так называли отметину на руке новобранца – рекрута, по которой узнавали беглых солдат. Интересно то, что слово «Антихрист» было табуировано и вместо него использовали другое слово – «Антий». В отличие от манихейского учения, христианство отвергает противоречие добра и зла как двух полярных начал. Здесь злом является испорченное добро: добро – это все то, что направляет человека к Богу. В Библии говорится: ... «всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтоб не обличились дела его, потому что они злы» [Станески-Козвоски, Хейнс, Фелленц-Усами 1993: 115–117]. Этика Христа есть этика любви, главная заповедь которой такова: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всею крепостию и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [там же].

Христианство призывает к любви к врагам своим, так как их можно поразить, предоставив самим себе. В послании к римлянам Апостол Павел говорит: «...если враг твой голоден, накорми его, если жаждет, напои его. Ибо, делая сие, ты собираешь на голову ему горящие уголья» [Барт 2016: 445–459]. В Евангелии от Матфея говорится: «Не противиться злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и вторую» [Библия 2006: 1043]. Тем самым христианство учит: милосердие и прощение противопоставлять гневу и силе. А дальше следуют заповеди терпения, милосердия, великодушия: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обожающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [там же].

В христианстве первопричиной зла является дьявол, который вместе с другими падшими ангелами пытается установить свое царство. Нечистая сила, находящаяся в подчинении дьявола, может вселяться в людей, вызывать у них физическое

недомогание, одержимость, бешенство. Сатана обманывает, соблазняет, искушает, борясь за души людей. Однако ему подвластны только человеческие души, отступившие от Бога. Но в наказание за богоотступничество они (люди) получают адские муки. В образе дьявола совмещены не только сила, но и слабость зла.

В христианской этике понятие «моральное добро» основывается на Священном Писании. Зло здесь является явлением вторичным. Но в Священном Писании сказано, что мир создан Богом, а Бог есть абсолютное добро. Отсюда вытекает вопрос: откуда же взялось зло? И почему Бог его терпит? Так, в христианской философии столетиями рассматривается проблема теодицея (вопрос о наличии в мире зла).

Существует несколько версий происхождения зла. Одну из них выдвигает теология, основываясь на том, что зло было порождено гордыней и неправильным пониманием понятия «свобода». Вспомним, что ангел Люцифер захотел занять место Творца. Переманив к себе неустойчивых ангелов, он начал борьбу с Всевышним. Так, из светлого ангела Люцифер превратился в дьявола, которого охватила жажда эгоистического самоутверждения, зависть к тому, что Бог может творить. Таким образом, причиной возникновения зла стала свобода, которой Господь наделил сотворенные им души. Такой же свободой он наделил человека, то есть ему была дана возможность выбирать. Адам поддался искушению змия, пожелав «ведать добро и зло», как Бог. Данная версия происхождения зла, предлагаемая теологией, переносит ответственность за зло на людей и духов, проявивших бунтарство.

Согласно другой точке зрения, люди обречены на зло, пока существуют в теле, то есть человек, находясь в своем теле, не может возвыситься и расширить свое мировосприятие.

Христианство учит побеждать зло добром, переносить страдания с радостным убеждением. Это процесс искупления человека, как и Христос, который, совершая искупительную жертву, раскрыл людям смысл человеческих страданий. Таким образом, зло является главным орудием добра.

По исламу, борьба добра и зла происходит внутри самого человека. Ангелы противостоят демонам (шайтанам) во главе с Иблисом, поддерживают человека, борющегося со злом.

Согласно учениям ислама, жизнь – это выбор между добром и злом. Основной целью ислама является любовь к Богу и вера в Него. Путь приближения к Богу заключается в совершении добрых деяний и полном неприятии зла, то есть каждый добрый поступок приближает человека к Богу, а любое злодеяние отделяет от Него. Ислам учит, что люди, в отличие от ангелов, совершив добрый поступок, не могут подняться к более высокой степени близости к Богу, либо отдалиться от него, совершив злодеяние.

В Коране говорится: «Однако вполне возможно, что вам не нравится то, что вам приносит добро, и вы любите то, что несет вам зло. Бог знает, а вы нет [Коран, сура Баккара, 2: 216], то есть одному Богу дано право определить, что есть добро, а что зло.

Следующая выдержка из Корана демонстрирует, как добро и зло оказывают влияние на ход жизни: «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали ваши лица на восток и запад, но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Судный день, в ангелов, Писание пророков, кто, раздав имущество, хоть оно было ему дорого, близким, сиротам, бедным, путникам и просящим подаяние, тратил его на рабов, совершал молитву, давал зекат; верные данной им клятве, терпеливые в беде и в нужде, и во время опасности. Это – те, которые правдивы, т.е. которые богобоязненны» [Коран, сура Баккара, 2: 177].

Пророк Мухаммед говорил, что добро – это «красота личности» и «красота добродетелей личности», злом же является все то, что делает человека несчастным, заставляет его страдать. Важны все добрые деяния, улыбка, доброе, ласковое слово равноценны доброму поступку. По исламу, добрые дела, совершаемые человеком в этом мире, вознаграждаются в мире потустороннем: «И тот, кто сотворил добро величиной в пылинку, узрит его» [Коран, сура Зилзал 99: 7]. Согласно исламу, добро и зло исходят от Всевышнего: «Где бы ты ни был, смерть найдет тебя, даже если в высокой и недоступной башне! Если им (людям) ниспосылают

добро, то они говорят: «Это от Бога»; но если это зло, то они считают это от тебя (О, Пророк). Скажите: «Все от Бога». Что случилось с этими людьми, что они не способны распознать ни одно деяние?» [Коран, сура Ниса, 4: 78].

Основываясь на выборе человека, Аллах творит добро и зло. Его закон таков: если человек выбирает добро, то он получит добро. Выбрав же зло, зло он взамен и получит. Человека на злые поступки толкают два врага: сатана и человеческое эго. Однако сатана не обладает силой творить, он может «нашептывать человеку в душу», тем самым сбивая его с толку и мешая ему творить добрые дела. Но, борясь с соблазнами сатаны, человек может возвеличиться духом.

Основной способ противостояния сатане – это молитва. Сатана не может причинить человеку вред без Божьего позволения. Таким образом, верующий человек неуязвим для «нашептываний» сатаны. Целью каждого мусульманина является ведение такого образа жизни, которая будет направлена на достижение добра для всех людей.

В древнем суфистском течении, которое, по мнению известного философа, писателя, суфиста, основоположника учения «Аамста Кябзе» Мурата Ягана, является «процессом пробуждения и развития дремлющих в человеке сил с божественного соизволения и под божественным руководством» [Мурат Яган 2015: 32], отношение к добру и злу довольно противоречиво. С одной стороны, последователи суфизма являются фаталистами (все от Бога). С другой стороны, они отстаивают идею свободы воли. Последователи суфизма считают, что Бог создал как добро, так и зло. Но целью каждого суфия – стремление к добру (то есть достижение высших духовных качеств). По мнению Шамсудина Омули, «суфий должен украсить себя 10 нравственными качествами: 1) правдой; 2) великодушием; 3) аскетизмом; 4) скромностью; 5) кротостью; 6) прощением; 7) щедростью; 8) приветливостью лица; 9) остроумием; 10) лаской и дружбой» [Олимов 2019: 322].

«Иудейский закон впервые расценил преступное деяние как дело личной ответственности человека, его совести. Установление закона облегчило человеку выбор между добром и злом» [Станески-Козвоски, Хейнс, Фелленц-Усами 1993: 76]. В основе иудаизма лежит справедливость. Моисей является основателем религии и от-

цом еврейского народа. Общей основой свода правил, разработанных Моисеем, являются десять правил, регулирующих все сферы жизни еврейского народа. Первые три заповеди призывают почитать одного лишь Яхве и запрещают создавать других богов. В четвертой заповеди говорится: помни день отдохновения. Пятая гласит почитать своих родителей. Последующие заповеди призывают не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не лгать в отношении ближнего своего, не желать того, что принадлежит другому [Станески-Козвоски, Хейнс, Фелленц-Усами 1993: 78–79].

Согласно буддистскому учению, цель человека – достижение нирваны, поскольку человек никогда не бывает доволен собой в связи с тем, что он (человек) – существо несовершенное. Однако в буддизме существует некое противоречие. С одной стороны, буддизм гласит: «Никогда не привязывайся ни к приятному, ни к неприятному» [Дхаммапада 2005: 93]. Отсюда следует вывод, что для достижения нирваны «человек должен вырваться из мира, пробиться по ту сторону добра и зла» [Гусейнов 1995: 43]. Будда говорит: «Того я по праву назову брахманом, кто поднялся в этом мире над узами добра и зла, кто свободен от огорчений, греха и грязи» [Дхаммапада 2005: 153]. Блаженный потому и блаженен, «что он с благим и неблагим покончил» и ему «ни гнев, ни милость не свойственны» [Вопросы Милинды 1989: 164, 194]. С другой стороны, Будда считает, что достичь нирваны – значит отказаться от насилия и ненависти. Понятия добра и зла в Буддизме «связаны с промежуточным статусом человека в мире.... Понятие зла выражает отрицательное отношение человека к своему несовершенству, а понятие добра – перспективу его преодоления» [Гусейнов 1995: 60]. То есть, согласно Буддизму, человек, отказавшийся от насилия и ненависти, – есть само совершенство. Ненасилие и есть добро, которое не ограничено необходимостью противостоять злу, т.е. буддистское ненасилие ставится выше борьбы между добром и злом, но не выше самого добра. То есть, в Буддизме есть отсутствие добра, но нет зла.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что человечество издревле знакомо с такими универсальными понятиями как «добро» – «зло». На этих постулатах основываются все религиозные течения всех времен и народов.

1.2. Проблема добра и зла в философии и этике

Проблема добра и зла интересовала умы многих философов. О природе зла существует много высказываний. Досократические философские мыслители пытались определить понятие зла сквозь призму того, что есть добро. Так, Гераклит считал, что «добро и зло обретают смысл через их противоположное отношение друг к другу, то есть нельзя понять добро без зла или зло без добра; добро и зло являются специфически человеческими феноменами, а не просто природными силами» [цит. по Ковалев 2021: 50].

У истоков гносеологического трактования зла, как известно, стоял Сократ. Суть его теории состоит в следующем: 1) никто не творит зло добровольно;

2) лучше терпеть несправедливость, чем совершать ее; 3) тот, кто чинит несправедливость намеренно, лучше того, кто делает это ненамеренно. Сократ был убежден, что в человеческой природе нет склонности ко злу: «... все, делающие постыдное и злое, делают это невольно» [цит. по Кессиди Феохарий 2001: 224]. Он также был уверен, что человек творит зло от незнания. Согласно Сократу, доброе есть лишь полезное. По его мнению, добро – это понятие условное и относительное, так как что есть хорошо для одного, то дурно для другого.

Объясняя природу зла, платоновская философия поставила акцент на бездушную материальность. Платон назвал счастливыми тех, «кто обладает добрым, прекрасным» [цит. по Дубко, Титов 1989: 75]. В поисках истоков зла Платон обратился к деятельности божественного строителя космоса (Демиурга). По учению Платона, причиной любой неполноценности в мире является то, что материя сопротивляется усилиям Демиурга. Отсюда следует, что первопричиной зла является материя или несущее. Однако сопротивление подразумевает некоторую активность, а материя пассивна. Это противоречие заставило Платона сомневаться: природа зла материальна или духовна?

Платон также высказывал мысль о том, что добродетели могут быть противоположны друг другу, как и пороки. Объяснил он это тем, что чрезмерное и не-

уместное проявление какого-либо качества может преобразовать его из добродетели в порок.

В этическом дуализме коренным пороком считалось разделение людей на разные виды, враждебные друг другу. Платон разделял три вида породы людей: разумные, яростные, вожделеющие. Разница между ними выявляется только после их смерти. Он считал необходимостью, чтобы низменные люди занимали подобающее им место в государстве.

Согласно Аристотелю, моральное зло есть неразумие, но только в трех разных значениях: 1) отсутствие разума или если разум не способен влиять на побуждения; 2) извращенность; 3) направленность на дурные вещи. Соответственно аморальность характеризуется тремя видами испорченности души: это зверство, невоздержанность, порочность. Согласно Аристотелю, причиной зверства является отсутствие души. Однако так как зверство лишено свободы и знания, поэтому не может привести к трагическим результатам: «зверство менее дурно, нежели порочность, но более страшно, ибо лучшая часть души у зверей не развращена, как у порочного человека, а отсутствует. Ведь безвреднее всегда бывает дурное качество того, что не имеет в себе источника действия, а ум – такой источник, ведь порочный человек натворит, наверное, в тысячу раз больше зла, чем зверь» [Аристотель 1984: 204].

Невоздержанность, по Аристотелю, является той формой зла, которая относится к воле. Субъект, подверженный этому недостатку, нормален в отношении своих суждений, но ненормален в отношении намерений и их осуществления. Такие сильные побуждения, как любовные страсти, порывы ярости могут ввергать индивида в такое состояние, когда он, «обладая знаниями, ими в то же время не обладает» [Аристотель 1984: 196]. Аристотель в своих трудах писал: «Давайте уясним себе, что невоздержанность в порыве ярости менее позорна, нежели невоздержанность во влечениях.... Влечения едва только рассуждение или чувство скажут, что нечто доставляет удовольствие, бросается к уладам, так, что порыв в каком-то смысле следует за суждением, а влечение нет. А значит, оно позорнее,

ведь кто невоздержан в порыве ярости, как-то подчиняется суждению, а тот другой – влечению, а не суждению» [Аристотель 1984: 202–203].

Нравственным злом, согласно учению Аристотеля, является порочность, которая предполагает дурную направленность сильной воли и развитого рассудка. Порочный человек, по Аристотелю, является абсолютным виновником своего поведения, т.к. он не использует способность быть другим.

Добродетелью Аристотель называет «известного рода середину, поскольку она стремится к среднему. Сверх того, ошибаться можно различно (ибо зло беспредельно, как картинно выражались пифагорейцы, а добро ограничено), верно поступать можно лишь одним путем, поэтому-то первое легко, а второе трудно; легко обмануться, трудно попасть в цель, поэтому-то избыток и недостаток – принадлежности порока, середина – принадлежность добродетели» [Аристотель 1908: 31].

Проблема происхождения зла рассмотрена и неоплатоником Плотиним в контексте эманации. Согласно его учению, материя является последним из порождений Бога. Философ считал, что «сущностью зла является материя, а производящей причиной зла – падение или грех души» [цит. по Волкова 2011: 36]. Как свет становится тьмою, как бытие становится небытием, так и благо становится злом. Так как материя является последним божественным порождением, в ней нет ничего от единого, тем самым, материя есть зло. Так Плотин наделяет материю способностью властвовать над всем тем, что заключено в нее. Однако философ так же, как и Платон, повторил ряд заблуждений. Отрицательное толкование материи исключает вероятность утверждать о ее преимуществе перед идеальным миром. Но тогда материя не способна влиять на души, на идеи, тем самым она не может быть ответственной за зло, существующее в благих вещах. Таким образом, в данном философском течении сопоставление таких противоположностей, как добро и зло, дух и материя обнаруживает свою несостоятельность.

Стоики мучительно преодолевали зло, которого немало вокруг. Жизнь, которая не свободна от зла, не может дать счастья. «Есть только одна сфера, где можно отчиститься от зла. Это сам человек» [цит. по Сенека 1998: 331].

Стойки принципиально различают такие отрицательные психические переживания, как боль и горе. Боль – это нечто безразличное, горе – есть зло само по себе. Согласно учениям стоиков, зло – это то, что творит человек по своей природе, т.е. зло естественно. Боль безразлична для добродетели, так как является голосом самосохранения. К сожалению, человек не в силах сделать так, чтобы вовсе не испытывать боль, но человек может сохранять душевное спокойствие в каких-либо трагических жизненных обстоятельствах или впадать в горе. Мудрец отличается тем, что, испытывая человеческие чувства, он остается невозмутимым по отношению ко всем переживаниям, в то время как дурные люди становятся рабами этих переживаний. Таким образом, согласно учениям стоиков, добродетелью обладают лишь мудрецы, так как добродетель основывается на бесстрастии, т.е. разумном, трезвом отношении к аффектам. Стойки не находят ничего предосудительного ни в гомосексуализме, ни в инцесте, ни в никрофагии, ни в самоубийстве.

Марк Аврелий писал: «С кем бы тебе ни пришлось столкнуться, тотчас же обратись к себе так: «Каковы основные положения этого человека относительно добра и зла?», если у него имеются какие-нибудь определенные основоположения касательно славы, бесславия, смерти, жизни, то в его поступках ничто не может показаться мне удивительным и странным. Кроме того, следует также помнить, что он вынуждается поступать таким образом» [цит. по Сенека 1998: 331].

Кант, совершив поворот в философской мысли, в результате которого субъект занял центральное место, охарактеризовал зло как «морально-практический феномен» [цит. по Соболева 2013: 16]. Рассуждая о личности, Кант считал, что ее содержанием является нравственный закон, то есть само добро. Философ полагал, что если человек ставит перед собой задачу «выработать добрый характер, задатки личности в нем выступают в качестве задатков к добру» [цит. по Соболева 2013: 17].

Гегель считал, что «зло, взятое только для себя, есть некоторая абстракция, оно существует только в противоположность добру... Само зло есть одно пустое ничто, оно существует только в этой противоположности» [цит. по Кашин 2005: 32].

В книге «Оправдание добра» В.С. Соловьев устанавливает три нравственные основы, раскрывающие смысл добра в человеческой природе: «добро в человеческой природе, добро в истории человечества, добро от Бога» [Соловьев, цит. по Красицкий 2009: 303]. «Обосновывая добро в человеческой природе, он исходит из трех источников, из трех изначальных первичных данных нравственности, которыми являются чувство стыда, чувство жалости и чувство набожности» [там же]. В.С. Соловьев считает, что человека можно определить как «существо стыдящееся» [Соловьев, цит. по Красицкий 2009: 303]. По мнению автора, не менее важны для человеческой природы чувства жалости и сострадания: «... в чувстве стыда является превосходство человека над животными и невозможность низведения человеческой природы до животного состояния, настолько в чувстве сострадания выражается равенство человека с другими людьми и его солидарность с ними» [Соловьев, цит. по Красицкий 2009: 304]. Наивысшим моральным качеством человека, по мнению В.С. Соловьева, является чувство набожности. «В этом чувстве выражается превосходство человека над его собственной человеческой сущностью, способность подчиняться сверхчеловеческому началу, абсолюту или Богу. Именно это чувство образует моральную первооснову всех религий» [там же].

Таким образом, автор ассоциирует «три возможные моральные позиции человека» [там же] с этими тремя нравственными основами: «Стыду соответствует властвование над низшей чувственной природой; состраданию – солидарность человека с другими людьми, благоговению или набожности – способность человека свободно подчиняться высшему, стоящему над человеком, абсолютному началу, то есть Богу или абсолютному Добру» [Соловьев, цит. по Красицкий 2009: 304–305].

Как известно, в любом человеке заложены два начала: добро и зло. Но какое из начал будет проявляться в жизни человека, зависит от условий формирования человеческого характера. При выборе «плодотворной ориентации» основой человеческого характера становится любовь и доброе отношение к людям, к миру. При выборе «неплодотворной ориентации» человек наполняется нелюбовью, завистью, злобой, ненавистью к другим людям и к миру. Так, Э. Фромм расценивает

зло как результат неудачи человека в жизни. Он пишет: «В зле человек теряет сам себя при трагической попытке освободиться от тяжести своего человеческого бытия» [цит. по: Остроухов 2003: 167].

По мнению Н. Бердяева, «недостаточно человека освободить от внешнего насилия, как то думает социальная религия наших дней, нужно освободиться человеку от внутреннего зла, которое и рождает насильственную связанность природы и смертоносный ее распад» [Бердяев 1990: 138]. Далее он рассуждает: «Сама по себе материя не есть зло и не в ней источник зла. Плоть также свята в своей божественной первооснове, как и дух, но так же, как и дух, может быть испорчена, так же могут изолгаться и тогда сеет смерть» [Бердяев 1990: 148].

В проблеме добра и зла имеется сложный вопрос: как относиться человеку к злу? Согласно учениям Льва Николаевича Толстого, основное правило – «не отвечать злом на зло, не противиться злу насилием» [Толстой, цит. по Толерантность и ненасилие 2000: 29–30].

Толстой дает три определения понятию «насилие»:

- 1) физическое пресечение, убийство или угроза убийства;
- 2) внешнее воздействие;
- 3) узурпация свободной воли.

Л.Н. Толстой расценивает насилие как зло, как нечто, противоположное любви. По его мнению, насиловать – значит делать что-то, чего не хочет человек, над которым совершается насилие. Любить – значит делать то, что хочет другой человек. Философ размышлял о том, как предотвратить конфликты и агрессию людей, когда для одних злом считается то, что является добром для других? Согласно учениям Толстого, есть только одно решение: «ни частное, ни общегосударственное насилие не может быть оправдано ни при каких условиях и является тем самым безусловным злом, нарушением мирового единения людей и абсолютного начала. Зло невозможно поправить злом; применение насилия только увеличивает сумму мирового зла; нравственным может быть исключительно непротивление злу...» [там же].

Однако И.А. Ильин, посвятивший данному вопросу целое философское исследование («О сопротивлении злу силой»), уверен, что «непротивление» злу означает допущение зла и предоставления ему (злу) свободы. Рассуждая о «насилии» философ говорит, что «одно применение этого ценностно и аффективно окрашенного термина вызывает в душе отрицательное напряжение и предрешает исследуемый вопрос в отрицательном смысле» [Ильин 1995, 53–54]. Решение данной проблемы Ильин видит так: «функции борьбы со злом должны быть в руках лучших людей – честных, совестливых, религиозно мыслящих. Если бы у всех страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы невозможна. Подлинная победа над злом означает его полную трансформацию в добро, когда победитель «из глубины преобразует духовную слепоту в духовную зрячесть и силу каменеющей ненависти в благодать приемлющей любви» [Ильин, цит. по Толерантность 2001: 19]. Таким образом, нужно не истребление, а просветление злых, так как зло можно победить лишь изнутри.

Л.В. Максимов в статье «О субъективистских течениях в современной философии морали» [2004] при рассмотрении современной англо-американской терминологии Б. Хукера [Hooker, 2001], представителя американской аналитической этики, выделяет «четыре категории этического субъективизма, различающихся тем, какие именно стороны морали подвергаются субъективистской интерпретации:

- (1) «доброе» для личности,
- (2) практический разум,
- (3) моральное требование,
- (4) оценочное суждение [Максимов 2004: 3–15].

Первый вариант субъективизма выражается в следующем утверждении: «личное добро» зависит от установок и желаний личности: «доброе» – это то, что способствует реализации желаний и достижению удовольствия» [там же]. Согласно второму типу субъективизма «все разумные основания для поступков (включая поступки моральные) определяются опять-таки субъективными желаниями» [там же]. В основе третьей категории субъективизма лежит представление о

том, что «моральное требование не имеет объективного, надчеловеческого статуса и потому не является принудительно-обязательным; по характеру и степени влияния на человеческое поведение оно стоит в ряду с любыми иными субъективными требованиями» [там же]. В заключительной категории субъективизма говорится о «необходимости связи между установками личности и значением оценочных суждений. При этом автор различает два варианта внутри этой общей позиции. Одни субъективисты полагают, что оценочные суждения являются описательными, или дескриптивными, только описывают они не внешние реалии (как об этом можно было бы судить по их логической форме), а лишь аттитюды говорящего, т.е. если кто-то говорит: "X – хорош", то тем самым он фактически сообщает о своем внутреннем состоянии: "Я одобряю X" (причем эта информация может быть истинной или ложной – "неискренней"); а если другой человек говорит: "X – плох", то он тоже дает информацию – истинную либо ложную – о своем отношении к X (именно – о "неодобрении" этого X). Таким образом, оба противоположных высказывания об одном и том же X – одобрительное и осудительное – могут быть одновременно истинными и, следовательно, не противоречащими друг другу. За этой точкой зрения установилось название "дескриптивный субъективизм"» [там же].

Таким образом, мы видим, что проблема добра и зла не оставляла равнодушными философских мыслителей разных эпох. Точка зрения каждого из них имеет право на существование, так как она оправдана тем временем, в котором жил и творил тот или иной деятель.

Понятия «добро» и «зло» лежат в основе этической модели поведения человека. Рассматривая какой-либо человеческий поступок как «хороший», «добрый», мы даем ему положительную оценку, но, расценивая какой-либо поступок как «плохой», «злой» – отрицательную моральную оценку.

Если расценивать поведение людей с этической точки зрения, можно увидеть, что некоторые формы поведения являются морально нейтральными, такие, как одевание, умывание, прием пищи, пение и т.д., то есть эти поведенческие акты не рассматриваются нами ни с положительной, ни с отрицательной точек зре-

ния. Однако действия, совершающиеся намеренно и имеющие социальную значимость (т.е. действия, затрагивающие интересы других людей), получают моральную оценку. Их мы называем поступками. Так, например, налить воду – не есть поступок, но подать стакан воды больному, немощному человеку или забрать его у человека, испытывающего жажду, – это поступок (однако каждый из этих поступков получает оценку «+» или «-»), то есть в реальной жизни люди совершают как плохие, так и хорошие поступки, делают как добро, так и зло.

Задача этики – дифференцировать понятия *добра* и *зла* в соответствии с представляемой ими ценностью, изучить поведение человека в рамках ценностных ориентиров, оценивать его поступки согласно критериям добра и зла. В этом смысле можно сказать, что этика исследует нравственную жизнь, то есть «добро» и «зло» являются центральными понятиями этики, разграничивающими нравственное и безнравственное. В зависимости от исторических условий развития общества, от интересов, представляемых той или иной этической теорией, менялось и представление людей о добре и зле.

Ф. Энгельс говорил: «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» [Маркс, Энгельс 1961: 94].

Во второй главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкин описывает спор Онегина и Ленского:

«Меж ними все рождало споры.
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду» [Пушкин 2015: 125].

У каждого человека существует свое понимание нравственного кодекса. Так, Э.М. Ремарк в послесловии своего романа «Тени в раю» пишет: «Будь добр и мужествен; свято выполняй долг человеческого братства и солидарности, не про-

ходи безучастно мимо чужого горя; терпящему бедствие приходи на помощь даже в ущерб себе; будь верен в любви и дружбе, непримирим к подлости и беспощаден к негодьям; совершив достойный поступок, не пыжься и не гордись, не производи громких фраз и благородных сентенций; будь равнодушен к богатству, карьере и другим рычагам личного возвышения; не уничтожайся и не уничтожай, блюди честь и достоинство» [Ремарк 1972: 428–429].

Ценностная позиция в нормативной этике основывается на толковании знаний о добре и долге. Нормативную этику не интересует вопрос: «Что есть добро на самом деле?»

Особенностью моральных оценок «когнитивистского» этического учения является то, что, называя вещь «доброй» («хорошей»), человек не рассматривает ее как обладающую свойством «доброты». Он выражает эмоцию или чувство «одобрения».

В гедонизме понятия «добро» и «зло» связывают с удовольствием и наслаждением; в эвдемонизме добро – есть основание человеческого счастья, прагматизм и утилитаризм рассматривают добро как пользу. Теология связывает добро с проявлением божественной воли; «натуралистическая» концепция – с естественной природой человека; «рациональная» концепция – со всемогуществом разума человека. Интуитивизм вообще считает невозможным определение добра, в неопозитивизме добро – есть выражение эмоций того или иного человека; в «экзистенциализме» добро полностью зависит от личного замысла индивида [Словарь по этике 1983: 77].

Альберт Швейцер, посвятивший немало своих работ культуре и этике, считал, что человеку свойственно выдавать за добро зло. Любое принижение или уничтожение жизни, пусть то даже самое минимальное, он расценивает как зло. Он говорит: «Добро – то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей» [Швейцер, цит. по Гусейнов, 1995: 248]. В его этических учениях есть четкое разграничение между добром и злом. Добро есть добро, которого не может быть ни много, ни мало. Добро или есть, или его нет. Зло – есть зло, даже в том случае, когда оно неизбежно. Вот почему люди обречены

жить с нечистой совестью. Он также говорил: «Добро – это сохранять жизнь, содействовать жизни, зло – это уничтожать жизнь, вредить жизни» [там же].

Э. Фромм считал, что «зло в человеке возникает, когда отсутствуют надлежащие условия для развития» [Фромм 1992: 86]. Пытаясь ответить на вопрос «Добр человек или зол?» он, следуя теории З. Фрейда о двух инстинктах, считает, что «добро состоит в том, что мы все более приближаем наше существование к нашей истинной сущности, зло состоит в постоянно возрастающем отчуждении между нашим бытием и нашей сущностью» [Фромм 1992: 107].

Философ А.П. Скрипник, размышляя о зле, как явлении аморальном, утверждает:

1. «Моральное зло не является *contradiction in adjecto*, ибо мораль, согласно пониманию большинства этиков, не ограничивается в своем содержании лишь благодеяниями и добродетелями, но включает и проступки, и пороки, то есть зло» [Скрипник 1992: 5].

2. «Исследование морального зла сталкивается со специфическими трудностями, каких не знает ни криминология, ни социология отклоняющегося поведения. Безнравственные типы (злодеи) не составляют особой категории граждан и не обладают явными социологическими признаками, позволяющими осуществить их идентификацию. Иными словами, возможность или невозможность исследования зла прямо связано со статусом этики как науки» [Скрипник 1992: 5–6].

В последние годы добро и зло рассматриваются также в рамках психологии, социологии и культурологи. Так, М.В. Долгополова отмечает, что исследование данных общечеловеческих ценностей «в контексте культурологических, социологических и психологических проблем позволяет глубже понять сущность человеческой личности» [Долгополова 2020: 26].

Подводя итоги, мы можем сказать, что в этике «добро» и «зло» рассматриваются как моральные качества человеческих поступков: добро – это все то, что имеет положительное значение, отвечающее нравственным требованиям, зло же есть безнравственное, заслуживающее осуждения и противоречащее моральным требованиям.

1.3. Языковая концептуализация добра и зла как проблема лингвокультурологии

Прежде чем приступить к анализу научной литературы, посвященной проблеме лингвокультурологического исследования концептов «добро» и «зло», рассмотрим некоторые термины, используемые нами при исследовании концептов как базовые единицы метаязыка диссертационной работы.

Одной из задач лингвокультурологии является изучение «механизмов воплощения и межпоколенной трансляции стереотипов национального мировидения в обычном сознании, поэтапная реконструкция культурных установок и характерологических черт менталитета народа» [Воробьев 2015: 217–226]. Важнейшим понятием лингвокультурологии является концепт, который, по мнению В.И. Карасика, составляет «основу категориального аппарата лингвокультурологии» [Карасик 2001: 15]. Термин «концепт», который редко употреблялся для обозначения «самой простой единицы мышления» [Чесноков 1967: 93], стал активно использоваться в российской лингвокультурологической литературе с начала 80-х годов XX века, когда началось изменение научной парадигмы гуманитарных знаний, то есть на место господствовавшей ранее системно-структурной парадигмы пришла антропоцентрическая, функциональная парадигма, которая вернула человеку статус «меры всех вещей». В статье «Концепт как «зонтиковый термин»» (2003) С.Г. Воркачев объясняет эти изменения тем, что «...российская лингвистическая мысль столкнулась с необходимостью выработки нового термина для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционных значения и смысла и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории» [Воркачев 2003а: 5].

Необходимость введения нового термина, «в семантике которого сливались бы денотация и коннотация, «ближайшее» и «дальнейшее» значения слова, знания о мире и о познающем его субъекте, объясняется, в том числе, и потребностями когнитологии, в частности когнитивной лингвистики, сосредотачивающей внима-

ние на соотнесении лингвистических данных с психологическими, для которой оперирование категорией понятия в классическом, «безобразном» представлении оказалось явно недостаточным» [Бабушкин 1996: 12].

Слово *conceptus* – позднелатинское, средневековое образование, производное (причастие) от глагола *concipere* – *concapere* – «собирать», «схватывать», «загораться», «задумывать», «зачинать». В классической латыни *conceptus* зафиксирован лишь в значениях «вдвоем», «воспламенение», «зачатие», «плод» (зародыш) [Дворецкий 1949: 195].

Слово «концепт» со своим производящим глаголом вошло как в романские языки, так и в английский язык: ср.: французский – *concept* – *concevoir*, итальянский – *concetto* – *concepire*, испанский – *concepto* – *concebir*, португальский – *conceito* – *conceber*, английский – *concept* – *conceive* [Воркачев 2004: 12]. В работе «Счастье как лингвокультурный концепт» С.Г. Воркачев представил значение данного научного понятия через различные когнитивные метафоры известных ученых-лингвистов [Воркачев 2004: 14]. Так, «концепт» это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловой квант бытия» и «ген культуры» [Ляпин 1997: 16–17], и «некая потенция значения» [Лихачев 1993: 6], и «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997: 40], это и «эмбрион мыслительной операции» [Аскольдов 1997: 273].

«Большой энциклопедический словарь» определяет термин концепт как «смысловое значение имени, т.е. содержание понятия, объем которого есть предмет этого имени» [БЭС 2001: 568], «Советский энциклопедический словарь» – как «содержание понятия, которое выявляется в лексеме» [СЭС 1987: 632]. В «Философском энциклопедическом словаре» термин «концепт» рассматривается, как и термин «понятие»: «концепт» (лат. *conseptus* – понятие) – формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие [ФЭС 1983: 278]. «Лингвистический энциклопедический словарь» указывает на смысловую соотносительность и терминологическую разноуровневость: «понятие (концепт) – это явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и

форм исследуемых как в языкознании, так и в логике» [ЛЭС 1990: 384]. Таким образом, термин «концепт» в словарях представлен как некая система знаний, которая объединяет представления о некоторых явлениях и предмете, при этом выделяя в нем самое существенное, развивающееся как умственный образ, общая мысль, реализующаяся в языковых знаках.

Существуют также и другие трактовки слова «концепт». Так, богословы считают, что концепт есть «зародыш божественного Логоса, архетип мысли, который не задан, а дан как вечная ценность» [Колесов, цит. по Мартинович, 2006: 3–9]; культурологи рассматривают концепт как переход от образа культуры к понятию о культуре и далее – к ее идее; построенная на типологических основаниях, эта концепция снимает проблему концепта как формы воплощения национальной идеи [Цримова 2003: 47]. Т.Б. Радбиль рассматривает концептуализацию как «живой процесс порождения новых смыслов, отражающих механизмы того, как образуются новые знания и как можно объяснить способность человека постоянно пополнять фонд знаний о мире и т.д. [Радбиль 2013: 166].

Лингвистическое понимание концепта предопределяет три основных подхода:

1. Концепты включают лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка. Совокупность таких концептов образует концептосферу языка [Лихачев 1993], в которой концентрируется культура наций.

2. К числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры [Степанов 1997; Нерознак 1998].

3. К числу концептов относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен [Снитко 1999: 46; Кузнецов 2000: 17–18]. «Сами эти понятия настолько высоки, что выше их, сразу же за ними в человеческой душе начинается мертвое, безвоздушное пространство» [Рождественский 2000: 607], они являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. «Метафизические концепты (душа, истина, свобода, счастье, любовь, добро, зло и пр.) – ментальные сущ-

ности высокой либо предельной степени абстрактности, они отправляют к «невидимому миру» духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предлагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного» [Воркачев 2004: 40].

Н.Д. Арутюнова считает, что «концепт» – это «понятие жизненной философии», «обыденные аналогии мировоззренческих терминов» [Арутюнова 1993: 3–6; 1999: 617–631], закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуре этноса. Концепт в таком понимании представляет собой единицу обыденного философского, преимущественно этнического сознания, он культурно значим, аксиологически окрашен и мировоззренчески ориентирован [Воркачев 2004: 20]. По мнению Д.С. Лихачева, концепт – это «совокупность всех знаний и понятий, возникающих при произнесении и осмыслении данного слова в сознании индоевропейской личности. Концепт можно определить как систему представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном и бессознательном механизме восприятия и ассоциирования. Основной функцией концепта является функция замещения не только основных значений слова, но и всех его возможных вариантов и оттенков употребления» [Лихачев 1993: 3–9].

Концепт существует в ментальной реальности человека (его сознании) как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контакте эмоций, переживаний, ассоциаций и так далее. «Осознание его как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, мир его психики, но и воссоздать его этнокультурный образ, его этноментальную характерологию, ибо концепт – это фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире человека» [Фесенко 1999: 334].

Концепт определяют как «связывающее звено между мышлением и языком» [Борисова, 2014], «единицу языка мысли» [Т.А. Фесенко 1999], «комплексную мыслительную единицу» [И.А. Стернин 1985, 1991]; «способный быть означенным в языке образ представления о мире или его фрагменте» [М.В. Пименова,

1996]; «оперативные единицы сознания, и значения языковых знаков» [Е.С. Кубрякова 1995, 1999]. С точки зрения В.Н. Телии, концепт – это «все то, что известно об объекте, в концепте отражены не просто существенные признаки, а все знания, культурно-обусловленное представление об объекте, бытующее в данном языковом коллективе» [Телия 1996: 96].

«Концепт определяется как основная единица национального менталитета как специфично индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок, главной характеристикой которого является особенность мышления и поведенческих реакций индивида или социальной группы» [Воркачев 2004: 26].

Существование человека определяется не только материальным, но и духовным окружением, так как человек есть высшая из систем в природе. Понятие «человек» объединяет в себе компоненты, образно описывающие внешние и внутренние признаки человека, наиболее ярко отражающие особенности национального менталитета, национальной психологии, национальных ценностей, т.е. национальной личности.

Национальное своеобразие личности состоит, прежде всего, в сочетании элементов, общих для всех народов и наций, в комбинации системы отношений и ценностей. По мнению И.В. Ерофеевой, «на Руси существовал настоящий культ доброго человека, духовно сильного, сострадающего, любящего. Человеколюбие, щемящее душу, тайное добро – свойства нашего национального характера, определившее содержание почти всех категорий аксиологической картины мира русского человека. Так, исконное «терпение» утверждало не пассивное перенесение тягот, не рабское существование, а принцип неагрессивной духовной силы (такова была доброта первых русских святых Бориса и Глеба)» [Ерофеева 2010: 70–71].

«Этические (духовные) концепты являются продуктом и одновременно составляющей частью национальной ментальности, которая сознанием обычно не фиксируется...» [Харитонов 1997: 3].

Анализ и систематизация концептов привели к попыткам классифицировать их. Так, Л.А. Блинова и Н.А. Купина предлагают выделить следующие группы этических концептов, репрезентирующих общечеловеческие, духовные ценности: 1) нравственность, мораль, этика; 2) правда, истина; 3) духовность, дух, душа; 4) гуманизм, человечность; 5) совесть, совестливость; 6) счастье [Блинова, Купина 1993: 21].

На наш взгляд, список основополагающих концептов можно дополнить концептами «добро», «зло», являющихся исходными для этического мироощущения человека. На сегодняшний день существует множество трактовок понятий «добро», «зло». Например, добро и зло это:

«Нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщенной форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой – нравственно-отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей, в явлениях социальной действительности» [Философский энциклопедический словарь 1983: 171];

«Это понятия, обозначающие, во-первых, положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта..., во-вторых, нормативную, предписательно-оценочную сторону явлений общественного сознания. К предметным ценностям относятся: естественное благо и зло, заключенные в природных богатствах и стихийных бедствиях; ...социальное благо и зло, содержащиеся в общественных явлениях; ... моральное добро и зло, заключенные в действиях людей, этических характеристиках природных и общественных объектов и произведений искусства» [Алексеев, Панин 2005: 406–407].

Добро рассматривается как «одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий этики. Добро является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что отвечает содержанию требований нравственности, и того, что противоречит им» [Словарь по этике 1983: 76].

Абсолютной формой добра считается «требование отдать безусловный приоритет общественному перед личным» [Разин А.В. цит. по : Этика 1999: 57].

Зло же – это «категория этики, по своему содержанию являющаяся противоположностью добру, и понятие морального сознания, которое служит наиболее обобщенным выражением представлений о безнравственном, противоречащем требованиям морали, заслуживающем осуждения, а также общей абстрактной характеристикой отрицательных моральных качеств» [Словарь по этике 1983: 95]; «экспрессивное обозначение таких вещей, как халатная непредусмотрительность, неправота, неправильность, несправедливость, злодейство» [Апресян Р.Г. цит. по Этическая мысль: современные исследования 2009: 412].

Основным злом является «зло нравственное: оно состоит в нарушении деятелем ранга ценностей, именно в себялюбии, эгоизме, т.е. в большей любви к себе, чем к Богу и другим существам, тогда как правильное соотношение ценностей требует большей любви к Богу, чем к себе, и любви ко всем существам такой же, как к себе» [Лосский 1991: 62].

Концепты «добро», «зло» лежат в основе понятий «ценность», «мораль». На формирование их концептуальных признаков влияют такие факторы, как морально-этический, общественно-политический, межэтнический, межличностный, экономический и др.

По мнению В.И. Карасика, «этнокультурная специфика представления того или иного концепта может быть выявлена посредством картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов» [Карасик 1996: 3–16]. При исследовании концептов «добро» и «зло» мы учитывали внутренний мир носителей языка, их характер, особенности их языкового сознания, характерные черты национальной культуры кабардинцев и англичан, ибо, как отмечает Д.С. Лихачев: «Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности – значит делать мир народов очень скучным и серым» [Лихачев 1981: 64]. С.Г. Воркачев считает, что «культурные концепты – это, прежде всего, ментальные сущ-

ности, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность – ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания» [Воркачев 2003а: 5–12].

Следуя за Н.Н. Тереховой, «под характером мы понимаем сумму всех возможных реакций человека в смысле его проявления воли и аффекта, которые образовались в течение всей его жизни» [Терехова 2002: 14]. «Характер – это этнический и моральный аспект личности, та «данность», которая присуща только ему, как индивидууму» [там же]. Однако при исследовании концептов мы не могли не затронуть такие ключевые понятия, как «национальный характер», «национальный менталитет». Проблема национального характера интересует многих ученых, философов с давних времен. Так, в 1748 году Дэвид Хьюм (*David Hume*) писал: «Каждая нация имеет особый строй манер, и некоторые особые качества чаще встречаются у одного народа, чем у других» [цит. по Кочетков 2002: 61].

Нам представляется, что национальный характер нельзя унаследовать, он приобретает в процессе воспитания, в процессе существования внутри того или иного культурного этноса. Как отмечали Ю.В. Бромлей и Р.Г. Подольный, «культурное единство членов этноса неразрывно связано с наличием у них определенных черт психики, которые называют этническим, или чаще, национальным характером» [Бромлей, Подольный 1990: 106]. По мнению А.П. Мельникова, «национальный характер нельзя отождествлять с психическим складом нации или национальной психологией. Это скорее форма проявления психического склада в поведении людей, их нравах, обычаях, привычках, вкусах, традиции, культуре. Национальный характер – это явление историческое, продукт общественных отношений» [Мельников 1977: 14–38]. Такого же мнения придерживается и В.В. Кочетков, который подчеркивает, что для того чтобы национальный характер считался типичным для данного этноса, «соответствующие черты характера должны быть присущи большинству или, по крайней мере, значительной части его членов и отличать их от представителей других этносов» [Кочетков 2002: 64]. В формировании национального характера важную роль играют уровень развития того или иного народа, образ жизни, географическое местоположение.

Ядром национального характера являются так называемые национальные стереотипы, которые представляют собой «стандартизованные, устойчивые, ценностно окрашенные и эмоционально заряженные представления об окружающей действительности и других людях» [Крысько 2002: 133]. Английские словари дают следующие определения термину *stereotype*: «*a belief or idea of what a particular type of person or thing is like*» (вера или идея того, что собой представляет определенный тип людей или вещей) [Longman Dictionary of Contemporary English 2003: 1627].

Влияние определенных условий социально-общественной жизни формирует национальный стереотип в виде некоего «ярлыка», который «навешивается» на определенную нацию и распространяется при помощи языка и культуры. Таким образом, мы можем сказать, что каждая нация имеет свой этнический стереотип, при помощи которого мы можем судить о самых ярко выраженных, часто проявляющихся чертах этой нации.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, источником информации о национальных стереотипах служат международные анекдоты, национальная классическая литература, фольклор, национальный язык [Тер-Минасова 2000: 136]. Говоря о специфике национального характера англичан, следует отметить их трепетное отношение к своим традициям. Они стараются придерживаться установленных их предками правил, чем и оправдывают «навешанный» им стереотип консерватизма. По суждению Н.В. Уфимцевой, «в ядре языкового сознания англичан представлена только одна пара оценок: *good* (хорошо) – *bad* (плохо) [Уфимцева 1998: 161].

Важнейшими концептами английского национального характера являются «традиции», «сдержанность», «джентльменство», «толерантность», «дом», «закон», «юмор», «спорт». Слово «*gentle*» стало неотъемлемой характеристикой поведения англичан, откуда происходит термин «джентльмен», который изначально обозначал мужчину благородного происхождения. Затем так стали называть образованного, воспитанного мужчину, который отличался сдержанностью, элегантностью, пунктуальностью и умением держать свое слово [Цеева 2012: 187].

Свою историческую и духовную память в языке отразил и адыгский этнос. Анализ адыгской языковой картины мира подтверждает «этическую детерминированность языка, уникальность его роли в познании культурно – психологической самобытности этноса» [Бижева 2000а: 151]. Языковые способы выражения адыгского менталитета зафиксированы в их культурных концептах. «В важнейших культурных концептах выражается картина мира адыгов – система наиболее общих миропредставлений. Язык же, как уникальный компонент духовной культуры в наибольшей мере отражает этнические особенности восприятия действительности. В особенностях языковой картины мира можно искать источник этнического своеобразия различных форм духовной жизни этноса» [там же]. Таким образом, мы можем говорить о «языковой концептуализации мира, которая понимается как некоторая совокупность знаний о мире, представляющая собой обобщенные результаты коллективного опыта общения с миром носителей данного языка, незаметно для них отложившиеся в по-своему стройную и строгую систему языковых значений» [Радбиль 2018: 126].

З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают языковую картину мира как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представления о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2017: 38].

Говоря о концептах «добро» и «зло» в кабардино-черкесской ЯКМ, нельзя не упомянуть об эмоциональных концептах «*фIы*» («хорошо»), «*лей*» («плохо»). Ведь если проанализировать все человеческие чувства, эмоции и переживания, то их можно поделить на хорошие и плохие или добрые и злые. Так, З.Х. Бижева вслед за А. Вежбицкой приводит следующую классификацию эмоциональных концептов на основе семантических категорий:

1) «группа эмоциональных концептов, объединенных общей идеей того что происходит с людьми, – «плохое» или «хорошее»;

2) группа эмоциональных концептов, сообщающих о том, что делают люди (тоже «плохое» или «хорошее»);

3) группа эмоциональных концептов, которая выделяется по следующему критерию: представления о том, что мы думаем о себе и что другие люди думают о нас;

4) группа концептов, обозначающих эмоциональное отношение к другим людям (эти понятия также базируются на элементах «хороший», «плохой») [Бижева 2022: 96].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что концептуальные поля «*фИы*», «*Ией*» («хороший», «плохой» или «добро», «зло») играют важную роль в этикетной системе адыгов.

Адыгский этикет, известный как *Адыгэ хабзэ* – «закон», «путь», предписанный отдельному человеку и обществу в целом, символизирует культурную и нравственную идентичность каждого адыга². Он охватывает все стороны человеческой деятельности (отношение к старшим, женщинам, труду, родине и т.д.), а также такие формы выражения морально-нравственных ценностей, как справедливость, честь, совесть, мужество, терпимость, счастье, добро и зло.

По мнению адыгов, зло – это грех, который оборачивается против совершившего его человека, а добро – это благое дело, которое вернется добром (*Ией ницауэ фИым уцымыгугь* – совершив зло, не жди добра) [Цеева 2012: 188].

В последние годы в лингвистике появились исследования, посвященные проблемам репрезентации концептов «добро» и «зло» в различных лингвокультурах. На наш взгляд, это связано с тем, что в современном обществе многие факторы (религиозная, расовая нетерпимость, межэтнические отношения и т.д.) провоцируют нагнетание ситуаций, приводящих к конфликтам, к причинению вреда – физического, нравственного, то есть зла. Так, анализируя понятия *зло* и *evil* в политическом дискурсе, С.А. Тихонова приходит к выводу о том, что они являются «ключевыми для современной российской и американской политической картины мира, репрезентируемой прежде всего национальным политическим дискурсом»

² Самоназвание кабардинцев. В тексте диссертации используется как синоним.

[Тихонова 2006: 3]. По ее мнению, концепты *зло* и *evil* в политическом дискурсе в обеих лингвокультурах выступают в качестве мегаконцептов, объединяющих ряд таких концептов, как терроризм, экстремизм, политический режим, власть, политические выборы, война, коррупция, негативные экономические процессы, негативные социальные процессы, наркотики и моральное зло. В то же время для русского языкового сознания специфическими частными концептами являются *государство, законы, преступность, реформы, бизнес, чужие культурные традиции*, пересекающиеся с концептом *зло* по набору определенных признаков [Тихонова 2006: 6]. Можно согласиться с С.А. Тихоновой, так как зло – это следствие негативного восприятия окружающей действительности.

В своей работе «Концептуальная оппозиция «добро – зло» в этноязыковой картине мира» [2004] Л.В. Лотря выявила универсальные и этноспецифические компоненты смысла концептов «добро» и «зло» при помощи синхронного семантического анализа соответствующих лексем русского и чувашского языков. Данное исследование выполнено «с позиции выявления универсальных и этноспецифических компонентов смысла концептов *добра* и *зла*, представляющих собой ключевые мировоззренческие категории, путем синхронного семантического анализа соответствующих лексем русского и чувашского языков, принадлежащих к разным языковым семьям» [Лотря 2004: 4–5].

Л.В. Лотря, пытаясь проникнуть в «микромир языка», провела семантический анализ лексем «*добро*», «*зло*», «*ыра*», «*усал*» в русском и чувашском языках 19–20 вв. Благодаря проведенному сопоставительному анализу бинарных концептов «*добро*» – «*зло*», «*ыра*» – «*усал*», Л.В. Лотря выявила общие и отличительные черты, свидетельствующие об этнической специфике мировосприятия. Так, «общими смысловыми компонентами являются: оценка чего-либо как хорошего, правильного, полезного, ценного, достойного одобрения, похвалы // как плохого, неправильного, вредного, достойного осуждения; 2) понятие пользы // вреда; 3) понятие счастья, удачи, успеха // несчастья, горя, бедствия; 4) представления о присутствующих в мире духовных сущностях, сверхъестественных силах, доброжелательно настроенных к человеку, содействующих человеческому счастью, бла-

гополучию // враждебно настроенных к человеку, стремящихся его уничтожить, причинить физические и душевные страдания,; 5) представления о человеческих качествах, чувствах и эмоциях, основу которых составляют доброта, милосердие, отзывчивость, благородство, великодушие // злость, злоба, ненависть, зависть, эгоизм, агрессивность, жестокость» [Лотря 2004: 25]. Отличительными чертами является то, что концепты «*ыра*» – «*усал*», выражают «ценностные отношения в широком смысле», где «объектом оценки данных концептов является не только человек, сфера человеческой деятельности и человеческих взаимоотношений, но и качества, свойства, признаки различных явлений внешнего мира, предметов окружающей действительности, живых организмов, а также сакральные представления об оказывающих определенное влияние на человеческую жизнь нематериальных сущностях, обладающих сверхъестественными способностями» [Лотря 2004: 25–26]. При помощи анализа примеров из текстов, Л.В. Лотря пришла к мнению о «необходимости внесения корректив в словарные дефиниции слов «добро», «зло», «*ыра*», «*усал*», так как содержание, вкладываемое носителями языка в эти слова шире определений, приводящихся в чувашских и русских словарях.

Научный интерес представляют исследования концептов «добро» и «зло» и с точки зрения социокультурного подхода. В связи с этим Е.Ю. Мокрушина в работе «Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры» ввела понятие социокультурного вектора, предполагающего изучение концепта с таких точек зрения, как возрастной и статусный векторы «объективации концепта ДОБРЫЙ представителями англоязычной культуры» [Мокрушина 2008: 4]. Ею сделаны следующие выводы, в частности: в гендерном аспекте в английском языковом сознании объективируется доброта женская как амбивалентное явление. С одной стороны, женская доброта присуща женщинам от природы, с другой – она может зависеть от настроения женщины [Мокрушина 2008: 19]. Что касается возрастного вектора, то, как правило, доброта в большей степени присуща детям (где понятия доброты «обусловлено материальной обеспеченностью» [Мокрушина 2008: 20]) и пожилым людям, которые ценят доброту «в словесном проявлении и в формальных знаках внимания и моральной поддержки» [там же]. По мнению Е.Ю. Мок-

рушиной, со статусной точки зрения доброта – неотъемлемое качество учителя и врача, в других статусных отношениях в проявлении доброты проявляется неравенство [там же].

Проблеме объективизации концепта добро посвящена работа Л.М. Шатиловой «Лексико-семантическая репрезентация концепта «добро» в немецком и русском языках» [2006], где при сопоставлении лексико-синонимических рядов диссертант пришла к выводу, что «отличительным свойством немецкого языка являются особенности выражения словом «*gut*» добрых отношений человека, добрых национальных черт и христианской доброты. В русском языке можно наблюдать использование лексемы «добрый» как элемента сужения значения при характеристике человека, где подразумевается добрый поступок человека при обстоятельствах» [Шатилова 2006: 151]. Л.М. Шатилова исследовала концепт «добро» на лексическом уровне, что дало возможность «изучения семантики слов, входящих в лексико-семантические поля и образующих синонимические ряды исследуемого концепта добра» [Шатилова 2006: 146]. При этом, с одной стороны, анализ лексико-семантических полей позволил выяснить частоту употребления лексем, репрезентирующих концепт «добро». С другой стороны, структура лексико-семантического поля сделала возможным определить границы и расположение слов, выражающих концепт «добро» в русском и немецком языках. Л.М. Шатилова также выяснила, что отличительной чертой лексико-семантических полей концепта «добро» в немецком и русском языках является их ядро: в русском языке оно двусоставное (лексемы «добро»/«благо»), в немецком односоставное: ядерной лексемой является слово «*das Gut*». В данной работе была «выявлена сфера употребления, а также сходства и различия лексических единиц синонимических рядов базовых слов, представляющих изучаемый концепт в современных немецких и русских художественных текстах» [Шатилова 2006: 150]. Проведенный Л.М. Шатиловой этимологический анализ синонимов лексем «добрый» в русском языке показал, что большинство слов сохранили свои изначальные значения. Новые значения появились у таких слов, как «душевный», «ласковый»,

«отзывчивый», «человечный», «что свидетельствует о том, что язык – это живое явление, которое изменяется вместе со временем» [Шатилова 2006: 153].

Благодаря изучению немецкой лексемы «*gut*» и русской лексемы «добрый», диссертант еще раз доказала степень дальнего родства немецкого и русского языков, так как «семный состав синонимичного ряда данных лексем настолько специфичен и своеобразен, что употребляются в современных немецких и русских художественных текстах в основном слова, не эквивалентные друг с другом» [там же].

Другой исследователь концепта «добро» Н.В. Сафонова попыталась определить структуру, тип и место концепта «благо/добро» в ментальной концептосфере русского этноса, сравнивая с аналогичным лингвокультурологическим материалом англичан, китайцев и латинян. Разработав «теорию концептуальной иерархии», она структурировала концепт «благо»/«добро». В ходе языкового анализа были установлены когнитивные классификаторы, которые позволили «выстроить логически обоснованную таксономическую модель исследуемого концепта, а введение понятий «активный когнитивный классификатор» и «пассивный когнитивный классификатор» градуировать их» [Сафонова 2005: 288]. Анализ «активного» и «пассивного» когнитивных классификаторов показал, что «наше общество движется по пути прагматизации, которая сопровождается деструктуризацией нравственных ценностей и значительной их потерей» [там же]. В ходе исследования было установлено также, что исчез ряд лексико-семантических звеньев в общей цепи репрезентантов концепта, что характеризует ментальные утраты носителей языка. Н.В. Сафоновой введены в научный оборот такие понятия, как «гомогенный» и «гетерогенный концепт», что «позволяет сделать акцент на специфике аксиологических концептов, как бы перетекающих один в другой, что и иллюстрируется концептом благо/добро. Кроме того, такая «текучесть» позволила проиллюстрировать вытеснение в русском языковом сознании профессионального понятия светским: вместо блага в менталитете русских стало преобладать добро» [Сафонова 2005: 289]. Ученая также установила «аксиологический диапазон» концепта благо/добро древних славян и сравнила его с современным, благодаря лексикографическому, фольклорному анализу и анализу литературных произведе-

дений протопопа Аввакума, закономерность структурирования исследуемого концепта и специфика его ментальной репрезентации. «Исследование показало, что структурирование концепта в разных языках и в разные исторические эпохи осуществляется по одним и тем же принципам, что подчеркивает его универсальность. В основе этой структуризации лежит многоуровневая лексическая репрезентация, основанная на понятийной взаимосвязи, зафиксированной в лексикографической практике и подтвержденной художественными текстами индивидуально-авторского и фольклорного характера» [Сафонова 2005: 290].

В ходе языкового исследования Н.В. Сафоновой были представлены 2.5 тысяч лексико-грамматических единиц материала «гетерогенного концепта» благо/добро и 1500 единиц паремий восьми народов мира, репрезентирующих эти морально – нравственные ценности. Включение в языковое исследование паремий диссертант объясняет тем, что «этот материал позволил заглянуть в глубину веков, обратиться к истокам формирования концептосферы» [Сафонова 2005: 293]. «Предложенная в диссертационном исследовании корреляция концепта добро включает в себя общенациональные приоритеты – правду, трудолюбие, счастье, богатство, бесспорную ценность которых подтверждают многие народы. Это позволяет глобализировать аксиологические концепты и ввести понятие «интернациональная концептосфера»» [Сафонова 2005: 294]. Таким образом, паремиологический и лексикографический анализ, проведенный в данной работе, позволяет утверждать, что базовые представления, зафиксированные в концепте благо/добро, весьма схожи среди разных народов. Разница проявляется «при переходе концепта на субординатные уровни, которые формируются под влиянием национальных культурных особенностей» [там же].

В русле лингвокультурологии выполнена и работа О.Н. Георгиевой «Дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер *«bien»/«добро»* и *«mal»/«зло»*. По мнению автора, «несмотря на новые тенденции осмысления и переживания базовых ценностей *«bien»/«добро»* и *«mal»/«зло»* во французской и русской лингвокультурах, *успех* и *материальное благополучие*, для русского – *справедливость, понимание, умение прощать*, традиционные установ-

ки в рассматриваемых ценностных картинах мира остаются неизменными: для французского языкового сознания приоритетными остаются *стремление к получению удовольствия от жизни, индивидуальный*. Кроме того, «имеет место дискурсивная специфика в осмыслении базовых ценностей *«bien»/«добро»* и *«mal»/«зло»*: в текстах словарных дефиниций наблюдается значительное сходство в толкованиях имен соответствующих концептосфер во французской и русской лингвокультурах, в паремиях находят выражение традиционные ценностные установки французов и русских с присущими этим установкам этнокультурными различиями, в юмористическом дискурсе в значительной мере проявляются новые тенденции понимания ценностных компонентов добра и зла» [Георгиева 2010: 6].

Из диссертаций, защищенных в последние пять лет по исследуемой нами проблеме, можно отметить работу М.В. Долгополовой, в которой рассмотрены особенности формирования в русском языке смыслового пространства «добро», «зло», его ядерная и периферийные зоны, начиная с XI века [Долгополова, 2020], а также работу Ф.С. Махмудовой, посвященную описанию ЛСП «добро/зло» в таджикской и китайской языковых картинах мира [Махмудова, 2022].

Н.А. Шадрина в своей статье, посвященной исследованию «базовых», «универсальных», «врожденных» концептов GOODNESS/EVIL в английском языке [2015], принадлежащих также к категории этических концептов, считает, что данные концепты не имеют единого толкования в социологических, философских и социологических работах, «что свидетельствует об их сущностной сложности» [Шадрина 2015: 115]. Автор полагает, что для определения концептов ДОБРО/ЗЛО (GOODNESS/EVIL) в картине мира, необходимо исследовать данные концепты в рамках когнитивной лингвистики, с применением «анализа семантических полей лексических единиц, репрезентирующих данные концепты, анализа способов их тезарусного представления, а также использования в контексте» [там же]. При исследовании концепта GOODNESS Н.А. Шадрина использует тезарусное представление, так как автор считает, что именно тезарус главным образом репрезентирует лексическую систему, при помощи которой отражается данный концепт. Так, некоторые лексические единицы семантического поля концепта

«содержат те же самые семы, что и GOODNESS: good, virtue, right. Но семантическое поле GOODNESS в тезаурусах содержит также понятия, составляющие лишь отдельные компоненты понятия добра: honor, kindness, integrity, merit, nobility», что указывает на «нечеткость границ» данного концепта [Шадрина 2015: 117]. Однако тезаурусное представление концепта EVIL дифференцируется гораздо большим количеством лексем, «многие из которых содержат отрицательные аффиксы, которые образуют антонимы от лексем, актуализирующих концепт GOODNESS: immoral, ungodly – что можно рассматривать как лексическое выражение данных концептов...» [там же].

К.А. Ветрюк в статье «К вопросу о языковой репрезентации культурнозначимых смыслов «добро» / «good» и «зло» / «evil» в русских и английских пословицах» [2010] исследует русские и английские поговорки с компонентами «добро»/«зло», являющимися основополагающими универсальными категориями нравственности человека. Проанализировав понятия «добро» и «зло» в русском и английском языках на основе «семантической структуры существительных и пословиц», детерминирующих эти явления в обоих языках, автор «выявила следующие общие категории концепта «добро» для русского языка: 1. положительное, моральное качество; 2. положительное действие, поступок; 3. имущество, вещи; 4. нечто, плохое, негодное. «Зло» имеет следующие концептуальные признаки: 1. нечто дурное, вредное, греховное; 2. проступок; 3. беда, несчастье, неприятность. В английском языке «добро» имеет следующие категории: 1. положительное моральное качество; 2. положительное действие, поступок; «Зло» в английском языке понимается следующим образом: 1. нечто дурное, вредное, греховное; 2. плохое действие; 3. беда, несчастье, неприятность. В связи с чем К.А. Ветрюк приходит к выводу, что некоторые категории понятий «добро» и «зло» в русском и английском языках совпадают» [Ветрюк 2010: 217–218]. Автор также выделила ядерные и периферийные поля исследуемых концептов. Так, ядром концепта «добро» в русском языке являются признаки «положительное, моральное качество» и «положительный поступок», дополнительное поле занимает признак «имущество». Ядром английского концепта «good», так же как и в русском языке

является признак «положительное моральное качество», а периферийным признаком – «положительное действие, поступок». Ядром концепта «зло» в русском языке являются признаки «нечто плохое, греховное», дополнительными категориями концепта «зло» являются признаки «плохой поступок»; «беда», «несчастье». Ядром концепта «*evil*» английского языка являются следующие признаки: «нечто плохое», «греховное» и ««зло» как проступок». Периферийным признаком концепта «*evil*» в английском языке является признак ««зло» – беда, несчастье» [Ветрюк 2010: 219–220].

В работе О.А. Егоровой «Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте (на материале русского и английского языков) [2005] диссертантом описаны структуры и содержание концептов добро, зло, good, evil, выделены ядерные и периферийные поля рассматриваемых концептов, проанализированы вербальные репрезентанты данных концептов для определения универсального и уникального в структуре исследуемых концептов (в ассоциативном исследовании принимали участие 250 человек: 125 русских и 125 американцев, в возрасте от 20 до 80 лет. В ходе исследования структуры концептов добро, зло, good, evil диссертант приходит к выводу, что «как представители русской, так и американской лингвокультуры показывают единство в осознании нравственного закона или «нравственного добра» в ядре концепта «добро» и обнаруживают особенное в присоединяемых к нему дополнительных оценках, суждениях, чувствах, составляющих периферию концепта» [Егорова 2005: 19]. В результате ассоциативного исследования диссертант приходит к выводу, что представители русской и американской лингвокультур дифференцируют мир добра и мир зла. «Этот выбор четкий, но границы между понятиями «добро» и «зло» относительные... и зависят от культуры, мировоззрения, мироощущения, а порой даже от настроения» [Егорова 2005: 24]. Однако диссертант также отмечает, что «граница между нравственным и безнравственным проводится очень четко как русскими, так и американцами и определение понятия «добро» как совокупности моральных норм и требований не зависит от принадлежности к той или иной культуре» [там же].

Проведя анализ концептов «добро», «зло» в лексико-фразеологической системе китайского и таджикского языков, Ф.С. Махмудова представила гипотезу о том, что «добро» и «зло» являются базовыми лингвокультурологическими концептами, определяющими ценностные ориентиры. Они представляют этическую оппозицию «хорошо – плохо», синтезируя общечеловеческие ценности и особенности национального языкового сознания» [Махмудова 2022: 3–4]. Проведенный анализ показал, что китайцы и таджики воспринимают понятия «добро», «зло» «как одно из самых важных и характеризующих народ этических понятий» [Махмудова 2022: 25] из чего следует вывод о том, что данные концепты являются базовыми категориями китайской и таджикской культур и репрезентируют не только «ментальность и морально-этическое состояние общества, верования и философию обоих народов, но и проявляют национальную культуру, образ мышления, этику и мораль, мировоззрение и мировосприятие носителей таджикского и китайского языков» [там же].

Большой интерес вызывает работа Ван Тяньцзяо, в которой этноспецифические концепты «добро» и «зло» рассмотрены в рамках концептуальных метафор. За основу исследования взята теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где изучение моделей концептуальных метафор для концептов «добро» и «зло» помогает «понять специфику русской «наивной этики», особенности отражения представлений о добре и зле в языковом сознании русского народа» [Ван Тяньцзяо 2021: 3]. Предметом исследования Ванн Тяньцзяо стали паремии и фразеологизмы, в состав которых входят лексические компоненты *добро*, *зло*, *лихо*, *худо* и однокоренные слова. Также диссертант изучила паремии и фразеологизмы, в состав которых слова (*добро*, *зло*, *лихо*, *худо*) не входят, но связаны со значением и представлением о добре и зле. Все модели концептуальной метафоризации паремий и фразеологизмов с вышперечисленными компонентами Ван Тяньцзяо сепарировала в когнитивные модели. В результате исследования был сделан вывод, что «в русских фразеологизмах и паремиях, репрезентирующих русские этические концепты «добро» и «зло», отражаются как приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса, так и

определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, представляющие собой определенные способы видения абстрактных понятий через конкретночувственный опыт их переосмысления» [Ванн Тяньцзяо 2021: 25].

Что касается исследований концептов «добро» и «зло» на материале адыгских языков, то они, по нашему мнению, носят фрагментарный характер. В частности, научный интерес представляет монография А.Ш. Траховой [2006], где автор утверждает, что суперконцепты «Добро» и «Зло», являющиеся результатом фразеологической концептуализации морально-нравственной сферы личности, выражают нравственно-этические оппозиции «хорошо» – «плохо». Причину этого автор видит в том, что «одним из главных конститутивных признаков категориального статуса концепта признается его антонимический характер, наличие бинарной оппозиции как релевантного признака любого концепта» [Трахова 2006: 194].

А.Ш. Трахова считает, что суперконцепты «Добро», «Зло» формируют такие морально-нравственные концепты, как «милосердие», «любовь», «дружба», «зависть» и т.д. Автор также сообщает, что в исследованных ею поговорках адыгского языка наблюдается наличие следующих базовых концептов: честь, достоинство (*Гъэсагъэ ухъуныр Иофэп цыфы ухъуныр ары нахь* – Главное не образование получить, а стать человеком; *Псэр ащэ, напэр ащэфы* – Ценою жизни совесть покупают), мужество, достоинство (*Е улъын е улэн* – Или быть мужчиной (мужественным), или умереть), семья, родина (*Жъыр Зыгъашорэр цыфымэ шлу альэгъу* – Кто почитает старших, того любят люди; *Унэ зимылэ бай цылэн* – Не имеющий своего дома не может быть богатым), гостеприимство (*Адыгэ хъакIэр пытанIэ ис* – Адыгский гость словно в крепости надежной; *ЦыфышIн хъакIэ цымыкI* – У хорошего человека всегда гости).

Исходя из своих наблюдений А.Ш. Трахова считает, что суперконцепт «Добро» в адыгейской ЯКМ образуется при помощи фразеологизмов, «выступающих реализацией интегративной универсальной нравственной категории «Хорошо»» [Трахова 2006: 199] (напр.: Добро идет навстречу добру; Дружба людей неприступная вечная крепость; Душе – тепло, дружбе – верность и т.д.). Суперконцепт «Зло» в адыгейской ЯКМ образуется при помощи таких фразеологизмов,

«которые актуализируют своей совокупностью интегративную нравственную категорию «Плохо»» (напр.: Высокомерие обесценивает красоту; Богатство – проклятие; Духом упавшего ноги не несут и т.д.).

Согласно данным исследователя, суперконцепт «Добро» в русской ЯКМ репрезентирован следующими этическими качествами: 1) Любовь к Богу; 2) Радость; 3) Любовь к ближним; 4) Милосердие; 5) Сострадание; 6) Благодарность; 7) Мироточие; 8) Доброта; отзывчивость; чуткость; 9) Кротость; 10) Вера; 11) Совесть (совестливость); честь; 12) Гостеприимство; щедрость; 13) Правдивость; искренность; 14) Терпение.

В адыгейской ЯКМ суперконцепт «Добро» репрезентирован следующими этическими доминантами: 1) Скромность; стыдливость; 2) Человечность; 3) Гостеприимство; 4) Мужество; 5) Гордость; 6) Богобоязненность; 7) Почтительность; 8) Разум; разумность; 9) Честь; 10) Патриотизм; 11) Справедливость; 12) Мудрость; 13) Правдивость; честность; 14) Совесть.

Однако автор утверждает, что суперконцепт «зло» в русской и адыгейской ЯКМ представлен намного шире. Так, в русском языке зло – это: 1) Прелюбодеяние; 2) Убийство как душегубство; 3) Воровство; 4) Ложь, наговор, клевета, вранье, обман; 5) Лицемерие; 6) Подхалимство, неискренность; 7) Зависть, завистливость; 8) Насилие, нанесение обиды; несправедливость; 9) Обидчивость; 10) Неуважение родителей; непочтительность по отношению к родителям; 11) Корыстолюбие; 12) Злобливость, злобность; 13) Конфликтность, вражда; 14) Злословие; 15) Сплетничанье; 16) Жестокость, драчливость, агрессивность; 17) Пренебрежительность, неуважительность по отношению к другим; 18) Подлость; 19) Бессовестность, бесчестность, бесстыдство, непорядочность.

В адыгейской ЯКМ зло – это 1) Высокомерие; 2) Зависть; 3) Воровство; 4) Ложь, лживость; 5) Бессердечность; 6) Бесчестность; 7) Глупость, отсутствие ума, разума; 8) Отсутствие совести; 9) Неуважительное отношение к старшим; 10) Неуважительное отношение к родителям; 11) Хвастовство, себялюбие; 12) Злоба, злобность; 13) Неблагодарность; 14) Жадность, корысть; 15) Предательство, измена; 16) Гнев, гневливость; 17) Ненависть; 18) Трусость.

Таким образом, А.Ш. Трахова приходит к выводу, что «несмотря на значительные ситуативно-семантические параметры суперконцепта «Зло» в рассматриваемых лингвокультурах, фразеологический фонд языков наглядно демонстрирует нравственное величие Человека, которое заключается в вечном стремлении к совершенству, Добру, в данной ему от природы Любви к духовному началу в себе и в других, в Любви и уважении нравственной истины, то есть нравственного идеала» [Трахова 2006: 218].

В статье Л.Ю. Буяновой и А.Ш. Траховой утверждается, что в адыгейском языке выделяются следующие репрезентанты: честь, достоинство, мужество, родина, семья, человек, гостеприимство и др. [Буянова, Трахова 2007: 97–101].

Л.К. Бобрышева при исследовании ФЕ русского и адыгейского языков как единицы, «отражающие ментальное пространство и экзистенциальные основы национально-культурной языковой картины мира соответствующих народов», вскользь касается и концептов «добро» и «зло». В частности, она считает, что «в адыгейской ЯКМ морально-нравственные ценности и качества, формирующиеся концептами добро и зло, иллюстрируют стремление к добру, согласию, красоте, совершенству, почтительность, уважение к старшим, к женщине, гостеприимство, честность, правдивость, смелость, трудолюбие и т.д.» и приводит в качестве иллюстративного материала следующие примеры: *Шу зышлэрэр шлум ЮкIэжьы, е зышлэрэр ем ЮкIэжьы* – Кто делает добро, того ждет добро, кто совершает зло, к тому приходит зло; *Дахэ занIорэм дахэ кьыуеIожьы* – На добро (букв.: красивое) добром отвечают; *Удэгьуныр кьин, удэиным зи хэльэп* – Быть хорошим – трудно, стать плохим – легко; *Жьы зэрымысым насып илэп* – В доме, где нет стариков, нет и счастья; *Бзыльфьыгьэ щымыукIытэрэм напэ иIэп* – Кто не уступает женщине, у того нет совести; *Адыгэмэ анахь тхьамыкIэри бысым* – Самый бедный адыг и тот гостеприимен (т.е. пригласит тебя в гости); *Шьыпкъагьэр дышэем нахь лъапI* – Правдивость дороже золота; *Лыгьэ зыхэльыр кьиным пэшлукIо* – Мужественный (смелый) человек идет наперекор трудностям; *Лэжэным уегьэлъапIэ, шьхьахынагьэм уегьэпыуты* – Труд возвышает человека, лень обесценивает [Бобрышева 2009: 13].

З.Б. Бгуашева и А.К. Пшизова, исследуя концепт «добро» в адыгских пословицах и поговорках, пришли к выводу, что в адыгейском языке представлено достаточно много пословиц, репрезентирующих концепт «добро». По мнению авторов, это связано с тем, что добро является одним из положительных качеств человека: добро – это радость, оно улучшает взаимоотношение людей, смягчает сердца людей, учит совершать благие дела, человека, творящего добро, ждет хвала [Бгуашева, Пшизова 2019: 19–23].

Е.А. Богданова, Б.М. Джандар Б.М, З.Р. Хачмафова исследовали аксиологические особенности концептов «*шы*» (добро) и «*бзэджагъ*» (зло) в адыгской лингвокультуре и пришли к выводу, что данные концепты «объективируются прежде всего фразеологическими и паремиологическими единицами, которые эксплицируют этно-лингвокультурные элементы национальной картины мира адыгского этноса» [Богданова, Джандар, Хачмафова 2024: 1423].

Эти работы и наши наблюдения показывают, что, действительно, в лингвокультурах народов Северного Кавказа накоплен богатый материал, отражающий представления человека о добре и зле. Он складывался на протяжении веков как результат приобретенного житейского опыта и требует более детального изучения. Так, кабардино-черкесский язык представляет собой национальную, самобытную ячейку, в которой хранится мировоззрение носителей языка и формируется картина мира, основными в которой являются базовые концепты «добро», «зло».

Выводы

1. Проблема добра и зла являлась значимой с древних времен. Представления о добре и зле запечатлены в древней мифологии, религиозных верованиях многих народов мира, ныне существующих религиозных конфессиях. Во всех религиозных учениях проблема добра и зла является основополагающей. Так, в христианской традиции источником зла является дьявол и его падшие ангелы, абсолютным добром – Бог. Последователи манихейского учения считают злом испор-

ченное добро. Согласно исламской религии в каждом человеке есть добро и зло, а жизнь человека – это выбор. Основная концепция иудаизма – справедливость. Стремление буддистов – выйти из дуальности.

2. Вопрос о добре и зле широко исследован в философии, этике, эстетике, психологии, культурологии, лингвистике. Представителями данных научных отраслей описаны различные аспекты проблемы, отражающие ту или иную точку зрения. Изучение философской, мифологической, религиозной и этической литературы дает возможность увидеть тенденцию развития содержания категорий добра и зла.

3. В лингвистике данная проблема рассмотрена в политическом, этическом, гетерогенном дискурсах на материале русского, чувашского, английского, немецкого, французского, балкарского, китайского, таджикского языков. Однако, на наш взгляд, данные концепты не исследованы в кабардино-черкесском языке, в котором особенности восприятия добра и зла являются результатом многовекового коллективного опыта этноса и представляют определенный интерес для науки.

ГЛАВА II.
ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ФІЫ»/«GOOD»
В КАБАРДИНО-ЧЕРЕКЕССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Понятийные составляющие концептов «фІы», «good» (добро)
по данным словарей кабардино-черкесского и английского языков

Как было подчеркнуто выше, концепты «фІы»/«good», «Іей»/«evil» являются этическими концептами. Для того чтобы определить их понятийную основу, следует рассмотреть признаковую и дефиниционную структуру. Обратимся к словарным толкованиям существительных «фІы» (*добро*) в кабардино-черкесском языке, «good» (*добро*) в английском языке (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Словарное толкование существительных «фІы» (*добро*) в кабардино-черкесском языке, «good» (*добро*) в английском языке

Словари	Толкование
Кабардино-черкесско-русский словарь	<ol style="list-style-type: none"> 1) добро, доброкачественный 2) добрый 3) добро
Толковый русско-кабардино-черкесский словарь	<ol style="list-style-type: none"> 1) добро
Словарь кабардино-черкесского языка	<ol style="list-style-type: none"> 1) Іеигъэ зыхэмыль (в ком/чем нет зла), хьарзынэ (хороший, славный, замечательный)
Oxford English Dictionary	<ol style="list-style-type: none"> 1) That which morally right or beneficial 2) (goods) merchandise or possessions. 3) (goods) Brit. Freight
American Heritage Dictionary of the English Language	<ol style="list-style-type: none"> 1) <ol style="list-style-type: none"> a. smth that is good. b. a good, valuable, or useful part or aspect 2) welfare; benefit: for the common good 3) goodness, virtue 4) goods a. commodities, wares; b. portable personal property
Encarta World English Dictionary	<ol style="list-style-type: none"> 1) beneficial effect: smth resulting in a beneficial effect or state. 2) goodness: the quality of being good. 3) positive part: the positive part or aspect of smth. 4) smth worth having or achieving the future good of the nation. 5) item of merchandise: an item for sale or use, often one produced for later consumption

Продолжение таблицы 1

Cambridge International Dictionary of English	<ol style="list-style-type: none"> 1) good (things) a. things for sale, or the things that you own; b. UK things, but not people, which are transported by railway or road. 2) good (help) smth that is an advantage or help to a person or situation. 3) good (health) the state of being healthy or in a satisfactory condition. 4) good (morally right) a. that which is morally right; b. the good; c. (plural) all the people who are morally good 5) good (time)
Толковый словарь английского языка Oxford	<ol style="list-style-type: none"> 1) something good. 2) benefit
Англо-русский словарь	<ol style="list-style-type: none"> 1) праведность, добродетельность, благо, добро; 2) выгода, польза; 3) (the good) хорошие, добрые люди, хорошие вещи

В кабардино-черкесском языке концепт «добро» представлен лексемой *фIы*, которая имеет, по данным словарей, следующие значения: 1) добро, 2) *Ieигъэ зыхэ-мыль* (в ком/чем нет зла), 3) *хъарзынэ* (хороший, славный, замечательный) [Апажев, Коков, 2008; Табухов, 2005; Словарь кабардино-черкесского языка, 1999]. Из них последние три значения содержат аксиологическую характеристику, которая репрезентирована в следующих устойчивых словосочетаниях **фIыкIэ хуэхъуэпсэн** «желать добра»; **цIыхухэм фIы куэд яхуэщIэн** «сделать много добра людям»; **фIы гугъапIэ** «источник добра»; **фIы щIэн** «делать добро», что согласуется с определением, данным в издании «Этика. Энциклопедический словарь» под редакцией Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова: «Добро – в широком смысле слова, как благо, означает, во-первых, ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоторому стандарту, во-вторых, этот стандарт» [2001: 113].

Поскольку кабардино-черкесский язык является полисинтетическим языком, лексема *фIы* является компонентом следующих сложных слов: **фIыжыIэгъу** – *акъылэгъу* «приятель»; **фIыкIэ** – *фIыкIэ дызэIущIэ, узынишэу, узынишэу ущыт*

«всега доброго, пока, до свидания»); **фЫкIей** – *фIы дьдэ* «очень хороший»; **фЫкIейуэ** – *фIы дьдэу* «отменно, очень хорошо»; **фЫльагъуэгъу** – *фIыльагъуныгъэ зяку илътIым языхэз* «возлюбленный»; **фЫльагъуныгъэ** – *цIыхухэр зэзышалIэ гурыщIэ IэфI* «любовь»; **фЫльагъупэ** – *щIасэ/щIасэлI/щIасэ фыз* «любовник, любовница»; **фЫн** – *дагъуэншэу щытын* «быть без недостатков»; **фЫшIэ** – *зыгуэрым и Iыхъэ нэхъыфI дьдэ* «лучшая часть, кусок чего-либо»; **фЫрыфIкIэ** – *дахэкIэ, Iей хэмьлэу* «подобру-поздорову»; **фЫуэ** – *Iеигъэ лъэкъ хэмьлэу, мыбзаджэу, хъарзынэу, дэгъуэу, хуабжъу, икъукIэ* «хорошо, славно, здорово»; **фЫщэ** – *фIы дьдэ* «очень хороший, изумительный»; **фЫщэу** – *фIы дьдэу, дэгъуэу, егъэлеяуэ фIыуэ* «очень хорошо, здорово, изумительно»; **фЫщIагъэ** – *лэжъа хъуа IуэхуфI* «доброе дело»; **фЫщIапщIэ** – *текIуэныгъэм, ехъулIэныгъэм хуащI пщIэ; саугъэт* «премия»; **фЫщIэ** – *Iуэху е псалъэ гуапэм и жэуап гурыщIэ* «благодарность, заслуга»; **фЫщIэгуапэ** – *щытхъу* «похвала, одобрение»; **фЫщIэкIэ** – *и сэбэкIэ* (благодаря); **фЫIуэ** – *хъарзынэ дьдэ* «очень хороший, отменный» [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 674–675; Словарь синонимов кабардино-черкесского языка 2020: 757–761; БищIо 2015: 272–273]. Также, лексема **фI**, добавленная к концу слова, придает положительную коннотацию данному слову, например *Iуэху + фI = IэхуфI* (букв.: хорошее дело); *псалъэ + фI = псалъэфI* (букв.: хорошее слово); *цIыху + фI + цIыхуфI* (букв.: хороший человек).

В английском языке концепт «*good*» представлен шире, чем в кабардино-черкесском языке: 1) *goodness* «доброта, благо», 2) *virtue/charity* «добродетель, милосердие», 3) *something good or positive* «нечто хорошее, позитивное», 4) *property* «собственность, имущество», 5) *benefit* «польза, выгода» (*Workers do a lot of good. I'm giving you this advice for your good. Eat more fruit, it will do you more good. Good and bad alike respected him*) [Oxford English Dictionary, 1989; American Heritage Dictionary of the English Language, 2006; Encarta World English Dictionary, 2001; Cambridge International Dictionary of English, 2001; Толковый словарь английского языка Oxford, 2008; Англо-русский словарь, 1988]. Первое, второе зна-

чения содержат нравственно-этические характеристики человека, указывают на его щедрость, полезность, готовность оказать помощь и т.д. По мнению Е.А. Макеевой, добродетель – это характеристика дела, которой дело обладает в том случае, если делается то, что считается добром» [Макеева 2013:170–172]. Наличие значений польза, выгода Н.В. Сафонова, рассматривая концепт «добро» на материале латинского языка, объясняет тем, что «включение лексемы *utilitas* (польза, выгода) в концепт благо, добро не только семантически мотивировано с точки зрения латинян, но и подтверждено целым философским направлением – утилитаризмом, который понимал пользу как наслаждение или отсутствие страдания» [Сафонова 2005: 126].

Исходя из анализа дефиниций лексем *фIы*, *good*, нами выделены ядерные и периферийные семантические признаки концептов «*фIы*», «*good*». В кабардино-черкесском языке ядро составляют значения «*хъарзынэ*» (хороший), «*леягъ зыхэ-мыль*» (в ком/чем нет зла, хороший, славный), которые характеризуют человека, обладающего нравственными качествами, периферию – значения «*мыльку*» (материальные блага), «*фIы дьдэ*» (очень хороший, отменный, замечательный), «*лей хэмыльу*» (славно, подобру-поздорову), «*цытхъу*»/«*псалъэ гуапэ*» (похвала, благодарность, благопожелание), «*льагъуныгъэ*» (любовь, объект любви), «*IыхъэфI*» (хорошая доля), «*IуэхуфI*» (доброе дело), «*ки сэбэпкIэ*» (благодаря), «*дэгъуэу*» (очень хорошо, славно), «*ныбжьэгъу*» (друг), в английском языке ядро концепта «*good*» включает значения *goodness* «доброта, благо», *virtue/charity* «добродетель, милосердие», периферия – значения *something good or positive* (нечто хорошее, позитивное), *property* (собственность, имущество), *benefit* (польза, выгода). Значения *property* (собственность, имущество), *benefit* (польза, выгода) мы не будем их рассматривать, так как они не коррелируют с добром и злом. Как отмечает Е. Н. Бубнова, «при проведении дефиниционного анализа учитывается такой немаловажный фактор, как степень идентификации значения, поскольку в современной лексикографической практике толкования значений слов приводятся в порядке их значимости и частотности употребления языковым сообществом» [Бубнова 2012: 277].

2.2. Объективация концептов «фІы»/«good» (добро) в кабардино-черкесских и английских фразеологических, паремиологических единицах

Анализ эмпирического материала показывает, что как в кабардино-черкесском, так и в английском языке семантическое поле концепта «добро» гораздо шире словарных толкований и имеет ментальную составляющую не только в ядре, но и периферии. С первым значением «добро» связан репрезентант «добрый». Данная лексема передает душевные качества человека и, прежде всего, раскрывает доброту человеческой души, человеческого сердца. Основными компонентами некоторых кабардино-черкесских фразеологических единиц со значением «добрый» являются такие лексические доминанты, как «сердце» (*гу*), «душа» (*псэ*), которые занимают центральное место в адыгской картине мира и выступают «нравственным, эмоциональным, пространственным, этическим ориентиром» [Цримова 2003: 124]. Приведем примеры: **псэ гуапэ (a kind soul)** – *добрая душа*; **гу мІашцІэ** – *чувствительный, добрый, жалостливый; впечатлительный* (букв.: *малое сердце*); **гу мыгъуэ** – *мягкосердечный, жалостливый* (букв.: *страдающее сердце*); **«ФэкІэ нэхърэ гукІэ дахэ»** – *«Лучше доброе сердце, чем внешняя красота»* (*гу дахэ* – букв.: *красивое сердце*). О добром человеке кабардинцы говорят: **«Бзур ІукІэ кьеубыд»** (букв.: *«Он и птицу ртом ловит»*), **«Бадзэ игъэльэтэнкым»** (букв.: *тот, кто не ранит/не обидит муху*; ср. **one wouldn't hurt a fly**). Его сравнивают с солнцем: **дыгъэ нур хуэдэщ** – *как яркие лучи солнца*, то есть солнечный, с золотом: **цІыху дыщэ** – *золотой человек*.

В английском языке так же, как и в кабардино-черкесском языке, концепт «good» отражает, прежде всего, доброту, проявляющуюся в душевной щедрости. Он репрезентируется следующими ФЕ с ключевыми лексическими единицами «сердце» (*heart*), «душа» (*soul*): **a kind heart** – *доброе сердце, добросердечный*; **have one's heart in the right place** – *быть добрым, отзывчивым человеком* (букв.: *иметь сердце в правильном месте*), а также фразеологизмами **good feeling** – *доброжелательность, добрые чувства* (букв.: *хорошее чувство*); **good will** – *доброжелательство* (букв.: *хорошее намерение/желание*); **look with favor on**

smb – *относиться доброжелательно к кому – либо (букв.: смотреть с благо-склонностью на кого-либо)*. Человека, обладающего положительными качествами, то есть хорошего человека, англичане, как и адыги, ассоциируют с золотом: **one is pure gold** – *он (она) золотой человек (букв.: тот, кто чистое золото)*; **as good as gold** – *золотой человек (букв.: такой же хороший как и золото)*; **a heart of gold** – *золотое сердце (букв.: сердце из золота)*, с бриллиантом: **diamond of the first water** – *человек замечательных достоинств (букв.: бриллиант первой воды)*; **rough diamond** – *человек, обладающий внутренними достоинствами, но не имеющий внешнего лоска (букв.: шероховатый, не обработанный бриллиант)*, т.е с чем-то ярким, обладающим блеском. Последние две фразеологические единицы характеризуют человека, имеющего первозданную чистоту.

Концепт «*фИы*» в кабардино-черкесском языке эксплицирует внутреннее состояние человека, то есть его положительное отношение к кому-чему-либо. В процессе анализа языкового материала были выявлены его основные параметры, которые шире словарных дефиниций, на что указывает и Л.В. Лотря, рассматривая данный концепт на материале русского языка [Лотря 2004: 12–13].

В результате анализа эмпирического материала кабардино-черкесского и английского языков нами выделены два классификационных когнитивных признака концепта «добро»:

1. Деяния человека, направленные на добро, добрые поступки (семантические репрезентанты толерантность, справедливость, этичность).
2. Добро как положительные морально-нравственные качества человека (семантические репрезентанты совесть, честь, скромность, кротость, мужество, дружба, любовь, трудолюбие).

2.2.1. Когнитивный признак

«Деяния человека, направленные на добро, добрые поступки».
Семантический репрезентант «толерантность»

Ввиду распространения зла в мире вопрос о сопротивлении злу силой приобретает особую актуальность в XXI веке. Один из наиболее существенных аспектов – этнокультурное разнообразие, которое порождает отчуждение между

людьми, принадлежащим к различным культурам (воспринимаемым как чужое, не – Я). «Принципы ненасилия и толерантности являются важной составной частью, складывающейся общечеловеческой культуры, что является необходимым условием его развития» [Вергейм 2000: 28–34]. Термин «толерантность» имеет следующие значения: «1. Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного факта среды. 2. Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [Советский энциклопедический словарь 1987: 1341]. 3. «Социальная норма, определяющая устойчивость к конфликтам в полиэтническом культурном обществе» [Солдатова 1998: 12].

В кабардино-черкесском языке эквивалентами лексемы «толерантность» являются **тэмакькIыхьагъ – къэгубжьыгъейуэ, шыIэныгъэ хэлъу щытыныгъэ** (букв.: *тот, кого трудно рассердить, умение сдерживать эмоции*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 614], **бэшэкIагъ – бэшэкI псальэм кыытекIа шыIэцIэ** (букв.: *существительное, которое произошло от слова бэшэкI (терпеливость) – куэд зи фэ дэзыгъэхуэф, куэд зышэчыф* – букв.: *тот, который может многое стерпеть*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 37]; **шыIэныгъэ=шыIэ – губжь, бампIэ, уз с. ху. зэрызэхэпщIэр кыуумыгъэлягъуэу зырызыхуэбгъэшэчым ироджэ** (букв.: *умение не проявлять/не показывать гнев, сердитость, боль и т.д.*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 770].

В работе С.К. Башиевой и А.И. Геляевой «Толерантность и норма как основа этнического мировидения народов Кавказа (лингвокультурологический аспект)» [2002] проблема толерантности рассмотрена сквозь социолингвокультурологическую призму. Исследованный авторами паремиологический материал позволил выделить следующие аспекты, основанные на этикете кавказских народов: «1) толерантность как исключение эгоизма и эгоцентризма; 2) толерантность как терпимость к другим; 3) толерантность как путь к добру; 4) толерантность и норма как составные части традиционной культуры» [Башиева, Геляева 2002: 102].

В кавказской этнокультурной системе с понятием «толерантность» тесно связано понятие «добро», так как «толерантность» воспринимается как следствие сдержанного, терпимого отношения к другим, что объективировано пословицей

«Зым зыр фІэмылЫкІтэмэ, лЫ укЫным кІэ иІэнтэкЪым» – «Если бы (люди) не прощали друг друга, то не было бы конца убийствам». Следует отметить, что, согласно адыгской этике, человек должен совершать добрые дела, не рассчитывая на благодарность, «чтобы не снизить, не уничтожить этим нравственную ценность поступков» [Бгажноков 2003: 130]. Данная установка репрезентирована в паремиях: «ФІы щІэи псым хэдзэ» – букв.: «Сделай добро и брось в воду, нельзя отвечать на добро злом»; «КЪогуауэм шыгъупІастэкІэ егуэж» – «Кто тебя огорчит того и ты «огорчай» хлебом – солью»; «Шым кнуткІэ уемыуэ, авоскІэ еуэ» – «Погоняй коня не кнутом, а овсом»; «ФІы пщІамэ, фІы ухуэзэжынщ» – «Сделаешь добро, добро и встретишь»; «ШкІэ ІэфІыржэмитІ я шэ йофэ» – «Ласковый теленок двух маток сосет». Кабардинцы всегда старались урегулировать конфликт мирным путем, о чем свидетельствует пословица «ЛЫгъэ ипэ акъыл» – «Впереди мужества стоит разум»). В.Х. Пшемурзов считает, в ней отражено то, что «предпочтение отдавалось искусству дипломатии перед силовым решением проблемы» [Пшемурзов 2003: 90]. В связи с этим он приводит высказывание Дж. Лангворта: «В стране, где ружье, пистолет и кинжал составляют неотъемлемую часть национального костюма каждого мужчины, сознающего всю гордость и независимость, которыми это оружие призвано его облекать, понимание общественной ответственности таково, что оно порождает умиротворяющее воздействие» [цит. по Пшемурзову 2003: 91]. Таким образом, среди кабардинцев высоко ценились такие качества, как дипломатичность, сдержанность и умение уступать друг другу, присущие толерантному человеку: «Іуащхьит зэмыкІуалІэ щхьэкІэ, цЫхуитІ зокІуалІэ» – «Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся»; «Щэным я нэхьыфІ дьдэр тэмакЪкІыхьщ» – «Самое драгоценное из всех черт характера – это выдержка». Стремление к мирному решению конфликтов и понимание того, что зло влечет за собой только зло, репрезентированы в следующих пословицах: «НывэкІэ къоуэм щакхъуэкІэ еуэж» – букв.: «Если тебя ударят камнем, ударь того хлебом»; «Уи япэкІэ нывэ хъурей бгъажэм ухуозэжынщ» – букв.: «Если впереди себя покатишь камень, его же и встретишь». По мнению Л.Т. Соловьевой «Необходимость сосуществования в

условиях культурного, социального, этнического многообразия способствовала возникновению у народов Кавказа институтов, назначением которых было преодолевать существующее обособление и отчуждение этнических и социальных миров, с помощью которых удавалось налаживать связи и контакты, устанавливать пути взаимного общения и доверия между разными народами и разными группами одного народа» [Соловьева 2003: 134]. Такими институтами были гостеприимство, аталычество, куначество, побратимство. То есть «в уникальном этикете народов Кавказа идея ненасилия, стало быть, толерантности, получила своеобразное преломление в соответствии с их представлением о добре и зле. Вопреки утверждениям некоторых этнопсихологов и культурологов, считающих, что специфическим отличием традиционной культуры Северного Кавказа является маскулинность, установка на силовой способ решения спорных проблем, ... идеал толерантности, поддерживаемый народами Кавказа и отраженный в их языках и культуре, наиболее близок к христиански мотивированной этике ненасилия, хотя несколько отличается от нее рационализацией общественных отношений. Толерантность в кавказской культурной традиции, как и теория ненасилия, исходит из трезвой и реалистической оценки сущности человека, его противоречивой природы» [Башиева, Геляева 2002: 104].

Терпимое отношение к окружающим на Кавказе закладывалось с детства. Воспитание детей сосредоточивалось вокруг бинарной оппозиции «добро – зло» (*фIырэ – ерэ*), которая, по мнению С.Х. Мафедзева, «включает в себя множество парных понятий: *екIу – емыкIу* (приличный – неприличный), *укIытэ – укIытэнишэ* (стыдливый – бесстыдный), *напэ – напэнишэ* (совестливый – бессовестный), *псапэ – гуэныхь* (благочестивый – грешный), *гуапэ – жагъуэ* (приятный – неприятный), *гульытэ зилэ – гульытэнишэ* (внимательный–невнимательный), *жэгъуэгъу – шIэсэгъу* (недоброжелательный – дружелюбный) и т.п.» [Мафедзев 1991: 177–178].

Как отмечают З.Д. Попова, И.А. Стернин, «специфика слова толерантность в том, что оно отражает и экономно вмещает в себя большое количество содержащий лексических единиц, в своей совокупности репрезентирующих этот концепт в

русском языке» [Попова, Стернин, 2001: 119]. Подобную картину мы видим в кабардино-черкесском языке. Так, в кабардинской культуре понятие толерантность можно определить как выдержку, способность придержать свой язык. Речь идет о выражении **тэмакъ кІыхь** – букв.: *с длинным горлом*. О человеке, не способном сдерживать свои эмоции, адыги говорят **тэмакъ кІэщІ** – букв.: *с коротким горлом*. Переживаемая человеком отрицательная эмоция проходит по длинному пути в гортани, и лишь сдержанный человек или человек с «длинным горлом» способен проявить выдержку, сдержав свой гнев, тем самым не причиняя моральное зло окружающим.

Говоря о толерантности адыгов, этнограф Б.Х. Бгажноков использует термин «**дэчых**», одно из значений которого – «*свернуть с прямой дороги*», «*пойти или проехать другим, обходным путем*» [Бгажноков 2003: 249]. При каком-либо споре конфликтующим сторонам советуют: **Дэфчыхын хуейщ. Апхуэдэу узэпэщІэувэкІэ мыхьэнэ кыикІкъым – лыгъи хэлькъым, уи напэри текІынкІэ мэхьу** – *Нужно уступить, пойти на сближение позиций; нельзя упрямо стоять на своем, в этом нет мужества и так можно лишь потерять честь*). Таким образом, в менталитете кабардинцев формируется мысль, что для сохранения дружеских, толерантных отношений с окружающими людьми необходимо умение избегать конфликтные ситуации, даже если придется подавить свою гордость. При этом следует упомянуть об «искусстве находиться среди людей» (**цІыху хэтыкІэ**). Под данным выражением подразумевается «социальный ум» или умение строить отношения в социуме. Так, о человеке, умеющем ладить с людьми, адыги говорят: **цІыху хэтыкІэ ещІэ** (букв.: *знает как быть среди людей*). Эта фраза означает положительное отношение к человеку, состоявшемуся в социуме, сохраняющему трезвость и разум при конфликтных ситуациях. То есть человек, который может ладить с людьми. Такая позиция человека как готовность понять и принять жизненную позицию другого человека, учитывать его желания и интересы превалирует над отрицательными целями, поступками, желаниями.

О.А. Михайлова считает, что в понятии «толерантность» «актуализирован психологический аспект понятия: способность относится к числу высоких душев-

ных качеств личности наряду с такими близкими категориями, как *великодушие, добро, сердечность, чуткость, отзывчивость, душевность, мягкость, готовность помочь*» [Михайлова 2005: 103]. В кабардино-черкесской ЯКМ быть толерантным – значит быть мягким, кротким по отношению к другим. Такие качества человека, как мягкость, кротость присущи только доброму человеку, так как ласковый, мягкий человек не причинит зла другому (например, «**ЩЦалэ хьэрзынэ цЫкІущ, шкІэ тЫса кЫмыгьэтэджыну цЫхуІэсэщ**» – «Хороший паренек, настолько деликатный, что севшего теленка не потревожит»), поэтому, говоря о ласковом человеке, адыги используют языковую единицу **Іэ щабэ** (*мягкая рука*): **Іэ щабэкІэ теІэбэн** – букв.: *трогать кого-либо мягкой рукой*; **Іэпэщабэ** – *мягкая рука* (имеется ввиду, что «мягкая» рука не причинит зла и боли). Интересно и такое выражение, как **щхьэфэр лъэгущЫхь щЫн (хуэщЫн)** – *отдать кому-то на подметки кожу собственной головы*, свидетельствующее о том, что добрый человек может пожертвовать многим.

По мнению З.Д. Поповой, И.А. Стернина, «концепт толерантность ... на современном этапе развития российского сознания включает такие установки, как: в быту надо быть терпимым; надо идти навстречу людям; компромиссы, уступки – это отсутствие характера, принципов, мягкотелость» [Попова, Стернин, 2001: 100]. По их мнению, «такие когнитивные признаки, как терпимость, сдержанность, бесконфликтность наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта» [там же].

Близкое понимание содержания толерантности отражено в толковых словарях английского языка. Лексема «толерантность» (*tolerance*) имеет следующие значения: 1) *a fair, objective, and permissive attitude toward those whose opinions, practices, race, religion, nationality etc., differ from one's own* (букв.: справедливое, объективное и терпимое отношение к тем, чье мнение, деятельность, расовая принадлежность, вероисповедование, национальность и т.д. отличается от чьей-либо); 2) *a fair, objective, and permissive attitude toward opinions and practices that differ from one's own* (букв.: справедливое, объективное и терпимое отношение к точке зрения и деятельности отличительной от чьей-либо); 3) *interest in and concern for*

ideas, opinions, practices, etc., foreign to one's own; a liberal undogmatic viewpoint (букв.: заинтересованность и участие в идеях, мнениях, деятельности и т.д. чуждых для кого-либо; либеральная, не догматическая точка зрения); 4) *the act of capacity of enduring; endurance* (букв.: способность к терпению, выносливость) [Random House Unabridged Dictionary of the English Language].

Таким образом, если исходить из приведенных определений, «толерантность» в английской ЯКМ обозначает: 1) понимание и принятие действий и позиций другого человека; 2) уважение действий и позиций другого человека. Эта мысль подтверждается следующими поговорками английского языка: «**Patience is a virtue**» – «*В терпении сила*» (букв.: терпение – это благодетель); «**A word warmly said gives comfort to a cat**» – «*Доброе слово и кошке приятно*» (букв.: Слово, сказанное с теплом, дает комфорт/удобство кошке); «**He who is friendly with everyone, gets help and protection from everyone**» – букв.: «*Тот, кто дружелюбен со всеми, получает помощь и защиту от каждого*»; «**A soft answer turns away wrath**» – букв.: «*Кроткий ответ отвращает гнев*».

На основании вышеизложенного, можно утверждать, что толерантность как семантическая составляющая концепта «*фИы*» в кабардино-черкесском и «*good*» в английском языках предполагает такие общие значения, как терпимое, доброе отношение к окружающему миру, проявление чувства такта и уважения. Однако в кабардино-черкесском языке понятие толерантность гораздо шире и подразумевает сдержанность, кротость, выдержку, умение выстраивать отношения в социуме, умение предотвращать конфликтные ситуации, а значит следовать *Адыгэ хабзэ*.

Семантический репрезентант «справедливость»

В кабардино-черкесском языке содержание понятия «справедливость» можно передать лексемой *захуагъэ*, в которой основа *захуэ* имеет следующие значения: 1) *пэжым тэмэмым тету псальэ, гупсысэ, Іэху зезыхъэ; пэжым и тельхъэ* (букв.: *тот, кто всегда говорит, мыслит и делает дела правильно*); 2) *тэмэм, пэж* (букв.: *правильный, справедливый*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 186]. Соответственно справедливый человек – *цІыху захуэ* – букв.: *прямой человек*. В английском языке «справедливость» выражена словами **justice (fair-**

ness in the way people are treated – букв.: *справедливость в том, как обращаются с людьми*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 878], **fairness (the quality of being fair** – букв.: *качество быть честным*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 585].

Справедливое отношение к окружающим включает в себя такие составляющие человеческой добродетели, как «честность», «справедливость», репрезентированные в следующих поговорках: «**Пэжыр и гьуазэрэ захуэм щІэбэнмэ, ар лыщ**» – «*Если его девизом является справедливость и он борется за правду, то он настоящий мужчина*»; «**Пэжыр гьуджэщ**» – «*Правда – зеркало*»; «**Ухеймэ, ульэщ**» – «*Сила в честности*». В кабардино-черкесской ЯКМ честность ассоциируется со счастьем: «**Пэжыр зи гьуазэм насыпыр и гьуэгуш**» – «*Кто живет правдой, тот пройдет дорогой счастья*»; «**ПцІы зымыупсым и псалъэр пхокІ**» – «*Кто не врет, тому слова пробивают дорогу*».

В английской ЯКМ честность, справедливость синонимичны порядочности: **a man of honour** – *честный, порядочный человек (букв.: человек чести)*; **a man of his word** – *человек слова, хозяин своего слова (букв.: человек своего слова)*; **plain dealer** – *прямой, откровенный человек (букв.: простой делец)*; **as honest a man as ever broke bread** – *честнейший человек (букв.: честен как человек, который когда-либо преломлял хлеб (разделял трапезу))*; **good men and true** – *честные, порядочные люди (букв.: хорошие люди честны)*; **(as) straight as a die** – *прямолинейный, честный человек (букв.: такой же прямой, как и смерть)*; **straight good** – *надежный, честный человек (букв.: откровенно хороший)*; **run straight** – *быть честным, порядочным человеком (букв.: бежать прямо)*; **keep straight** – *оставаться честным (букв.: держаться прямо)*. Лексической доминантой в приведенных ФЕ является слово «*straight*» «прямота, прямой». Кроме того, порядочность и честность в английской ЯКМ репрезентируются таким выражением, как **white man** – букв.: *белый человек* (белый цвет – это символ добра, чистоты). Как для кабардинцев, так и для англичан честные отношения важнее материальных благ, что объективировано в поговорках «**Пэжыр дыщэм нэхьрэ нэхь лыпІэщ**» – «*Правда дороже золота*»; «**A clean fast is better than dirty breakfast**» – «*Лучше*

беднее, да честнее» (букв.: чистый пост лучше, чем грязный завтрак). Честность отражается на лице человека: «A good face is a letter of recommendation» – «Честное лицо – лучшая рекомендация» (букв.: хорошее лицо – это лучшее рекомендательное письмо).

Таким образом, справедливость как репрезентант когнитивного признака «Деяния человека, направленные на добро, добрые поступки» в кабардино-черкесской ЯКМ больше подразумевает правду, правдивость, честность, в английской ЯКМ – честь, честность, прямоту.

Репрезентант «этичность»

Данный репрезентант отражает этикетные отношения в социуме. В кабардино-черкесской культуре этикет известен под названием «Адыгэ хабзэ». Европейские ученые и путешественники XVIII–XX вв. сравнивали адыгский этикет с рыцарским этикетом королей в Германии и Франции. Англичанин Дж. Белл писал: «По всему тому, что я видел, я смотрю на черкесов в массе своей как на самый вежливый от природы народ, который я когда-либо знал или о котором я когда-либо читал» [цит. по: Мамбетову 1994: 194]. Х.М. Думанов в словаре этнографических терминов дает следующее определение адыгэ хабзэ – адыгэхэм я гупсысыкІэ, я дуней тетыкІэ, я хьэл-щэн, я нэмыс, я зэхушытыкІэ. Адыгэ хабзэм къызещеубыдэ игъащІэ лъандэрэ лъэпкъым кыдек ІуэкІ Іуэхугъуэхэр – *букв.: мышление, образ жизни адыгов, характер, честь, отношение друг к другу. В адыгэ хабзэ входят все дела, связанные с народом издревле* [Думэн 2006:15]. В кабардино-черкесском социуме соблюдать этикет – это **хабзэ зехьэн, хабзэ хэлын, хабзэ Іыгъын, хабзэм тетын, хабзэм щІэкъун**, где **зехьэн** – *букв.: носить что-либо; хэлын* – *букв.: лежать, находится, быть вставленным во что-либо* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 685]; **Іыгъын** – *букв.: держать кого-либо, что-либо; тетын* – *букв.: стоять; щІэкъун* – *стремиться к чему-либо, добиваться чего-либо* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 802]. В английском языке лексема «этикет» репрезентирована словами **etiquette (the formal rules for polite behaviour in society or in a particular group** – *букв.: формальные правила вежливого поведения в обществе или в определенной группе)* [Longman

dictionary of contemporary English 2003: 533]; **courtesy (polite behaviour and respect for other people** – букв.: *вежливое обращение и уважение по отношению к другим людям*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 361].

Можно утверждать, что любой поступок, противоречащий требованиям *адыгэ хабзэ*, рассматривался как зло, злодеяние. И человека, совершившего такой поступок, считали невоспитанным, безнравственным. Любое же действие, совершенное в рамках дозволенности адыгского этикета, являлось добром, добродетелью. А человека, придерживавшегося этих требований, считали воспитанным, благородным человеком. Данная мысль репрезентирована в паремиях **«Хабзэ убзэкъым»** – *«Почитание – не заискивание»*. **«Уи адэ гъуэгужь жыжьэщ жыпІэу умыбгынэ»** – *«Не пренебрегай старой дорогой отца из-за ее дальности»* (т.е. не отказывайся от старых добрых традиций из-за того, что их трудно поддерживать), **«Хабзэжь хэкужь къранэркъым»** – букв.: *«Старые обычаи на чужбине не оставляют»*. Человека, придерживающегося *адыгэ хабзэ*, адыги считали мудрым: **«Ижьым шыгъуазэрэ зекІуэр ицІыхумэ, Іущщ»** – *«Мудр тот, кто сведущ в старом (в традициях) и знает новое»*. Позором считалось незнание и несоблюдение традиций: **«ХабзэмышцІэ емыкІухьщ»** – букв.: *«Незнание обычаев – это большой стыд»*. О людях, не соблюдающих этикет, говорили: **«Хабзэ зэхальхьэркъым, гъащІэм кыхокІ»** – букв.: *«Не преумножая знаний об этикете, выпадают из жизни»*.

Англичане так же, как и адыги, отличаются приверженностью к традициям. Считается, что британцы ценят традиции ради традиций. Однако многие называют эту приверженность «консерватизмом». То есть «принятие всего старого и знакомого и подозрительное отношение ко всему новому и незнакомому» [Алхазова, Кройтореску 1989: 44]. Подтверждением этому служит левостороннее движение транспорта, система мер и весов, использование двенадцати часовой системы времени и т.д. Объяснить этот консерватизм можно боязнью британцев утраты национальной идентичности.

Одним из важных условий английского этикета считается тактичность и вежливость. Хотя объяснением такой доброжелательности и терпимости служит чувство снисходительности. «У многих англичан так развито чувство превосход-

ства над другими народами, что они считают недостойным проявлять раздражение по отношению к тем, кто, по их мнению, стоит на порядок ниже» [Алхазова, Кройтореску 1989: 46].

Таким образом, семантическая группа со значением «этичность» в английской ЯКМ репрезентировано в следующих ФЕ: **keep a civil tongue in one's head** – вежливо, учтиво говорить; избегать грубостей букв.: хранить гражданский (цивильный) язык в своей голове; **pinch courtesy** – соблюдать правила вежливости, этикет (букв.: ущипнуть вежливость); **do the polite** – стараться вести себя благовоспитанно, благопристойно (букв.: делать вежливость). Для англичан также важны хорошие манеры: **do one's manners** – вежливо, любезно приветствовать, поклоняться (делать манеры); **good form** – хороший тон, хорошие манеры (букв.: хорошая форма).

Этичность в северокавказской лингвокультурной традиции соотносится и с таким качеством, как **уважение к старшим**. В толковых словарях кабардино-черкесского языка «уважение» (*пщIэ, нэмыс, щIыхь*) определяется так:

1) **ПщIэ** – 1) цена, плата; 2) польза; 3) честь, почет (*пщIэ зыхуегъэщIын* – заставить уважать себя/заслужить уважение; *пщIэ кытемынэн* – не остаться в долгу; *пщIэ хуэщIын* – уважать кого-либо, оказывать почет) [Апажев, Коков 2008: 379].

2) **Нэмыс** – 1) пристойность, приличие; 2) почет, уважение (*нэмыс здэщIымIэм насыпи щIэркъым* – погов. Где нет скромности, там нет и счастья; *нэмыс щIэн* – пользоваться уважением; *нэмыс хэлыын* – быть учтивым, скромным, благопристойным) [Апажев, Коков 2008: 335].

3) **ЩIыхь** – честь, почет, уважение (*щIыхь шIэн* – быть в почете; *щIыхь хуэфэщэн* – быть достойным уважения; *щIыхьыр къэIэтыжын* – поднимать чей-либо авторитет; *зи щIыхьыр лъапэ (ин)* – глубокоуважаемый, высокочтимый) [Апажев, Коков 2008: 631].

В английском языке слово «уважение» выражается лексемами *esteem, respect* и имеет следующие определения:

1. **Esteem** – *high regard* (букв.: высокая цена, уважение): *He lowered himself in our esteem by this foolish behaviour. We all hold him in great esteem* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Correct English 1982: 291].

2. **Respect** – 1) *honor, high opinion or regard; esteem for a person or quality* (букв.: честь, высокое мнение или отношение; уважение к человеку или качеству): *Children should show respect for their teachers.*

3. **Consideration, attention** (букв.: внимание): *We must have respect for the needs of the general readers.*

4. **Reference, relation** (букв.: отношение).

5. **Detail particular aspect** (букв.: детальный, заслуживающий особого внимания аспект): *Your essay is admirable in respect of stile but unsatisfactory in other aspects.*

6. **Regards; polite greeting** (букв.: почтение): *Give him my regards. My father sends you his regards* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Correct English 1982: 217].

Таким образом, в обоих языках слово «уважение» определяется как честь, почет, высокое отношение или мнение.

Многие европейцы, посетившие Кабарду, отмечают среди адыгов почтительное отношение к старшим и старикам. По их словам, оскорбление стариков презирается и обсуждается народным собранием. Человек же, совершивший это злодеяние, несет наказание. Такое почитание старших связано с тем, что они обладали большим умом и мудростью, являлись знатоками и хранителями традиций и обычаев своего народа, имели большой опыт, связанный с земледелием и скотоводством. Они также являлись хранителями культа предков. Все это отображено в паремиях кабардино-черкесского языка: «**Лыжь зыгъэжьрэ зи бын и жьауэ щІэтрэ**» – «*Почитать стариков да находится под сенью своих детей*»; «**Нэхьыжьым кІэлъыджэркъым, уи щхьэр лъапІэ хьунщ**» – «*Старших будешь почитать, сам будешь почитаемым*»; «**Нэхьыжь нэмыс, нэхьыщІэ насып**» – «*Почет старца, счастье молодца*»; «**Зи нэхьыжь зымылътэм и щхьэ илътэжкъым**» – «*Кто не уважает старших, тот не уважает себя*»; «**Нэхьыжь зымыгъэлъапІэр щхьэ лъапІэгъуэ ихуэркъым**» – «*Тот, кто не*

уважает старших, не достоин уважения»; «**Нэхъыжьыр гъэляпИ, уи щхэр льяпІэ хьунщ**» – «*Уважай старших и будешь сам уважаем*». Любую паремию можно рассматривать в качестве единицы постоянного контекста [Телия 1996: 85], в которых не только запечатлена народная мудрость, отражены реалии быта и приметы обычаев и нравов, но и выражены ценностные ориентиры этноса, его шкала нравственных ценностей, его представления о мире и пр. [Ван Тяньцзяо 2021: 9].

В кабардино-черкесском языке старшие – это добро, опора: «**Жьы зимыІэ фІы шыІэкъым**» – «*Ничего доброго не бывает без старых людей*»; «**Нэхъыжьыр телущІыкІыпІэщ**» – «*Старший – это опора*». Старики – это богатство: «**Дыщэм хэс нэхэрэ лЫжь зыбгъэдэс**» – «*Лучше в доме иметь старика, чем в золоте купаться*». Требования *Адыгэ хабзэ*, которые должен соблюдать настоящий кабардинец, очень разнообразны. Они охватывают все стороны человеческой жизни, в том числе и проявление уважения к старшим, женщине, к человеку вообще, что не могло не найти свое отображение в кабардино-черкесском языке: **пщІэ хуэщІын** – *ценить кого-либо, удостаивать вниманием*; **щІыхь хуэщІын** – *почитать, уважать кого-либо, с почтением относиться к кому-либо*; **дзэр хуэщІын (щІын)** – *питать к кому-либо почтение, считаться с кем-либо*.

В английском языке мы не обнаружили ни одной фразеологической единицы, которая передает значение «уважение, почитание старших». У англичан уважение – это проявление «джентльменства». Однако оно не содержит столь богатую палитру, наблюдаемую в адыгском этикете. Пословица «**Respect yourself, or no one will respect you**» – «*Уважай себя, иначе не будешь пользоваться уважением других*» (букв.: *уважай себя или никто не будет уважать тебя*) как нельзя точно характеризует национальную специфику англичан. О человеке, заслуживающем уважения, англичане говорят: **a man of worth** (букв.: *человек, заслуживающий ценности/достоинства*); **a man of worship** (букв.: *человек, заслуживающий поклонения*). Понятие «уважать, почитать кого-либо» содержится в следующих ФЕ: **pay regard to smb** – *букв.: заплатить кому-либо уважением*; **hold smb in respect** – *букв.: держать кого-либо в уважении*; **have smb in reverence** – *букв.:*

иметь кого-либо в почтении; **do homage to smb** – свидетельствовать почтение кому-либо. Англичане также считают, что уважать человека – значит оказывать ему честь. Так, основным компонентом следующих ФЕ является лексема «honour» (честь): **give honour to smb** – оказывать уважение (букв.: отдать честь кому-либо); **hold smb in honour** – уважать, оказывать уважение (букв.: держать кого-либо в чести). Внутренняя форма следующего выражения содержит понятие оценки или ценности человека: **hold in esteem** – ценить, уважать (букв.: держать в почтении, уважении).

Следует вывод, что репрезентант этичность в кабардино-черкесском языке представлен намного шире. Соблюдать этикет – значит следовать правилам *Адыгэ хабзэ*, буквально мыслить согласно предписаниям *Адыгэ хабзэ* (почтительно относиться к старшим, уважать традиции и многое другое). В английском языке он представлен скудно и имеет следующие значения: вежливость, благопристойность, хорошие манеры.

Одним из проявлений этичности является **гостеприимство**, которое включает в себя такие компоненты, как прием гостя, забота о нем и т.д. Этот обычай занимал важнейшее место в быту кабардинцев и считался важнейшей добродетелью любого человека. Гостеприимство репрезентирует не только добродетель, но и особое расположение Бога к хозяевам дома. Данный социальный феномен кабардино-черкесского менталитета берет начало в глубокой древности и занимает важное место в быту адыгов, считавших, что проявление гостеприимства – это проявление своего *адыгагъэ*, то есть адыгства, включающего в себя, прежде всего, такие качества, как человечность, дружелюбие. О степени адыгского гостеприимства свидетельствует следующее выражение: «Унэ пхашэ тешэбэщIщ» – «Дом бедных простых хозяев гостеприимен». О добром, щедром, гостеприимном человеке адыги говорят: «И Iэгу и Iэнэщ» (хьэлэлщ, жумартщ) – букв.: его ладонь служит столом для других. О том, что адыги рассматривали гостеприимство как одну из форм добродетели, свидетельствуют и записи Хан-Гирея (1978), где он сообщает о том, что гостеприимство являлось неотъемлемой частью жизни адыгов. Гость являлся для них святыней. «Гостеприимство ... сделалось добродетелью».

тельно народной, и сия священная добродетель с незапамятных времен, укоренившаяся в домашнем быту черкес была и язычеством поддерживаема, и не только не ослабла от введения между черкесами магометанской веры, но даже упрочилась» [Хан-Гирей 1978: 302]. И.М. Балова и М.Ч. Кремшокалова полагают, что «адыгское гостеприимство выступает в качестве важнейшего и обязательного компонента системы регулирования отношений между людьми» [Балова, Кремшокалова 2009: 130–131]. Несмотря на то, что оно утратило некоторые важные характеристики, тем не менее, многие из них нашли воплощение в образных средствах, в частности во фразеологических и паремиологических единицах, сохранивших ценностное отношение к традиции приема гостей. По мнению Е.Г. Гаврилова, «фразеология и паремиология любого языка выступают как естественная среда для формирования культурно-значимой информации о мире в языке, потому что фразеологизмы и поговорки выступают как способы означивания культурных ценностей этноса и изучаются в качестве способа означивания языка и культуры» [Гаврилова 2015: 11].

В ходе нашей работы мы провели исследование, материалом которого послужили результаты ассоциативного свободного эксперимента, в котором приняли участие 100 носителей кабардино-черкесского языка в возрасте от 17 до 49 лет, представляющих разные социальные слои населения (72 студента, 14 преподавателей, 6 домохозяек, 2 экономиста, 1 слесарь, 1 программист, 1 врач, 1 секретарь-референт, 1 дизайнер, 1 музыкант). Выбор данного метода исследования обусловлен тем, что его итоги, как отмечает В.А. Долинский, «можно трактовать как объективацию национально-культурной специфики образов языкового сознания» [Долинский 2012: 16– 21]. Анкета, в которой испытуемые должны были указать свой возраст, пол и образование и дать реакцию на слово-стимул *хьэщIагъэ*, составлена в соответствии с требованиями к проведению процедуры эксперимента.

В результате эксперимента нами были получены 100 ассоциативных реакций с положительной коннотацией, значимые, на наш взгляд, как и лексикографическая дефиниция слова **хьэщIагъэ**: *къеблагъэ* «добро пожаловать» + *цIыху къегъэблэгъэн* «принимать людей» + *хьэщIэ егъэблэгъэн* «принимать гостей» +

благъэ «родня» (23); *хъэщIэ* «гость» + *хъэщIагъэ* «гостеприимство» + *хъэщIэщ* «место для приема гостей» + *гъэхъэщIэн* «принимать гостей» + *хъэщIэм пицIэ* *хуэщIын* «оказать почет гостю» + *хъэщIагъэ ехын* «оказать почет гостю» (13); *адыгэ хабзэ* (9); *унагъуэ* «семья» + *унагъуэфI* «хорошая/благополучная семья» + *унэ* «дом» (9); *Iэнэ* «трехножный стол» (7); *берычэт* «изобилие» (5); *цIыхуфI* «хороший человек» + *цIыхугъэ* «человечность» (5); *пицIэ* «почет/уважение» + *пицIэ хуэщIын* «оказать почет/уважение» (4); *гуфIэгъуэ* «радостное событие» (4); *гуапагъэ* «добродушие, сердечность» (3); *гъэса* «воспитанный» + *гъэсэнэгъэ* «воспитание» (3); *шхын* «еда» + *шхыныфI* «хорошая еда» (2); *ерыскъы* «еда» (2); *адыгагъэ* «адыгство» (1), *нэмыс* «воспитание» (1), *сэлам* «приветствие» (1), *адыгэ* «адыг» (1), *ныбжъэгъу* «друг» (1), *хъэгъуэлIыгъуэ* «свадьба» (1), *пIастэ* «паста» (1), *шатэ* «сметана» (1), *мафIэ* «огонь» (1), *анэ* «мать» (1), *нанэ* «бабушка» (1).

При анализе этих реакций нами использован метод полевого моделирования, предполагающего выделение ядра, ближней, дальней и крайней периферий.

Ядро ассоциативного поля «*хъэщIагъэ*» (гостеприимство) составляет 23,0 % от всей полевой структуры стимульного слова. В него входят реакции *къеблагъэ*, *цIыху къегъэблэгъэн*, *хъэщIэ егъэблэгъэн*, основным компонентом которых является слово *еблэгъэн* (гостить), репрезентирующее приветствие и прием гостя.

Ближняя периферия (13,0 %) формируется следующими ассоциациями: *хъэщIэ*, *хъэщIагъэ*, *хъэщIэщ*, *гъэхъэщIэн*, *хъэщIэм пицIэ хуэщIын*, *хъэщIагъэ ехын*, в состав которых входит слово *хъэщIэ* (гость).

Дальняя периферия ассоциативного поля составляет 53,0 % и объединяет такие реакции как *Iэнэ*, *берычэт*, *цIыхуфI*, *цIыхугъэ*, *пицIэ*, *пицIэ хуэщIын*, *гуфIэгъуэ*, *гуапагъэ*, *гъэса*, *гъэсэнэгъэ*, *шхын*, *шхыныфI*, *ерыскъы*.

Крайняя периферия (11,0 %) объединяет реакции *адыгагъэ* «адыгство» (1), *нэмыс* «воспитание» (1), *сэлам* «приветствие» (1), *адыгэ* «адыг» (1), *ныбжъэгъу* «друг» (1), *хъэгъуэлIыгъуэ* «свадьба» (1), *пIастэ* «паста» (1), *шатэ* «сметана» (1), *мафIэ* «огонь» (1), *анэ* «мать» (1), *нанэ* «бабушка» (1).

Таким образом, сравнительный анализ показал, что ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии ассоциативного поля *хьэщIагъэ* имеют этноспецифические черты.

Особо интересным представляется то, что большинство испытуемых ассоциируют *хьэщIагъэ* (гостеприимство) с приветствием *къеблагъэ* (добро пожаловать). Согласно дефиниции, данной в словаре кабардино-черкесского языка, «*къеблагъэ*» – слово, употребляемое для выражения действия в значениях давай, начал, стал [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 383]. С.Х. Мафедзев считает, что корни понятия «*еблагъэ*» уходят глубоко в историю адыгов и имеют непосредственное отношение к поговорке «*ЛIэужьыр бжьиблIэ мауэ*» (Родословие исчисляется до седьмого колена), где «*бжьиблIэ*» = «*блы*» (семь). Он предполагает, что, произнося фразу «*еблагъэ*», хозяин подразумевает: «Породнись с нами, присоединяйся к нам, становись таким, как мы, похожим на нас» [Мафедзев 2019: 12]. «*Еблагъэ*» является неотделимой частью *адыгэ хабзэ*, частью души адыгов и проникнуто глубокой сердечностью. К тому же «родственника по женской линии, свойственника адыги называли той же основой – «*благъэ*» (родственник) [там же]. Таким образом, породниться в кабардино-черкесском языке – это «*благъэ щIын*» (букв.: сделать родство). В словаре кабардино-черкесского языка представлены следующие определения слова *благъэ*: 1) *мыжыжьэ, гъунэгъу* (не далекий, близкий); 2) *лэпкъым щыщ гуэрэм, и фызым, и лIым и Iыхьлы, и унагъэм щыщ* (кто-то из рода жены, мужа, родственника, семьи).

О человеке без роду-племени адыги говорят «*благъэркъым*» (букв.: без родственников), считают, что обидеть близкого родственника – значит потерять его: «*Благъэжъым и гум уеуэмэ, пфIокIуэд*», сравнивают поддержание родственных отношений с содержанием коня: «*Благъэ Iыгъынрэ шы Iыгъынрэ*». В картине мира адыгов все дары родственников должны принимать с радостью, их нельзя обсуждать или осуждать: «*Уи благъэ къуитым и дзэ удэмыплъэжэ*» (букв.: не следует смотреть в зубы тому, что дарит тебе родственник; ср. с рус. «Дареному коню в зубы не смотрят»).

Следующий весьма распространенный ассоциат – это **хьэщIэ** «гость» с дериватами *хьэщIагъэ* (гостеприимство) + *хьэщIэщ* (место для приема гостей; гостиница) + *гъэхьэщIэн* (принимать гостей) + *хьэщIэм пщIэ хуэщIын* (оказать почет гостю) + *хьэщIагъэ ехын* (оказать почет гостю). При рассмотрении этимологии слова **хьэщIэ** мы обратились к трактовке звуков М.М. Хацуковой, согласно которой звук «хьэ» имеет значения: «собака», «ячмень», «дух», а звук «щIэ» – «новый», то есть «хьэщIэ» – «новый дух» [Хацукова 2004: 21].

В кабардино-черкесской языковой картине мира гость занимает важную позицию. Так, по мнению адыгов, с гостем приходит счастье: «**ХьэщIэм насып кьы-докIуэ**», поэтому они всегда оказывали почет и уважение гостям любого возраста, о чем свидетельствует следующая пословица «**ХьэщIэ щIалэ щыIэкъым**» (букв.: *молодых гостей не бывает*). Для хорошего гостя всегда открыты двери: «**ХьэщIэфI и бысымыбжэ зэIухащ**». В свою очередь адыги-гости также славились своей воспитанностью, определявшей их ценностные ориентиры, что репрезентировано в пословице «**ХьэщIэр мэлым нэхьрэ нъхь Iэсэщ**» (букв.: гость смирнее овцы).

Гостеприимство неразрывно связано с помещением, отведенным для приема гостей. Б.Ч. Бижоев определяет *хьэщIэщ* как *хьэщIэ щрагъэблагъэ, щагъэхьэщIэ унэ (пэщ)* «букв.: специальное строение (или комнату) для гостей» [БищIо 2015: 296] *хьэщIэщ* (*хьэщIэ* – гость, а морфема *щ*, по мнению С.Х. Мафедзева, обозначает место для него, представляющее «однокамерное помещение с пристроенной к нему конюшней, крытое камышом» [Мафедзев 2019: 296; 298]. М.А. Уметов в своей книге «Этнокультурный код здоровья адыгов» описывает такие гигиенические свойства камышовых крыш, как «экологичность, долговечность, низкую теплопроводность, способствующую поддержанию оптимальной температуры в помещениях, сохранявшую в зимнее время тепло, летом – прохладу» [Уметов 2021: 66]. Он, ссылаясь на Андрея Бобровицкого, указывает, что «человек восстанавливает силы в обычном саманном доме за 4 часа» [там же].

М.М. Хацукова интерпретирует звук *щ* как число *три*, получается *хьэ* (*новый*) + *щI* (*дух*) + *щ* (*три*) [Хацукова 2004: 21], поэтому ассоциация семи испы-

туемых с этноспецифическим предметом быта адыгов «*Іэнэ*» (трехножный столик) предсказуема: в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка оказать гостеприимство – значит вкусно накормить гостя (*Іэнэ къэщтэн* – *угощать кого-либо; накрыть стол* (букв.: *взять стол*)), поэтому стол всегда должен быть богатым, что репрезентировано в следующих устойчивых единицах: «*Іэнэ хьэзыр*» – готовый стол; *Іэнэ къекьутэ* – букв.: стол ломится (от еды); *Іэнэ узда* – хорошо накрытый стол, «*Уи Іэнэ убагьуэ*» – букв.: да будет твой стол богатым. По мнению адыгов у хорошей хозяйки стол всегда готов: «*ФызыфІ и Іэнэ зэтетщ*». А бедный стол ассоциируется со старой доской: «*Іэнэм темыльамэ, пхьэбгьужщ*». Здесь особый интерес представляет слово *пхьэбгьуж* (неотесанная доска). В словаре кабардино-черкесского языка *Іэнэ* имеет следующее значение: *зытешхыкІ унэлящІэ, мыльагэу, льякьуищ щІэту, зы пхьэм кьыхахауэ* (низкий, трехногий предмет быта, предназначенный для приема пищи, сделанный из цельного дерева) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 829]. Таким образом, мы видим разницу богатого и бедного адыгского столика на примере качества строительного материала: традиционный адыгский трехножный стол сделан из цельной породы дерева, в то время как бедный стол адыга – это неотесанная доска.

Следует также отметить, что чревоугодие в гостях считалось постыдным, как и чревоугодие в целом. Удивительно то, что для номинации человека, чрезмерно увлекающегося едой, адыги используют слово *Іэнэухьуэнищ* «истребитель стола», в котором основным компонентом является предмет материальной культуры «*Іэнэ*». Высота трехножного столика составляла примерно 35 см. По мнению М. Уметова, при сидении за таким столом «создается острый угол между бедром и животом. Когда сидишь за таким столом много съесть просто невозможно – ноги слишком плотно подтянуты к животу» [Уметов 2021: 67]. Неумеренность в еде как непристойность репрезентирована в пословице «*Шхын нэхьрэ шхальэ*» – *Чем чревоугодие, лучше сдержанность*, устойчивом словосочетании «*Іэнэм тефыщІыхьын*» – букв.: *попробовать все, что есть на столе*.

Некоторые участники эксперимента подразумевают под гостеприимством *берычэт* «изобилие». Слово заимствовано из арабского языка и в переводе на русский язык означает «благословение», «благодать», «небесный дар» [Баранов 2006]. В адыгской картине мира данное слово репрезентирует как человека – «цыху берычэт», так и саму жизнь – «дуней берычэт».

Говоря о гостеприимстве, нельзя не упомянуть о том, что еда (пища) имела особую ценность среди всех народов Кавказа. Так, среди адыгов и по сей день существует некий культ пищи, с которым связаны всевозможные приметы, суеверия, верования. Например, считается, что плохой пищи не бывает («Шхын Йей щыІэкьым»). Пренебрегать каким-либо угощением бестактно. Нельзя оставлять в тарелке еду, считается, что пища может «обидеться». Нельзя выбрасывать пищу, наступать на нее. Эти действия расцениваются как злое намерение по отношению к пище и считаются большим грехом. Желая кому-то добра, адыги просят у Бога богатого стола, изобилия: **Уи ерыскъыр Тхъэм зэпимычкІэ** – Пусть Бог никогда не отнимет твою пищу; **Бей – тхъэж Тхъэм фищІ** – Пусть Бог сделает вас богатыми; **Алыхьым уи щІакхъуэ Іыхъэ нэхьин ищІ** – Пусть Аллах увеличит твой кусок хлеба. Данный языковой материал свидетельствует о том, что пища (*ерыскъы*) может чувствовать, оценивать те поступки, которые человек совершает по отношению к ней, то есть пища обладает душой. Такое явление Б.Х. Бгажноков называет «пищевым аниматизмом» [Бгажноков 2001: 104]. Мы считаем, что именно этот факт лежит в основе того, что некоторые испытуемые ассоциируют гостеприимство с едой (*ерыскъы*, *ихын* «еда») или с некоторыми блюдами адыгской кухни, в частности с *пIастэ*, основным элементом любого адыгского застолья. В словаре кабардино-черкесского языка слово *пIастэ* представлено в значении «пища, приготовленная из пшена или кукурузы, подаваемая к отварному мясу или вторым мясным блюдам (*лы гъэвам е лыгъуэлыбжьээхэм даихьу адыгэм хугум е нартыху зэтеудам къыхащІыкІ ихыныгъуэ*)» [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 597]. По мнению М.А. Уметова, *пIастэ* очень полезна, так как «содержит много клетчатки, которая способствует выделению из организма человека различных токсинов, пестицидов и даже радионуклидов [Уметов

2021: 51]. Естественно, такой важный компонент адыгской кухни не мог не отразиться в адыгской языковой картине мира. Положительный процесс трансформации человека заложен в выражении «**Пастэгъажьа зиужьижаш**» (букв.: *подошла, похорошела жареная пIастэ*). Горькая жизнь в кабардино-черкесской лингвокультуре представлена как «испорченная пIастэ» (*пIастэ мыгъуэ*): «**Пастэ мыгъуэ ирегъэшх**» – *досаждает, житъя не дает*; букв.: *кормит его горьким хлебом*. О женщине ленивой, не умеющей вести хозяйство, говорят «*пIастэгъэф*». В толковом словаре кабардино-черкесского языка Б.Ч. Бижоева дается трактовка выражения *ерыскъы къэIэтын* как процесса приготовления какого-либо вида пищи, приуроченного к либо радостному, либо горестному событию: *шхыныгъуэ гуэрхэр Iуэхугъуэ гуэрхэм (гуфIэгъуэм, гузэвэгъуэм хуэгъэзырын, хуэщэфIын* [БищIо 2015: 87].

Таким образом, ассоциаты испытуемых согласуются с ментальным представлением о пище, репрезентированным в пословице «**Ерыскъы Iей щыIэркъым, ныбэ Iей щыIэш**» (букв.: *нет плохой еды, есть плохой живот*), свидетельствующей о качестве и ценности адыгской пищи.

Рассмотрим ассоциат *унагъуэ* (семья), основой которого является лексема *унэ* (дом). И это не случайно, так как дом для любого носителя кабардино-черкесского языка – это священное место обитания. В словаре кабардино-черкесского языка слово *унагъуэ* дано в значении «*бынунэмрэ зыхэпсэукIыну абы иIэмрэ*» («родители и дети и их дальнейшее благополучие») [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 656]. О девушке, которая вышла замуж, адыги говорят: «*унэ ихъащ*» (букв.: *вошла в дом, в семью*), человека, не имеющего своей семьи, они характеризуют следующим образом: «**Унэкъым, жьэгукъым**»/«**Уни жьэгуи иIэкъым**» (букв.: *нет ни дома, ни очага*). В словаре кабардино-черкесского языка *жьэгу* трактуется как очаг, домашний очаг, семейный очаг или *унагъуэ* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 178], что позволяет провести параллель между понятиями *унагъуэ* и *жьэгу* (*унагъуэ = жьэгу*). Очаг (*жьэгу*) в жизни адыгов имел сакральный смысл. Они чтили культ огня и очага, считали, что у огня есть душа, поэтому запрещалось плевать в огонь, бросать в него различные предметы. Так, в

адыгейской мифологии есть божество очага *Джагунатхэ* (*жьэггу* – очаг, *нэ* – перед, *тхэ* – божество). С его именем связывали множество обрядов, например, приобщение невесты к очагу. Самым страшным проклятием адыгов считалось пожелание разрушения или затухания очага: **«Уи жьэггур къэусэхыж»** - *Да разрушится твой очаг*; **«Уи жьэггу мафIащхэ сэхыж»** – *Да потухнет огонь в твоём очаге*. В ходе нашего исследования лишь один участник эксперимента дал слово-реакцию *мафIэ* (огонь). Мы думаем, что испытуемый при этом имел образную ассоциацию с очагом (*жьэггу*).

Возвращаясь к ассоциациям «унэ», «унагъуэ», обратимся к кабардинской паремии: **«Унэр зыгъэунэри благъэр зыгъэблагъэри фызщ»** (*Дом и родственные связи держатся на женщине*). По нашему мнению, двое испытуемых дали ассоциации «анэ» (мама); «нанэ» (бабушка) именно потому, что в их картине мира мама и бабушка являются хранительницами семейного очага, отсутствие которых недопустимо при приеме гостей. Адыги говорят: **«АнэIэм къуитыр IэфIщ»** – *букв.: что дается материнской рукой, то вкусно*.

Некоторые участники эксперимента ассоциируют **хьэщIагъэ** (гостеприимство) с адыгами (*адыгэ*), адыгством (*адыгагъэ*), сводами правил поведения (*адыгэ хабзэ, адыгэ нэмыс*). И это не случайно. Гостеприимство является одним из важнейших постулатов *адыгэ хабзэ*, а значит и всех адыгов. Об этом свидетельствуют следующие пословицы: **«Адыгэ мыгъуэми шыгъуIагъэ уигъэшхынш»**; **«Адыгэ мыгъуэрэ шыгъурэ пIагъэрэ»** (*букв.: Несчастный адыг тебя угостит хлебом и солью*). *Адыгэ хабзэ* – это свод неписаных законов, норм регулирования отношений между людьми. О человеке, который повел себя правильно в какой-то ситуации, адыги говорят: **«Адыгагъэ кIэлъызэртхьащ»** (*соблюдал нормы адыгэ хабзэ*); **«Хабзэ игъэзыщIащ»** (*исполнил хабзэ*); **«Нэмыс хупцIащ»** (*оказал уважение*). Неисполнение каких-либо сторон обычая гостеприимства, либо нарушение каких-то правил гостеприимства среди адыгов считалось большим недостатком человека и резко осуждалось. Так, о негостеприимном человеке говорят: **«Бысым бзаджэр дэкIуатэкIыхьщ»** – *«Негостеприимный хозяин гостя долго провожает»*.

Четверо испытуемых дали реакцию *пицIэ* (честь)/*пицIэ хуэщын* (оказать честь) на слово-стимул *хьэщIагъэ* (гостеприимство). В словаре кабардино-черкесского языка понятие «*пицIэ*» представлено как плата за чей-либо поступок (**зыгуэрим шIат, хуагъэув уасэ**). Достоинно встретить гостей – это оказать им честь (**пицIэ хуэщын**). Адыги считают, что оказанная кем-то честь (почет) к нему же и вернется: «**ПицIэуэ пицIым хуэдэщ кыпхуащIыжыну**р» (букв.: сколько чести окажешь, столько тебе и вернется), но при этом должны уважать и себя: «**Уи щхьэм пицIэ хуумыщIыжмэ, зыми кыпхуищIынкъым**» (букв.: если не уважать себя, никто уважать не будет).

Гостеприимство также ассоциируется с радостными событиями (*гуфIэгъуэ*), со свадебными мероприятиями (*хьэгъуэлIыгъуэ*). У некоторых участников эксперимента оно отражает такие морально-этические нормы и оценки, как *цIыхугъэ* (человечность), *цIыхуфI* (хороший человек), *гъэсэныгъэ* (воспитанность), *гъэса* (воспитанный), *гуэпагъэ* (добродушие, сердечность). Как было указано выше, оказать гостеприимство – значит показать свое *адыгагъэ*. Гость должен получить не только физическое, но и моральное удовлетворение. На наш взгляд, большой интерес представляет прилагательное «*гуапэ*» (*добродушный, сердечный*). В основе слова лежит соматизм «*гу*» – сердце «место сосредоточения большого количества эмоций» + «*пэ*» (перед), либо «*япэ*» (впереди), то есть проявить добродушие, показать свое сердце. Словосочетание «*гуапэ щIын*» (обрадовать кого-либо) можно буквально трактовать как «*проявить чьи-либо сердечные качества*».

Таким образом, *хьэщIагъэ* является неременной составляющей нормой поведения адыгского этноса, что находит свое подтверждение в результатах свободного ассоциативного эксперимента. Совокупность полученных реакций воплощает в себе доминантные смыслы кабардино-черкесской лингвокультуры – *адыгэ хабзэ* «свод норм поведения», *адыгагъэ* «адыгство», *нэмыс* «честь»/«совесть», *цIыхугъэ* «человечность», *пицIэ* «уважение»/«почет», *унагъуэ* «семья», *гуэпагъэ* «добродушие»/«сердечность», *гуфIэгъуэ* «радость», *ныбжъэгъуэ* «друг», *гъэсэнныгъэ* «воспитанность, воспитание», *хащIагъэ* «гостеприимство», *блягъэ* «родственники, родство», *Iэнэ* «стол», *ерыскъы* «еда, пища», *анэ* «мать», *нанэ* «ба-

бушка», о чем свидетельствуют и привлеченные нами в процессе анализа эмпирического материала фразеологические, паремиологические единицы, которые подтверждают корреляцию ассоциатов с приоритетными ментальными оценками современных представителей этноса о таком социальном феномене, важном компоненте понятия добро, как гостеприимство.

Интересными показались результаты свободного ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка, опубликованные на сайте www.smallworldofwords.org. Количество опрошенных носителей английского языка, их возраст и социальный статус не указаны. Однако известно, что испытуемые должны были дать первую реакцию на слово стимул «*hospitality*» (гостеприимство). В ходе исследования были получены 100 ассоциативных реакций: *welcome* (добро пожаловать) (8); *hotel* (отель) (8); *friendly* (дружелюбно) (8); *kindness* (доброта) (6); *hospital* (больница) (6); *nice* (хороший) (5); *food* (пища) (5); *southern* (южный) (4); *home* (дом) (4); *warmth* (теплота) (4); *kind* (добрый) (4); *warm* (теплый) (3); *guest* (гость) (3); *welcoming* (приветствующий/гостеприимный/радушный) (3); *comfort* (комфорт) (2); *host* (хозяин) (2); *family* (семья) (2); *cordial* (радушный) (2); *industry* (индустрия) (2); *friends* (друзья) (2); *services* (услуги) (2); *generosity* (щедрость) (2); *tea* (чай) (1); *visit* (визит/посещение) (1); *generous* (щедрость) (1); *health* (здоровье) (1); *couch* (диван/кушетка) (1); *suite* (набор/комплект/апартамент) (1); *care* (забота) (1); *greek* (греческий) (1); *good* (хороший/добро) (1); *friendship* (дружба) (1); *dinner* (ужин) (1); *courteous* (вежливый/обходительный) (1); *service* (сервис/услуга) (1) [www.smallworldofwords.org].

При построении полевой модели ассоциативного поля «*hospitality*» мы также выделили ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии.

Ядро ассоциативного поля «*hospitality*» (24,0 %) составляют такие реакции как, *welcome* (8), *hotel* (8), *friendly* (8).

В ближнюю периферию (22,0 %) вошли следующие ассоциации: *kindness* (6), *hospital* (6), *nice* (5), *food* (5).

Дальнюю периферию ассоциативного поля «*hospitality*» (41,0 %) формируют такие реакции, как *southern* (4), *home* (4), *warmth* (4), *kind* (4), *warm* (3), *guest* (3), *welcoming* (3), *comfort* (2), *host* (2), *family* (2), *cordial* (2), *industry* (2), *friends* (2), *services* (2), *generosity* (2).

Крайняя периферия (13,0 %) объединяет реакции *tea* (чай) (1); *visit* (визит/посещение) (1); *generous* (щедрость) (1); *health* (здоровье) (1); *couch* (диван/кушетка) (1); *suite* (набор/комплект/апартамент) (1); *care* (забота) (1); *greek* (греческий) (1); *good* (хороший/добро) (1); *friendship* (дружба) (1); *dinner* (ужин) (1); *courteous* (вежливый/обходительный) (1); *service* (сервис/услуга) (1).

При сопоставлении ассоциативных полей *хьэццIагъэ* и *hospitality* кабардино-черкесского и английского языков мы пришли к следующим выводам:

1) В ассоциативное поле *хьэццIагъэ*, и *hospitality* в ядро входит реакция (добро пожаловать) *къеблагъэ/welcome*, что говорит о том, что в сознании носителей обоих языков заложено сходное представление о гостеприимстве;

2) ближняя периферия ассоциативного поля *хьэццIагъэ* немного объемнее, чем ближняя периферия *hospitality*. Она состоит из 6 ассоциатов, в основу которых входит слово *хьэццIэ* (гость) (*хьэццIэ*, *хьэццIагъэ*, *хьэццIэцц*, *гъэхьэццIэн*, *хьэццIэм* *ниццIэ* *хуэццIын*, *хьэццIагъэ* *ехын*). Между тем в ассоциативном поле *hospitality* реакции (*kindness*, *hospital*, *nice*, *food*) не имеют общего компонента значения;

3) дальняя периферия ассоциативного поля *хьэццIагъэ*, намного больше дальней периферии АП *hospitality* 53,0 и 36,5 % соответственно). Однако, следует отметить, что в дальнюю периферию ассоциативного поля кабардино-черкесского языка вошли реакции, описывающие как само застолье (*ерыскъы/ихын* – еда, *ихыныфI* – хорошая еда, *берычэт* – достаток), являющееся обязательным атрибутом в кабардино-черкесском этикете, символом которого является трехножный стол *Инэ*, так и подобающее *Адыгэ Хабзэ* эмоционально-нравственное состояние человека, принимающего гостей (*ниццIэ/ниццIэ* *хуэццIын* – почет/оказать почет, *гуапагъэ* – радушие, *гуфIэгъуэ* – радость, *гъэса/гъэсэнэгъэ* – воспитание, воспитанность, *цIыхуфI* – хороший человек, *цIыхугъэ* – человек-

ность). Реакции, вошедшие в дальнюю периферию ассоциативного поля *hospitality*, не имеют этноспецифической направленности.

Следует отметить, что фразеологических и паремиологических выражений, репрезентирующих гостеприимство в английском языке очень мало. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, «в английской идиоматике гостеприимство как общественно значимая черта вообще не представлена ни положительно, ни отрицательно» [Тер-Минасова 2000: 150]. Так, выражения, как **help yourself** – букв.: *помоги себе сам*, т.е. *чувствуй себя как дома*; **make yourself at home** – *чувствуй себя как дома*; **make no stranger of smb** – *принять как члена семьи (букв.: не делать из кого-либо чужака)*; **make smb free of one's house** – *предоставить свой дом в чье-либо распоряжение, сделать так, чтобы гости чувствовали себя как дома*, свидетельствуют о стремлении англичан сделать все, чтобы гость чувствовал себя как дома. Символом гостеприимства англичан являются широко распахнутые двери: **keep open doors** – *радушно принять гостей (букв.: держать двери открытыми)*; **throw open the door to** – *широко открывать двери, оказывать гостеприимство*.

Таким образом, когнитивный признак «Деяния человека, направленные на добро, добрые поступки» отражает посредством репрезентантов толерантность, этичность, гостеприимство, существенные стороны содержания концептов «фИы», «good».

2.2.2. Когнитивный признак «Добро как положительные, морально-нравственные качества человека»

В когнитивном признаке концепта «добро» как положительное, морально-нравственное качество человека на основе концептуального анализа нами выделены следующие семантические репрезентанты: совесть, честь, скромность, кротость, мужество, дружба, любовь, трудолюбие.

Семантические репрезентанты «совесть, честь»

В философии понятие «совесть» рассматривается как осознанная нравственная внутренняя самооценка действий, основа духовно-нравственного ста-

новления человека и общества в целом [Тарамова 2019: 85 – 87]. Полагая, что человек без чести, совести, стыда не может делать добро, мы объединили репрезентанты совесть, честь как взаимосвязанные понятия.

Совесть является общечеловеческой ценностью. Совесть – это «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [Ожегов 1998: 644], «способность человека, критически оценивая свои поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие должному как собственное несовершенство» [Психологический словарь 2007: 619], «осознание человеком неисполненности долга, несовершенности добра и торжества зла» [Психологический словарь 2007: 620].

В древнегреческом языке совесть (*syneidesis*) означает «совместное знание», что, по мнению Н.Н. Лавровой, отражает соотношение между головой и сердцем, т.е. разум и дух сошлись в одном слове, чтобы человек мог отличать доброе от злого [Лаврова 2013: 123–127].

В кабардино-черкесском языке лексема «совесть» имеет следующие значения: 1) **напэ**, 2) **нэмыс**, 3) **укЫытэ**, 4) **щЫыхь**. Где **напэ** – это **цЫыхум** и **дуней тетыкІэр кызыэрипщытэж гурыщІэ** [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 525–526] – *букв.: мерило совести, по которому человек измеряет свои деяния;* **нэмыс** – это **цЫыхум хэлын хуей щыпкыагъэхэр кызыэщІэзыубыдэ псалъэ** – *букв.: слово, вбирающее в себя все благородные качества, которые должны быть в человеке* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 533]; **укЫытэ** – это **емыкІу зыпыль щІэным щымыхъэшэныгъэ, зыщыдзейныгъэ** – *букв.: избегание постыдных, бесчестных поступков* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 655]; **щЫыхь** – это и **лэжыгъэм**, и **дуней тетыкІэфІым пэкІуэу зыгуэрым ирах лъапІэныгъэ, пщІэ** – *букв.: оказание уважения, чести кому-либо заслуженное его отношением к работе и образу жизни* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 817]

В английском языке лексема совесть выражена словом **conscience**, которая имеет следующие значения: 1) **the part of your mind that tells you whether what you are doing is morally right or wrong** (*букв.: часть твоего сознания, которая*

говорит правильно или неправильно с моральной точки зрения то, что ты делаешь), **2) a guilty feeling that you have about something bad you have done** (букв.: чувство вины, которое вы испытываете из-за чего-то плохого, что вы сделали) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 328]. Лексема «честь» выражена словом **honour**, которое имеет следующие значения: **1) something that makes you feel very proud** (букв.: что-то, что позволяет вам быть очень гордым); **2) respect that you, your family, your country etc receive from other people, which makes you feel proud** (букв.: уважение, которое вы, ваша семья, ваша страна и т.д. получает от других людей, что позволяет вам испытывать гордость) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 781], **privilege**, имеющее следующие значения: **1) a special advantage that is given only to one person or group of people** (букв.: особое преимущество, которое дано одному человеку или группе людей), **2) something that you are lucky to have the chance to do, and that you enjoy very much** (букв.: что-то, что тебе посчастливилось иметь возможность делать и от чего ты получаешь большое удовольствие), **3) a situation in which people who are rich or of a high social class have many more advantages than other people** (букв.: ситуация, в которой люди из богатого социального класса имеют намного больше преимуществ, чем другие), **4) a situation in which doctors, lawyers etc are allowed to keep information about their discussions with their patients or clients secret from other people** (букв.: ситуация, в которой врачам, юристам и т.д. позволено хранить информацию об обсуждении со своими пациентами или секретами клиентов от других людей), **5) the right to do or say something unacceptable without being punished, especially in parliament** (букв.: право делать или говорить что-то неприемлемое без наказания, особенно в парламенте) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 1303].

Как в кабардино-черкесском, так и в английском языках семантическое поле данного репрезентанта довольно широкое.

Понятие *nanэ* адыги тесно связывают с такими репрезентантами, как «совесть», «стыд». Человек, обладающий честью, по мнению носителей языка, имеет совесть. Исходя из общего мнения, честь, совесть и стыд вынуждают человека к

неприятно отрицательных поступков и вовлекают его в достойное нравственное поведение. Мы выделили группу ФЕ кабардино-черкесского языка, где «совесть» репрезентируется соматизмом «*напэ*» (лицо). «В менталитете адыгов «лицо» это орган, несущий ответственность за совесть и честь и обладающий резкой чувствительностью при отклонении от морали и нравственности. «Лицо – наиболее тонкая и чувствительная материя, отторгающая, согласно замыслу культуры, все, что противоречит адыгству. Логика этих связей и отношений предельно проста и сводится к правилу: «Несовместимое с моралью несовместимо с лицом»» [Бгажноков 1999: 71]. Так, о совестливом, благородном человеке говорят **напэ иӀэщ** – букв.: *имеет лицо*. Языковая картина мира рассматривается как продукт культурной реакции этноса на окружающую среду, в результате которой в языке воплощается система моральных ценностей, именно язык в этом случае служит средством трансляции базовых ценностей для представителей данной культуры [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 11]. Так, в кабардино-черкесской ЯКМ чистая совесть символизируется с чистым лицом и белым цветом: «**Зи псальэ нахуэм и напэр хужьщ**» – «У кого слово открытое, у того и совесть чиста»; **напэ къабзэ** – 1. чистая совесть; 2. смазливое лицо (букв.: чистое лицо); **напэ хужькӀэ** – с чистой совестью, с непогрешимой совестью (букв.: с чистым лицом); **Напэ хужькӀэ тхьэм дызэхуихьыж** – букв.: Пусть встретимся мы вновь с белым лицом. Ф.А. Бербекова считает, что «благодаря ассоциативному характеру человеческого мышления, номинация лица, основанная на стратегии использования зрительной перцепции по цвету, форме, размеру, уподобляет различным объектам окружающей человека действительности» [Бербекова 2019: 83]. З.Х. Бижева предполагает, метафорическое восприятие лица как выражения совести вписывается в парадигму адыгского менталитета как мифический артефакт» [Бижева 2000: 65]. Автор также считает, что в кабардино-черкесской ЯКМ «совесть мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию аморальных желаний или побуждений, т.е. своего рода строгий внутренний судья, дающий человеку предписания по поводу своего поведения» [там же]

В кабардино-черкесском языке в состав концептов «чистота», «искренность» входят компоненты «сердце» (*гу*), «душа» (*нсэ*). «В адыгской языковой картине мира сердце занимает ключевое положение. Исключительная важность сердца сделала его центром духовной жизни человека,местилищем чувств, настроений, мыслей, воли, религиозных верований. Оно является, прежде всего, символом эмоций и чувств, или, вернее будет сказать,местилищем эмоций и чувств» [Цримова 2003: 59].

Душа – *alter ego* человека, его внутренне «Я». С этической точки зрения душа является носителем некоего этического идеала: **гуми псэми фIэфIу** – *от чистого сердца* (букв.: по желания сердца и души); **гу кьабзэ щхьэ кьабзэ** – *чистосердечный, с чистой совестью* (букв.: с чистым сердцем и головой); **гур кьабзэ хьун** – *просветлеть сердцем* (букв.: стать чистым сердцем); **гу кьабзэ** – *чистый сердцем, честный* (букв.: чистое сердце); **гурэ псэкIэ** – *от чистого сердца, сердцем и душой (и с сердцем, и с душой)*; **гуми псэми кьыбгэдэкIыу** – *от чистого сердца* (букв.: исходя от сердца и души); **Зэм мыдрисэм игьакIуэм нэхь кьыхихьрт, сыту жыпIэмэ абы кьурIэн щадж, цIыхум и гур тхьэм нэхь шы-хуаузэщI** (КI. А., Хьу. н., II, н. 127) – *То она хотела сына отдать в медресе, потому что там изучали Коран, делали людей чистыми сердцем и душой перед Аллахом*. По мнению З.Х. Бижевой «адыгское «гу» (сердце), являясь компонентом многих сложных слов, выражает орган средоточения основной «внутренней» (если не первоначальной) способности адыгов к восприятию» [Бижева 2022: 73].

В некоторых выражениях кабардино-черкесского языка совесть обозначена словом «*нэгу*». Как полагает Б.Х. Бгажноков (1999), «*нэгу*» – наиболее информативная и важная составляющая лица, своего рода сосредоточие совести и стыда» [Бгажноков 1999: 65]. Автор уточняет, что «речь идет не о внешних глазах, а о внутреннем – *нэгу*, глазе сердца, который обуславливает божественное видение» [там же]. По мнению А.К. Шагирова, «поверхность глаза» дало «поверхность лица», «лицо» [Шагиров 1977: 278]. Иначе говоря, слово *нэгу* содержит в себе информацию о лице, совести и стыде. В адыгском сознании по особенностям взгляда можно судить не только о настроении, но также и о нравственных

качествах личности, ср.: **«Зи нэгу мыфЫм и гури фЫккЫм»** – *«Плохой взгляд – плохое сердце»* (букв.: у кого плохой взгляд, у того плохое сердце); **«Зи нэгу кьабзэм и гури кьабзэщ»** – *«Чистый взгляд – чистое сердце»* (букв.: у кого чистый взгляд, у того чистое сердце); **«УкЫтэ и нэгу щІэлькЫм»** – (букв.: в его взгляде нет стыда); **«УкЫтэ и нэгу щІэльщ»** – (букв.: в его взгляде есть стыд).

В своей работе Ф.А. Бербекова приходит к мнению, что *напэ* номинирует физическую составляющую, в то время как *нэгу* (букв.: глаз – сердце) – скорее является средоточием эмоций [Бербекова 2019: 84]. У диссертанта вызывает сомнение тот факт, что *нэгу* объективирует движение эмоций от отрицательной коннотации к положительной: **«Нэгур гумм и гьуджэщ»** – букв.: *«Лицо – зеркало души»*; **«Щыхум и гумм ильыр, и нэгум кьеІуатэ»** – букв.: *«Что лежит на сердце человека, то и лицо расскажет»*, т.е. каков вид у человека, таково и сердце [там же]. Таким образом, Ф.А. Бербекова делает вывод, что *нэгу* (лицо) может нести нейтральную, а порой выражать и отрицательную характеристику состояния души человека, которое отражается (вольно или невольно) на его лице [Бербекова 2019: 84–85]. То есть *нэгу* проецирует эмоциональное состояние, а точнее сущность человеческой природы.

Чистота, искренность могут также исходить из человеческих уст: **псальэ кьабзэ** – *прекрасное слово, разумное слово* (букв.: чистое слово).

С нравственной чистотой, с совестью в кабардино-черкесском языке ассоциируются образные выражения: **«Щыхум и нэр кьабзэмэ, игури кьабзэщ»** – *«У человека с ясным взглядом добрая, честная душа»*; **нэгу зыльыІуха** – *открытый взгляд, ясный взор*, лексической доминантой которых является сема «нэ» (глаза). Во взгляде и в глазах человека находят свое отражение его моральные и этические качества: *«Глаза – это зеркало души»*.

Примечателен тот факт, что чистота может иметь некий религиозный оттенок: **зэнзэныпсу кьабзэщ** – *чистый, как родник* (т.е. чистый как родник Зам – Зам. Родник Зам – Зам находится в Мекке и считается святой водой среди мусульман); **«Тхьэм кьызэригьэщІа цЫхуш»** – *«Как невинный младенец»* (т.е. такой, каким его создал Бог).

В английском языке о человеке с чистой совестью говорят: **(as) open as the day** – *чистосердечный, искренний, откровенный, открытый* (букв.: *открытый как день*); **(as) pure as lily** – *чистый, непорочный* (букв.: *чистый, как лилия*); **chaste as ice** – *невинный, непорочный как дитя* (букв.: *чистый, как лед*).

Англичане считают, что человеку с чистой совестью нечего бояться: «**A good conscience is a constant feast**» – «*У кого чистая совесть, тот может спать спокойно*» (букв.: *чистое сознание – это постоянный праздник*); «**A clear conscience laughs at false accusations**» – «*У кого чистая совесть, тому не страшна клевета*» (букв.: *чистое сознание смеется над ложными обвинениями*).

В английской ЯКМ чистая совесть ассоциируется с чистотой вообще: **clean sheet** – *незапятнанная репутация* (букв.: *чистая простыня*); **without a spot on one's reputation** – *с незапятнанной репутацией* (букв.: *без пятна на репутации*). Важно отметить, что лексической доминантой следующих ФЕ английского языка, репрезентирующих семантическую группу «совесть», являются соматизмы «*hand*» (рука), «*liver*» (печень): – «**A clean hand wants no washing**» – «*Честному человеку не нужно оправдываться*» (букв.: *чистые руки не нуждаются в мытье*); **have clean hands** – *иметь незапятнанную репутацию* (букв.: *иметь чистые руки*); **clean hands** – *невинность, незапятнанность, честность* (букв.: *чистые руки*); **a clean liver** – *человек, ведущий безупречный образ жизни* (букв.: *чистая печень*).

Для обозначения порядочности и честности, в английской ЯКМ используется компонент цветообозначения «*white*», так как белый цвет – это символ добра, чистоты: **white man** – *букв.: белый человек*; **treat smb white** – *честно относиться к кому – либо*.

Обобщив исследованный нами эмпирический материал, мы пришли к выводу, что в кабардино-черкесской ЯКМ совесть и честь сосредоточены в сердце, душе, лице и взгляде человека и ассоциируются с чистотой и выходят за рамки универсальных понятий и идентифицирует национально-специфическую обусловленность. В английской ЯКМ совесть и честь также представлены как чисто-

та, нечто белое, открытое. В английской ЯКМ совесть и честь сфокусированы в сознании человека и являются универсальными маркерами.

Семантические репрезентанты «скромность», «кротость»

Скромность – это одна из общечеловеческих ценностей. Человек, выработавший в себе эту трудно воспитываемую добродетель, умеет владеть своим *ego*. Скромность живет лишь в сердце доброго человека, она украшает его и препятствует совершению злых поступков.

В кабардино-черкесском языке репрезентант скромность выражен словом **щэныфIагъэ/щэныфIэ** (где **щэн** – характер/нрав, **фIы** – хороший) имеет следующее толкование: **щэн дахэ, щэныфI зыхэлъ, цIыху гъэса с хорошим нравом, характером** (букв.: *хороший нрав, тактичный, воспитанный человек*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 773]. В кабардино-черкесском языке лексема кротость выражена словом **Iэдэб**, которое имеет следующие словарные значения: **щэныфIэ, сабыр, щIыкIафIэ, зытет** (букв.: *человек, обладающий хорошими манерами, спокойный, воспитанный, уравновешенный*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 827]. В английском языке лексемы «скромность» и «кротость» являются синонимами и выражены словами **modesty**, имеющее следующие значения: 1) **a modest way of behaving or talking** – *букв.: скромный способ поведения или говорения*, 2) **unwillingness to show your body or do anything that may attract sexual interest** (букв.: *нежелание показывать свое тело или делать что-либо, что может привлечь сексуальный интерес*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 1059]; **humility**, имеющее значение **the quality of not being too proud about yourself** (букв.: *качество не быть слишком горделивым по отношению к самому себе*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 796].

Скромность является серьезным требованием адыгской этики. Она почиталась в старину черкесами и считалась лучшим украшением человека (*Фаццэм я нэхъ дахэр намысц посл.:* Скромность – красивое одеяние – *букв.: красивее фаццэ только воспитанность, скромность*). Скромный человек никогда не хвалил ни себя, ни своих детей, ни своих родителей: «**Сабыр и щIагъ дыщэ щIэлъщ**» – «*Под скромностью золото хранится; скромность украшает*».

В английской ЯКМ скромность отражается на лице красным румянцем. Англичане считают, что это признак целомудрия и добродетели: **«Blushing is virtue's colour»** – *«Краска смущения – признак скромности»* (букв.: покраснение – это цвет добродетели). Скромность и кротость вызывают к себе неоднозначное отношение. С одной стороны англичане ценят скромность. О скромном человеке они говорят: **(as) gentle as a lamb** – (букв.: кроткий, как овечка); **(as) mild as a dove (milk, May)** – (букв.: мягкий, как голубка, молоко, май); **(as) quite as a mouse** – (букв.: тихий, как мышь); **(as) soft as butter** – (букв.: мягкий, как масло); **(as) yielding as a wax** – *мягкий, как воск* (букв.: податливый как воск). Однако кротость, вытекающая из слабохарактерности, вызывает отрицательное отношение в английской ЯКМ: **infirm of purpose** – *нерешительный, неуверенный* (букв.: не-мощный в целях); **weak knees** – *букв.: слабый в коленях*; **(as) weak as water** – *букв.: слабый, как вода*; **can't say boo to a goose** – *букв.: не может даже спугнуть гуся*.

Традиционная адыгская скромность также сводится к тому, что человек, совершивший какой-либо добрый поступок, не должен хвастаться и ждать похвалы от общества. Адыги знают, что добро обернется добром: **«ФЫ зыщІэм и фІыщІэ кІуэдыркЪым»** – *«Благодарность благодетеля не обойдет»* (букв.: тот, кто делает добро, не пропадает); **фІыр кІуэдыркЪым** – (букв.: добро не пропадает); **фІым фІыщІэ пыльщ** – *добро вызывает благодарность* (букв.: добро по-лучает благодарность); **«УлІмэ, уи щхъэ ущымытхъу, уфІмэ жылэр кЪыпщытхъунщ»** – *букв.: «Если ты мужчина, то не хвастайся, если ты такой хороший, люди сами тебя похвалят»*.

Таким образом, скромность и кротость как семантические репрезентанты когнитивного признака «Деяния человека, направленные на добро, добрые поступки» представлены и в кабардино-черкесском, и в английском языках. В отличие от кабардино-черкесской ЯКМ, в которой скромность и кротость имеют исключительно положительную коннотацию и отражают этноспецифические стереотипы культурных представлений адыгов, в английской ЯКМ чрезмерная скромность и кротость, переходящие в слабохарактерность и неумение отстаивать свои интересы, порицаются и являются универсальным признаком.

Семантический репрезентант «мужество»

Мужество является одной из нравственных человеческих добродетелей. Оно помогает человеку преодолевать страх, трудности, искушение, при этом укрепляет его веру в правильности следования добру. Мужество является высоко ценимым человеческим качеством.

В кабардино-черкесском языке мужество выражено словом **лЫгъэ**, что обозначает **хахуагъэ**, **лЫхъужьыгъэ** [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 505] – букв.: *смелость, героизм*. В английском языке в значении мужество используются слова **courage** «the quality of being brave when you are in danger, in pain, in a difficult situation» (букв.: *качество быть храбрым, когда ты в опасности, когда ты испытываешь боль, в сложной ситуации*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 358]; **bravery** «actions, behaviour, or an attitude that shows courage and confidence» (букв.: *действия, поведение или отношение, которое показывает храбрость и уверенность*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 174].

В кабардино-черкесской лингвокультуре под словом **лЫгъэ** «мужество» адыги подразумевают а) способность стойко переносить физические и душевные страдания, неудачи, удары судьбы: **кытралъхъэ** и **хъэльэщ** – *выносливый, безропотно переносящий все тяготы жизни; ломовая лошадь* (букв.: *стерпит любую тяжесть, которую положат на его шею*); **куэд зыгъэткIуа (цIыхуш)** – *видавший много переживаний на своем веку; тертый калач* (букв.: *человек, который много переварил*); «**лЫгъэм и гъуэгу сэтейкъым**» – «*У мужества нет ровной дороги*» (букв.: *у мужества дорога неровная*); «**Уемызэш, умышыни лЫ ухъунщ**» – букв.: «*Не уставай, не бойся и станешь мужчиной*»; б) деликатность: «**лЫм и лЫгъэр лэгъунэм щилуатэркъым**» – «*Мужчина в своем доме не проявляет мужества*» (букв.: *мужчина не рассказывает о своем мужестве у себя в спальне*); в) благородство: «**лЫгъэр зи бащэу, батырыбжьэр зи тыгъэу псэун**» – «*Живи, имея мужество, достойным богатырского бокала*» (букв.: *жить, имея много мужества – быть таким, которому носят богатырский напиток*); «**лЫгъэ щIапIэ лЫ икIуадэркъым**» – «*В бранном месте мужчина выстоит*»

(букв.: в том месте, где нужно совершить мужество, мужчина не пропадет);
«ЛЫМ зигъэгусэркъым» – (букв.: мужчина не обижается).

Для репрезентации концепта «мужество» в кабардино-черкесском языке Б.Х. Бгажноков приводит термин *«лыфIыгъэ»* (мужество добрых деяний) [Бгажноков 1999: 67], в основе которого лежит информация о том, что истинное мужество заключается в благих поступках и в толерантном отношении к окружающим, о чем свидетельствует следующая поговорка кабардино-черкесского языка: **«Бзаджэ щIэныр лыгъэкъым, лыгъэр фIы щIэнырщ»** – *«В злодеянии нет мужества, мужество в благодеянии»* (букв.: совершить зло – это не мужество, мужество – это совершить добро). То есть мужественный человек тот, кто способен проявлять сострадание, сочувствие, тот, кто умеет прощать. Это человек, который может побороть в себе гордыню, зависть и готов защищать слабых и униженных, Ведь навредить людям легче, чем помочь им.

В кабардино-черкесской ЯКМ понятие «мужество» приравнивается к верности слову: **«ЛЫ и псалъэ епIыжыркъым»** – *«Настоящий мужчина верен своему слову»* (букв.: мужчина сдерживает слово); **«УлIмэ, улIэнуми уи псалъэ гъэпэж»** – *«Даже, если ты умрешь, ты должен сдержать свое слово, если ты мужчина»* (букв.: если ты мужчина, сдержи слово, даже если это будет стоить тебе жизни); **«ЛЫ и псалъэ тIэу жиIэкъым»** – букв.: *«Мужчина два раза свои слова не повторяет»*. Оно равноценно понятию «совесть»: **«ЛЫгъэ зиIэм напи иIэщ»** – (букв.: У кого мужество, у того и совесть). О храбром человеке адыги говорят: **ЛЫМ я лей** – *храбрейший из храбрых, муж мужей (чрезмерное мужество)*; **ЛЫуэ къальхуащ** – *настоящий храбрец (букв.: он родился мужчиной)*; **ЛЫгу кIуэцIылыщ** – (букв.: у него (нее) мужественное сердце); **ЛЫгъэ иIэн** – *иметь мужество*. Адыги считают, что мужество – это не вещь, приобретенная по наследству. Это такое качество, которое человек получает в процессе жизненного опыта: **«ЛЫгъэр зыльыхъуэр лыгуш, лIакъуэцIэкъым»** – *«Мужество ищет сердце витязя, а не знатной родословной»* (букв.: мужество ищет мужественное сердце, а не передается по крови); **«АтIэ, араш, лыгъэр адэ щIэинкъым, джэдыгужьым хуэдэу»** – *«Так вот, мужество не отцовское наследие, как ста-*

рая шуба» (букв.: *итак, мужество – это не отцовское наследие, каким является старый тулуп*).

В английском языке мужество – это, прежде всего, стойкость: **bear and forbear** – *быть терпеливым и терпимым*. Стойкого человека англичане ассоциируют с железом: (**a man of iron** – *букв.: человек из железа*); со скалой: (**as firm as a rock** – *букв.: твердый, как скала*); со львом: (**as brave as a lion** – *букв.: храбрый, как лев*). Стойкость отражается во внешности человека: **carry a stiff upper lip** – *сохранять присутствие духа (букв.: иметь неподвижную верхнюю губу)*, то есть в английской ЯКМ мужество проявляется в сдержанности эмоций.

Значение репрезентанта «мужество» в кабардино-черкесском и английском языках часто передается соматизмом «сердце» (*gy/heart*): **гур гушхуэн** – *букв.: увеличиться сердцем*; **гур къызэрыгъуэтыжын** – *букв.: найти сердце*; **гур гъэжэнын** – *букв.: заострит сердце*; **гу клуэщыльын** – *букв.: с сердцем внутри*; **a stout heart** – *смелое сердце (букв.: прочное/крепкое сердце)*; **a heart of oak** – *букв.: сердце из дуба*; **pluck up heart** – *собраться с духом, набраться смелости (букв.: выдернуть сердце наверх)*; **take heart** – *мужаться, воспрянуть духом (букв.: взять сердце)*; **keep a good heart** – *не падать духом, держаться молодцом (букв.: хранить хорошее/доброе сердце)*. То есть, мужественный человек обладает большим и смелым сердцем.

Таким образом, мужество как репрезентант концепта «добро» очень ярко и широко представлено в обоих языках и характеризует универсальные особенности двух лингвокультур. Оно имеет идентичные значения и в кабардино-черкесском, и в английском языках. Общим является и место/орган, аккумулирующие это чувство – сердце. Однако интересным, на наш взгляд, является то, что в кабардино-черкесской ЯКМ мужество – это проявление чести, благородства, деликатности, верности своему слову, это добродетель, которая не передается по наследству.

Семантический репрезентант «дружба»

Дружбой называют близкие отношения двух и более людей, которые основываются на взаимном доверии и общих интересах. Очень часто друзья бывают

эмоционально ближе друг к другу, чем родственники. Можно сказать, что дружить – значит делать добро. Добро создается самим человеком, благодаря его добрым делам, мыслям, поступкам. Добро объединяет людей, тем самым основывая симпатию и дружбу между ними.

В кабардино-черкесском языке значение понятия дружба имеет слово **ныбжьэгъугъэ** – **ныбжьэгъу псальэм кытекIа щыIэцIэ** *букв.: имя существительное, которое произошло от слова **ныбжьэгъу**, где **ныбжьэгъу** – **ныбжьэгъугъэкIэ кыппыщIа, узыпыщIа** (букв.: тот, с кем связывает дружба)* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 543], в английском языке – словом **friendship**, имеющим следующие значения: **1) a relationship between friends** (*букв.: отношение между друзьями*), **2) the feelings and behaviour that exist between friends** (*букв.: чувства и поведение, которое существует между друзьями*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 645–646].

В кабардино-черкесском языке дружеские отношения часто сравнивают с родственными, братскими отношениями: **кьуэши-шылIи** – *и сват, и брат*; **зэкьуэшым хуэдэу** – *как братья*; **зэкьуэш-зэшэгъу** – *друзья-братья* (*букв.: как родные братья*); **«Кьуэш егъу нэхьрэ ныбжьэгъуфI»** – *«Лучше хороший друг, чем недобрый брат»* (*букв.: лучше хороши друг, чем завистливы брат*); **«ЛьыкIэ зэш нэхьрэ гукIэ зэш»** – *«Узы сердечной дружбы крепче братства по крови»* (*букв.: лучше родные по сердцу, чем родные по крови*).

Неразлучность, тесная связь друзей в кабардино-черкесской и английской ЯКМ демонстрируется следующими ФЕ: **фэдэнымрэ тасмэмрэ хуэдэш** – (*букв.: они как кожаная нить и тесьма*) (*неразлучны*); **зы фальэ йошхыкI** – *их водой не разольешь* (*букв.: они едят из одной миски*); **Фомрэ цымрэ хуэдэу, я гур зэкIэрыпщIауэ псэуаш** – *Жили они душа в душу* (*букв.: их сердца слились, как шерстинка с медом*); **be finger and thumb** – *букв.: быть как палец и большой мизинец*; **be hand and glove with smb** – *букв.: быть как рука и перчатка*; **be cup and can** – *букв.: быть как чашка и бидон*.

В кабардино-черкесской ЯКМ старого друга ассоциируют со старинным серебром: **«Ныбжьэгъужьрэ дыжьыныжь пщэжарэ»** – *«Старый друг – что доб-*

ротное серебро; с конем» (букв.: старый друг так же ценен, как то старое серебро, которое ты продал); «ШыфIыр ныбжьэгъуфIым хуэдэщ» – «Добрый конь – что добрый друг» (букв.: хороший конь как хороший друг); «ЛIым шыимыIэмэ, бгъэм дамэ темыт хуэдэщ» – букв.: «Мужчина без коня, все равно, что гора без вершины». И это не случайно, так как лошади были самыми почитаемыми животными. Как видно из нартского эпоса, лошади помогают своим хозяевам, понимают их язык, оберегают их. «О культуре коня свидетельствуют следующие поговорки и пословицы: «Конь – крылья мужчины», «Конь доставит к мечте», «Не называй своего коня ослом».

Несоизмеримость дружеских отношений с какими-либо материальными благами характеризуется в следующих паремиях кабардино-черкесского языка: «Къуажэ ив нэхърэ къуажэ илI ныбжьэгъу» – «Чем иметь вола, лучше иметь друга в каждом селе» (букв.: лучше иметь в друзьях лучшего из мужчин в селе, чем владеть лучшим из бычков в селе); «Мыльку куэд нэхърэ ныбжьэгъу куэд» – «Лучше много друзей, чем много богатства» – (букв.: чем много богатства, лучше много друзей).

Ввиду своей сдержанности англичане при проявлении дружеских чувств отказываются от формальностей. Они не пожимают руки при встрече, не употребляют титулы и звания при обращении, не используют слово «*please*» при обращении с какой-либо просьбой. Теплые, дружеские отношения, которых чаще придерживаются англичане, репрезентированы в следующих ФЕ: **keep terms with smb** – *поддерживать дружеские отношения с кем-либо* (букв.: *поддерживать условия/правила с кем-либо*); **good fellowship** – *чувство товарищества* (букв.: *хорошее товарищество/партнерство*). В следующей английской пословице старых друзей сравнивают со старым вином: «**Old friends and old wine are best**» – «*Нет лучше старого друга и старого вина*» – (букв.: *старые друзья и старое вино – это самое лучшее*).

Несмотря на капиталистический уклад жизни, англичане считают, что счет дружбе не помеха: «**Even reckoning makes long friends**» – (букв.: *Даже счет де-*

лает дружбу долгой»); «**Short accounts make long friends**» – (букв.: *Короткий счет делает дружбу длинной*)).

Итак, репрезентант «дружба» представлен в кабардино-черкесском и английском языках очень богато. И в кабардино-черкесской, и в английской картинах мира, дружба – это тесная, неразрывная связь, однако в английской ЯКМ дружба – это особые условия, партнерство. Интересно то, что, если в представлении англичан деньги дружбе не помеха, то в мировоззрении кабардинцев дружба несоизмерима с богатством.

Семантический репрезентант «любовь»

Любовь – это одна из основных этических, нравственных ценностей, стоящих в одном ряду с добром, счастьем, дружбой и т.д. В кабардино-черкесском языке значение любовь передается словом **лъагъуныгъэ**, которое имеет следующее толкование: **1) зыгуэрэм упызыщӀэ гурыщӀэ лъагэ** – *букв.: высокое чувство, которое связывает с кем-либо* **2) хьульхугъэмрэ, бзыльхугъэмрэ яку къыдэхъуэу зыр адрейм пызыщӀэ гурыщӀэ** **ӀэфӀ** – *букв.: сладострастное чувство, которое возникает между мужчиной и женщиной и связывает их* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 490]. В английском языке понятие любовь выражено словами а) **love** в значениях: **1) a strong feeling of caring about someone, especially a member of your family or a close friend** (*букв.: сильное чувство заботы о ком-либо, особенно о члене твоей семьи или близком друге*), **2) strong feeling of liking someone a lot combined with sexual attraction** (*букв.: сильное чувство симпатии к кому-либо, смешанное с сексуальным влечением*), **3) someone that you feel a strong romantic and sexual attraction** (*букв.: кто-то к кому вы испытываете сильное романтическое и сексуальное притяжение*), **4) a strong feeling of pleasure and enjoyment that something gives you** (*букв.: сильное чувство удовольствия и наслаждение, которое кто-то дает вам*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 962–963]; б) **affection** в значениях: **1) a feeling of liking or love and caring** (*букв.: чувство симпатии, любви и заботы*), **2) the feeling or love and caring that someone has** (*букв.: чувство*

любви и заботы, которое есть у кого-либо) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 25].

Следует отметить, что и в кабардино-черкесской, и в английской ЯКМ понятие любовь несовместимо с такими понятиями, как страсть, похоть. Объяснить этот факт можно сдержанностью англичан и адыгов и недопустимостью проявления каких-либо чувств и эмоций.

Основным органом средоточия такого чувства, как любовь, у многих народов является сердце (**гу, heart**). И это не случайно: ведь сердце – это один из важнейших внутренних органов, который обеспечивает жизнедеятельность человека.

Так, лексема «гу» является основным компонентом следующих ФЕ и паремий в кабардино-черкесском языке, характеризующих семантическое поле со значением «любовь»: **гур кІэрыпщІэн** – *влюбиться в кого-либо, присохнуть сердцем* (букв.: *сердцем прилипнуть*); **гухэлъ иІэн (хуиІэн)** – *любить кого-либо в душе* (букв.: *иметь желание*); **гур етын** – *полюбить* (букв.: *отдать кому-либо сердце*); **«Лъагъуныгъэ зыхуэпщІым гущІэр къегъэхъей»** – *«Любовь пленяет»* – (букв.: *тот, к кому испытываешь любовь, переворачивает тебе душу*); лексема **heart** – в ФЕ и паремиях **a union of hearts** – *союз двух любящих сердец* (букв.: *союз сердец*); **lose one's heart to** – *отдать свое сердце кому-либо; полюбить кого-либо* (букв.: *потерять сердце*); **«The heart that once truly loves never forgets»** – *«Старая любовь не ржавеет»* (букв.: *сердце, любившее однажды по-настоящему, никогда об этом не забывает*).

В кабардино-черкесской ЯКМ органом чувств является также **псэ** (душа): **«Псэр зэхъуапсэр дахэщ»** – *«Красив тот, в ком души не чаешь»* – (букв.: *то, чего жаждет душа, красиво*).

Чувство влюбленности имеет внешние проявления. Так, основным компонентом следующих ФЕ является соматизм **нэ/еуе** (глаз): **нэм щІэхуам щІэмыхын** – *сильно любить, уважать кого-либо* (букв.: *не удалять, даже если в глаз попало*); **нэр къытемыгъэкІын** – *окружить кого-либо постоянным вниманием* (букв.: *не отводит глаз*); **«Нэм щІэтыр псэм хуэдэщ»** – *букв.: «Тот, кто стоит перед глазами, дорог, как душа»*; **«Псэм фІэІэфІыр нэм фІэдахэщ»** – *букв.: «Тот, кто*

дорог для души, красив для глаз»; change eyes – бросать друг на друга влюбленные взгляды (букв.: менять глаза); goo-goo eyes – влюбленные взгляды (букв.: липкие глаза); cast (make) sheep's eyes at smb – бросать влюбленные взгляды на кого-либо, смотреть на кого-либо влюбленными глазами (букв.: делать/бросать кому-либо овечьи взгляд/глаза).

В кабардино-черкесском языке для репрезентации состояния влюбленности используется соматизм **нэкІу** (лицо): **нэкІууи напІэуи иІэн** – *самозабвенно любить кого-либо; не чаять души в ком-либо (букв.: быть глазом и веком для кого-либо).*

Следующие ФЕ английского языка, характеризующие степень влюбленности человека, содержат такие соматизмы, как **head** (голова), **ears** (уши): **be head and ears in love** – *букв.: быть с головой и по уши влюбленным; be head over ears in love* – *букв.: быть с головой по уши влюбленным; be up to the ears in love* – *букв.: быть по уши влюбленным.* Соматизм *head* (голова) в данном случае репрезентирует потерю контроля над собой. Часть головы *ears* (уши) – почти макушка головы в вертикальном положении, то есть символ чего-то крайнего.

Такие выражения, как **фІыльагъуныгъэ** – *любовь* или **фІыуэ лъагъун** – *любить* (букв.: хорошо видеть, смотреть), по мнению З.Х. Бижевой, показывают «уникальность восприятия адыгским протосознанием эмоционального концепта «любовь»» [Бижева 2022: 107]. Уникальность заключается в «опоре» на концепт «видеть» («смотреть»). То есть данный эмоциональный концепт имеет «материальную основу – зрительное восприятие, метафорически закрепленное внутренней формой соответствующих идиом [там же]. По мнению автора, эти выражения являются очередным доказательством «образности языкового выражения адыгской модели мира» [там же].

Таким образом, семантическое поле «любовь» как репрезентант концепта «добро» очень экспрессивно представлено как в кабардино-черкесской, так и в английской ЯКМ и отображает универсальный признак концепта «добро». Следует отметить то, что и адыги, и англичане любят сердцем и глазами. Однако есть

существенное отличие в проявлении любви. Так, адыги любят душой, тогда как англичане «окунаются» в любовь с головой.

Семантический репрезентант «трудолюбие»

Труд является одним из основных моральных требований человеческой добродетели. Посредством труда передаются важные человеческие ценности, формируются нравственные качества личности. Труд направлен на созидание, отсюда следует, что трудолюбивый человек ориентирован на добрые поступки.

В кабардино-черкесском языке трудолюбие отображено в выражении **лэжьыгъэ зыфӀэфӀын**, где **лэжьыгъэ** имеет следующее толковое значение: **щӀыпӀэ хэха гуэрым шалэжь Ӏуэхугъуэ** – *букв.: определенная работа/занятие, которая выполняется в определенном месте* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 484]. В английском языке лексема «трудолюбие» выражена словом **industriousness**, где прилагательное **industrious** имеет значение **someone who is industrious works hard** (*букв.: тот, кто трудолюбив и усердно работает*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 830]; **diligence**, где прилагательное **diligent** имеет значение **someone who is diligent works hard and is careful and thorough** (*букв.: кто-то, кто прилежен, усердно работает, кропотлив и скрупулезен*) [Longman dictionary of contemporary English 2003: 436].

В кабардино-черкесской картине мира труд возводится в нравственную категорию. Адыги всегда считались трудолюбивым народом. Детей с ранних лет воспитывали в духе трудолюбия. З.У. Блягоз отмечает, что детей приучали к физическому труду с раннего детства: «согласно образу жизни адыгов, – пишет он, – отношение их к труду, выработки трудовых навыков создавались пословицы и поговорки, которые воспитывали у подрастающего поколения уважительное отношение к труду, брали на вооружения знания. Умения, которые способствовали бы совершенствованию мастерства в изготовлении предметов, вещей, сооружений, строений и т.д.» [Блягоз 1996: 21–22]. Так, адыги говорят: «**Улажьэмэ, лыжь пшхынщ, умылажьэмэ, лажьэ бгъуэтынщ**» – (*букв.: «Будешь работать будешь есть мясо, не будешь работать найдешь неприятности»*); «**Улажьэмэ, Ӏыхь-эншэ ухьункъым**» – (*букв.: «Будешь работать – без доли не будешь»*);

«Блэжын бгъуэтмэ, пшхын бгъуэтынщ» – (букв.: «Найдешь работу, найдешь и еду»); «Утхэжу упсэуну ухуеймэ, пщЭнтЭпс кьекIуэу лажьэ» – (букв.: «Хочешь жить в достатке – так трудись до тех пор, пока не проступит седьмой пот»); «ПщЭнтЭпс пщЭншэ хьуркьым» – (букв.: «Труда бесплатным не бывает»); «Узэгугьур кьогугьуж» – (букв.: «Тот, о ком ты проявляешь заботу, проявит заботу о тебе», то есть: кто старается и трудится, тому все сполна окупится»); «IэщIагьэ зиIэм Iэужь иIэщ» – (букв.: «Тот, кто имеет ремесло, профессию, у того есть след, то есть: кто трудится (имеет ремесло), тот в жизни оставит след»); «ЗекIуэ и вакьэ лажьэркьым» – (букв.: «У того, кто много ходит, обувь не снашивается, то есть: труд приносит достаток»); «УлIэмэ, уи IитIыр кьыпщытхьужынкьым» – (букв.: «Когда ты умрешь, твои руки не скажут тебе спасибо») то есть нужно трудиться при жизни, так как после смерти руки не пригодятся.

Считалось, что труд является источником человеческого существования. Что он (труд) украшает и облагораживает человека: «Щыхур зыгьэщIэращIэр и гуащIэрщ» – (букв.: Человека украшает его труд).

Также кабардинцы с малых лет приучали своих детей к трепетному и бережному отношению к продуктам труда. В частности, к пище (*ерыскьы*). Известно, что адыги издавна очень уважительно относились к пище, о чем свидетельствует следующее выражение: «Ерыскьы Iей щыIэкьым, ныбэ Iей щыIэщ» – (букв.: Плохой пищи не бывает, плохой живот бывает).

В кабардино-черкесской языковой картине мира труд доставляет наслаждение, является источником человеческого счастья: «Сыт щыгьуи Iуэху блэжынырщ фIыр» – «Постоянный труд – истинное наслаждение» (букв.: всегда самое лучшее – это выполнить какую-либо работу); «Насыпыр пщЭнтЭпсхэкIщ» – «Труд – источник счастья» – (букв.: счастье зарабатывается собственным потом); «Уи IэщIагьэ гузэгьэгьуэщ» – «Труд твой – успокоение твоей души» – (букв.: ремесло – это утешение/успокоение).

В английской ценностной картине мира существует тесная взаимосвязь между моральной оценкой человека и размером его собственности. Для англичан

труд – это скорее источник получения материальных благ. Чем больше работаешь, тем больше твой труд вознаграждается. Такое отношение к труду объясняется здравым смыслом западноевропейцев.

Для описания степени занятости человека работой в кабардино-черкесском и английском языках используются такие соматизмы, как: **а)** «*кIэмIий*», «*guts*» (кишки), **б)** «*head*» (голова), **в)** «*nose*» (нос): «**И кIэтIийр и вакъэпсу (вакъэ лъэпсу, лъэдакъэпсу) мэлажьэ**» – «С величайшим трудом; в поте лица» (букв.: *работает так, что его кишки служат шнурками для обуви*); **sweat one's guts out** – букв.: *заставить потеть свои кишки*; **bring one's nose to the grindstone** – букв.: *засунуть свой нос в жернова*; **with one's nose in the grindstone** – букв.: *с носом в жерновах*.

На основании вышеизложенного следует вывод, что семантическое поле трудолюбие как репрезентант концепта «добро» необычайно выразительно представлено в кабардино-черкесской ЯКМ, тем самым определяя его этноспецифическую детерминированность. В обоих языках эксплицировано чрезмерное вовлечение человека в процесс трудовой деятельности. В миропредставлении кабардинцев труд – это не только получение материальных благ, но и ощущение счастья от самого процесса труда.

2.3. Этноспецифические ассоциации понятий фIы, good (добро) в языковом сознании современных носителей кабардино-черкесского и английского языков (по результатам ассоциативных экспериментов)

Для изучения концепта, по мнению Н.В. Крючковой, необходимо «исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов... Такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в те или иные понятия и выявить связи, существующие в концептуальной системе носителей языка (т.е. взаимодействие анализируемого концепта с другими концептами)» [Крючкова 2005: 23]. Ассоциативный эксперимент явля-

ется, по мнению Н.В. Уфимцевой, одним из способов «овнешнения языкового сознания», так как «образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» [Уфимцева 2003:102–111]. Р.М. Фрумкина считает, что ассоциация – это «связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном субъективном опыте, который может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но который всегда является также и сугубо личным» [Фрумкина 2001: 189]. Ю.Е. Ульянов предполагает, что «воспринимаемое слово порождает в нашем сознании поистине безграничную систему связей и отношений, отражающих образы предметов, явлений, понятий, действий и слов, наше эмоциональное состояние в данный момент, а также все то, что отложилось в житейском опыте индивида...» [Ульянов 1988: 12].

Выделяют три вида ассоциативного эксперимента – свободный, направленный и цепной. В своем исследовании мы применили свободный ассоциативный эксперимент, процедура проведения которого предполагает ответ на предложенный испытуемому стимул «пришедшим в голову словом-реакцией (R), при предъявлении слова-стимула (S)» [САНРЯ 1977: 18]. На результаты ассоциативного эксперимента влияют лингвистический и прагматический факторы. «Лингвистический фактор» рассматривает определенные характеристики слова-стимула, в то время как «прагматический» – влияние личности самого испытуемого: его информативная база, вербальный и невербальный опыт, особенности памяти и мышления, уровень языковой компетенции» [САНРЯ 1977: 7], «культурно-исторические традиции» [Башиева, Геляева, Мокаева 2020: 8], которые в совокупности «детерминируют особенности формирования лингвокогнитивного и прагматического уровней» в структуре языковой личности, а также присущее ей «собственное видение и восприятие мира» [Башиева, Дохова, Шогенова 2013: 90].

В исследовании приняли участие 100 носителей кабардино-черкесского языка (представители разных социальных слоев населения). Возраст респондентов варьируется от 17 до 49 лет.

Ассоциативный эксперимент был проведен в ноябре 2020 года. Для проведения данного эксперимента нами была составлена анкета, в которой испытуемые должны были указать свой возраст, пол и образование. Им было предложено, не задумываясь, записать первые пришедшие в голову, слова-реакции на стимулы *фIы* «добро», *Iей* «зло». В результате эксперимента нами были получены 100 реакций на слово-стимул **фIы**: *цIыхуфI* «хороший человек» (9), *хуабэ/дыгъэ* «тепло/солнце» (8), *гуэпагъэ* «любезность» (8), *Iей* «зло/злой» (8), *фIы цIэн* «делать добро» (7), *дэIэпыкъуогъу/дэIэпыкъун* «помощь/помогать» (7), *дахэ* «красота/красивый» (6), *гуфIэгъуэ* «радость/радостное событие» (6), *анэ/адэ* «мать/отец» (5), *унагъуэ* «семья» (4), *сэбэн* «польза» (4), *фо* «мед» (3), *фIыдыдэ/фIыгъуэ* «очень хороший/благо» (3), *хьэл-цэн* «воспитание» (3), *цIыхугъэ* «человечность» (2), *псапэ* «благое дело» (2), *узыншагъэ* «здоровье» (2) и далее по одной реакции: *тхъу* «масло», *ныбжсьэгъу* «друг», *угъурльы* «счастливый», *IэфI* «сладкий/вкусный», *аишхэ куэд* «много денег», *гъуэгъу* «дорога», *тэмакъIыхь* «спокойный/уравновешенный», *цIыху щабэ* «мягкий человек», *бжъэ* «пчела», *гъэсэнэгъэ* «воспитанность», *пэжъ/пэжагъ* «правдивость/правда», *Iэбыдэльэбыдэ* «крепкий», *къохъульэн* «повезти».

Мы считаем, что эти ассоциативные реакции не случайны, так как они отражены в семантическом поле концепта «*фIы*» в кабардино-черкесском языке. Рассмотрим вкратце ассоциаты.

В адыгском этикете эталоном совершенства является воспитанный, благородный человек, тот, кто соблюдает свод *Адыгэ хабзэ*, который интегрирует «в себе комплекс важных, ценностно ориентированных компонентов общечеловеческих и национальных традиций» [Башиева, Геляева, Мокаева 2020: 8]. Услышав о человеке такую характеристику, как «**Ар цIыхуфIщ!**» (Он хороший человек!) или «**Сыту цIыхуфI!**» (Какой хороший человек!), реципиент интуитивно понимает, что речь идет о честном, порядочном, отзывчивом человеке, который всегда может прийти на помощь, поэтому он всегда вызывает чувство доверия. О хорошем человеке адыги говорят: «**ЦIыху дыщэ**», «**ЦIыху нэгъэса (Сэ срогуфIэ фэ цIыху нэгъэса физэрфхъум, фи нэмыс, фи щIыхь зэрывгъэпэжыфым** (гу., №

5, 59, н.86) – *Я радуюсь тому, что вы стали настоящими людьми, свою честь и славу оправдываете).*

Не случайно и то, что стимул **фІы** вызвал такую ассоциацию, как *дыгъэ (солнце)/хуабэ (тепло/теплый)*. Солнце – это астрономический объект, который является основным источником энергии как для самой Земли, так и для всех ее обитателей. Многие народы в древности обожествляли Солнце и поклонялись ему. В адыгской мифологии солнце олицетворяет тепло, жизнь, поэтому светлый человек подобен солнцу: «**Дыгъэ бзий зи нэІу (нэгу)**» – *Чей лик подобен сиянию солнца*. Хорошего человека адыги ассоциируют с солнечным сиянием: «**Дыгъэ нур**», «**Дыгъэ нур хуэдэщ**».

Следующий ассоциат – слово *гуапэ*, состоит из сем: *гу* «сердце» и *нэ* «передняя часть» (букв.: *гум* и *нэ* – передняя часть сердца), используется в значении «открытое сердце». Соответственно такие действия, как *гуапэ щІэн* «обрадовать кого-либо, сделать кому-то приятное», ожидаемы от хорошего, доброго человека, поэтому при встрече с таким человеком адыги часто используют фразу «**Уэлэхьы, хуабжьу ди гуапэ фщІам...**» – «*Очень вы нас обрадовали*».

Семь участников эксперимента ассоциируют понятие «**фІы**» со словом «*Іей*» «зло». И это не случайно, ведь «национальная языковая картина мира состоит из системы мышления и творчества, из приобретений и факторов, которые формируют восприятие мира, из этических идеалов, эстетических взглядов и вкусов» [Литвиненко 2015: 27].

Понятия «добро»/«зло» тесно связаны друг с другом, бинарные оппозиции добро – зло, хорошее – плохое, тьма – свет являются неким этнокодом адыгов. Биполярность «*фІы*»/«*Іей*» отображена и в пословицах: «**Іей пщІауэ фІы ущымыгугъ**». – «*Сделав зло, не рассчитывай на добро*»; «**ІейкІи фІыкІи**». – «*Ни хорошее, ни плохое/ни за, ни против*»; «**Уи Іей щІэпхьумэу уифІ умыгъэхьэкъуэ**». – «*Скрывая своё плохое, не теряй и своего хорошего*»; «**Іей мэхьу, нэхьыфІи мэхьуж**» – «*Бывает плохо, а потом и хорошо*»; «**Іейри фІыри зэрыхьу**» – «*И плохое, и хорошее в одну кучу*».

Одним из постулатов адыгского этикета является оказание помощи (*дэІэпыкъуэгъуэ*), совершение добрых поступков (*фІы щІэн*). Адыги говорят: **«Адыгъагъэр цІыхугъэщ, гущІэгъуш, хъэтырщ»** (Адыгский этикет – это честность, милосердие, уважение). Считается, что сделанное добро обязательно вернется добром: **«ФІы пщІамэ, фІы ухуэзэжынщ»**. – *«Как аукнется, так и откликнется»*. Однако следует совершать добрые поступки, не ожидая благодарности: **«ФІы щІэи псым хэдзэ»**. – *«Сделай добро и брось в воду»*, поэтому с детства приучают ненавязчиво помогать людям, находящимся в тяжелом положении. Слово **фІы** «добро» ассоциируется с пользой, благим делом *«дэІэпыкъуэгъуэ»*. Некоторые испытуемые ассоциируют понятие *«фІы»* со словом *сэбэп* или выражением *сэбэп хуэхъун* «быть полезным, приносить какую-то пользу», то есть делать добро.

Совершая добрые, полезные деяния, адыги как бы «зарабатывают» Божью благодать, **«псапэ щІэн»**, **«псапэ къэхьын»**. **«Хъуэжэ, уи шыдыр къызэптрэ мэз сыбгъэкІуатэмэ, псапэ къыпхуэкІуэнт (Хъу.т., н.45)»** – *«Хожэ, если бы ты дал мне своего ишака съездить в лес, бог бы зачел тебе это доброе дело»*.

С красотой ассоциируется также и доброе, положительное. В слово *дахэ* участники эксперимента вкладывают свой смысл: для одних – это красота природы, для других – человек с красивой душой, добрые, правильные человеческие поступки, для третьих – красивый лик человека (в частности образ красивой девушки): **«Дахэм и щІагъ фо щІэльщ»** – *«Под лаской мед лежит»* (букв.: *под красотой мед лежит*); **«Дахэм къымыхь Іейм къыхьыркъым»** – *«Чего не добился по-хорошему, по-плохому не добьешься»*; **«Дахэр зэмызэгъым ІейкІэ бгъэдохъэ»** – *«Кто добра не поймет, того зло проймает»*; **«Дахагъэм дагъуищэ егъэпщкІу»** – *«Красота сто изъянов спрячет (покроет)»*.

В основе следующего ассоциата (*«гуфІэгъуэ»* – радость, радостное событие) так же, как и в словах *гузэвэгъуэ* «горе», *гуІэгъуэ* «беда», лежит сомоним *гу* «сердце», из чего следует, что сердце транслирует чувство радости и горя: **«ГуфІэгъуэрэ гуІэгъуэрэ зэрощІэ»** – *«Не узнав горя, не узнаешь и радости»* (досл. радость и горе знают друг друга). Адыги, благословляя или благодаря кого-

то, говорят: «**Фи гуфІэгъуэр кІыхь ухъу**» – «*Да будет нескончаемой ваша радость*». Состояние счастья и радости выражается в следующей ФЕ: «**ГуфІэгъуэ кЫлысын**» – «*На седьмом небе*» (досл. достаться счастьем).

В адыгской культуре главной ценностью считалась и продолжает считаться «семья» (*унагъуэ*). Основой ассоциата унагъуэ является лексема *унэ* – дом. Дом выступает в качестве некоего святилища для адыгов, поэтому к нему относятся шепетильно. По их мнению, не имеющий семьи человек, не имеет и дома: «**Унагъуэ искъым**»; «**Унагъуэ иІэркъым**». Этнографы не раз писали о семейной иерархии адыгов. Главой семьи является отец «*адэ*». Именно он регулирует каждодневные хозяйственные вопросы. Авторитет отца был всегда значим и неоспорим. Считалось недопустимым послушаться отеческого слова: «**Уи адэ гъуэгужь жыжьэщ жыпІэу умыбгынэ**». – «*Не пренебрегай старой дорогой отца из-за ее дальности (досл. не отказывайся от старых добрых традиций из-за того, что их трудно поддерживать)*». Среди адыгов бытует мнение, что у невоспитанного человека непутевые родители: «**Адэ мыгъэущІ, анэ мыуций**». – «*Отцом не наставленный, матерью не воспитанный*». Мать издревле считалась хранительницей семейного очага. Не случайно понятие *фІы* у многих репрезентантов ассоциируется именно со словом *анэ* «мама». Мать дает жизнь, ухаживает за своим ребенком, одаривая его любовью и лаской. Материнское молоко – источник жизни младенца: «**Дыгъэ нэпс нэхьрэ анэ бгъафэ**» – «*Лучше материнская грудь, чем сияние солнца*»; «**Анэ бгъафэрэ хъурыфэ джэдыгурэ**» – «*Материнская грудь – что шуба из овчин*»; «**Анэ быдзышэм щІакхъуэри кхъуери хэлыщ**» – «*В материнском молоке – и хлеб, и сыр*». Потерявший свою мать ребенок считается сиротой: «**Анэ иІэмэ, сабийр ибэкъым**» – «*Жива мать – ребенок не сирота*». Так как мать занимается воспитанием детей, особенно дочерей, и именно мать прививает основные ценности, адыги советуют взглянуть на мать невесты, прежде чем жениться на девушке: «**И анэ еплъи ипхъу къашэ**» – «*Смотри на мать – женись на дочери*»; «**Анэ и гъуапэр пхъум и джанэщ**» – «*Рукава матери – рубаха для дочери*».

По нашему мнению, реакция *фо* «мёд» у некоторых испытуемых ассоциируется со словом-стимулом **фІы** «добро», либо из-за их звукового сходства, либо

в картине мира современной молодежи добро ассоциируется со сладким вкусом, то есть с ощущением радости и счастья, которые появляются у человека после употребления сладких продуктов. Медики утверждают, что после сладкого лакомства в гипофизе человека вырабатывается гормон счастья «эндорфин». Возможно, в связи с этим в числе реакций присутствует ассоциат *ІэфІ* «сладкий, сладость», поэтому говорят: «**Фо хуэдэу ІэфІщ**» – «Сладко, как мёд»; «**Фор ІэфІ дьдэщ – зыфІэмыфІым ишхыркъым**» – «Мёд очень сладок, но кому не по нутру, тот его не ест». Продолжив дальнейшую логическую цепочку, можно объяснить ассоциацию *бжьэ* «пчела». «ФІы» = «фо» = «бжьэ»: «**Бжьэ зыдесым фодешІэ**» – «Где пчела живет, там и мёд кладёт».

Некоторые испытуемые представили слово стимул **фІы** как однокоренное слово *фІыдыдэ* – «очень хорошее, очень доброе», то есть то же добро, но с усиленным смысловым контекстом, поэтому мы считаем, что в подсознании респондентов *фІы* ассоциируется не просто с нечто хорошим и добрым, а с добром как благом: «**Сэ ар фІыдыдэу сольагъу**» – «Я её очень сильно люблю» (досл. *очень хорошо вижу*). Нередко, высказывая похвалу в чей-то адрес, адыги говорят: «**Сыту фІыдыдэу пщІа!**» – «Как ты очень хорошо поступил!».

Следующая реакция *фІыгъуэ* «благо», «добро» также имеет единый корень со словом-стимулом «*фІы*»: «**Ар зэрысщІэн фІыгъуэ щыІэркъым**» – «Ни за какие блага я этого не сделаю».

Так как ассоциативный эксперимент был проведен нами в декабре 2020 года, испытуемые дали реакцию *узыншагъэ* на стимул *фІы*, в связи с высокой степенью актуализации здоровья, ассоциируемого с благом. Следует отметить, что адыги испокон веков ценили физическое здоровье. Прощаясь, они всегда благословляют и желают здоровья: «**Узыншэу ущыт**» – «Будь здоров; всех благ». Обладание крепким здоровьем приравнивается к владению счастьем: «**Узыншагъэ уиІэмэ, нэсып уиІэщ**» – «Если ты здоров, то ты счастлив».

Некоторые испытуемые ассоциируют добро с другом «*ныбжьээгъу*». И это не случайно. Ведь порой друзья бывают гораздо ближе друг к другу, чем родственники. В кабардино-черкесском языке старого друга сравнивают со старин-

ным серебром: **«Ныбжьэгъужьрэ дыжьыныжьрэ пщэжарэ»** – «*Старый друг – что добротное серебро*»; с конем: **«Шыфыр ныбжьэгъуфым хуэдэщ»** – «*Добрый конь – что добрый друг*». Об этом свидетельствует и то, что в Нартском эпосе конь – это преданный друг, который оберегает и понимает своего хозяина. Следует отметить также то, что в кабардино-черкесской языковой картине мира дружеские отношения несоизмеримы с материальными благами: **«Къуажэ ив нэхьрэ къуажэ илI ныбжьэгъу»** – «*Чем иметь всех волов села, лучше иметь другом мужчину, которого почитает все село*»; **«Мыльку куэд нэхьрэ ныбжьэгъу куэд»** – «*Лучше много друзей, чем много богатства*». Только один участник эксперимента представил слово-стимул **«фы»** в виде реакции **ахьшэ куэд** «большая сумма денег». Примечательно то, что в кабардино-черкесском языке пословиц, поговорок и фразеологизмов с положительной коннотацией лексемы **ахьшэ** немного: **«Ахьшэ уиIэмэ, бохьшэ бгъуэтынщ»** – «*Будут деньги – кошелек найдется*»; **«Ахьшэ IэщIэлын»** – «*Быть при деньгах*». В кабардино-черкесской языковой картине мира деньги – это то, что быстро приходит и уходит: **«Ахьшэр бзум хуэдэщ: кыбжьэхольатэ, IольэтыкIыж»** – «*Деньги – что порхающая птичка: то подлетят, то улетят*»; **«Ахьшэр псым хуэдэщ»** – «*Деньги – что вода*». Адыги считают, что деньги имеют отрицательную энергетiku: **«Ахьшэ делэ»** – «*Дурные деньги*»; **«Ахьшэ мыкIуэу кыIэщIэнащ»** – «*Застряло в руках, словно фальшивые (старые) деньги*».

Некоторые участники эксперимента считают, что добро – это умение придерживаться свой язык (ассоциат **тэмакъ кIэхь** – досл. с длинным горлом). О человеке, не способном сдерживать свои эмоции, адыги говорят **тэмакъ кIэщI** (досл. с коротким горлом). Получается, что переживаемая человеком эмоция проходит по длинному пути в гортани и лишь сдержанный человек или человек с «длинным горлом» способен проявить выдержку, сдержав свой гнев, тем самым не причиняя моральное зло окружающим.

В списке представленных испытуемыми реакций можно отметить и следующие ассоциаты:

1) **цIыху щабэ** «мягкий человек». Слово **щабэ** очень часто используется адыгами в речи для описания ласкового человека: **«Iэ щабэ»** – досл. мягкая рука;

«**Іэ шабэкІэ теІэбэн**» (досл. *трогать кого-либо мягкой рукой*); «**Щабэрэ гуапэу и щхьэфэм Іэ кьыдилъэу шытащ (Къ.Хь.,Ль. б., н.7)**» – «*Мягко да приятно он поглаживал его по головке*» ;

2) **пэж/пэжагъ** «честный». Данная ассоциация отражена и в паремиях: «**Пэжыр дыщэм нэхьрэ нэхь льапІэщ**» – «*Правда дороже золота*»; «**Пэжыр зи гьуазэм насыпыр и гьуэгущ**» – «*Кто живет правдой, тот пройдет дорогой счастья*»;

3) **угьурлы/къохульэн** «удача», «везение». Поздравляя с обновкой, адыги желают: «**Угьурлы ухьу**» – «*Да будет на счастье*». Восхищаясь чьими-то успехами, они говорят: «**Сыту ехьульа**» – «*Как же повезло*».

Все полученные реакции на стимул **фІы** были упорядочены по частотности для формирования ассоциативного поля, которое мы подвергли полевой стратификации. При построении полевой модели мы выделили ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии ассоциативного поля «**фІы**».

В ядро входит ассоциат **цІыхуфІ**, что составляет 9,0 % от общего числа полученных реакций.

Ближняя периферия (55,0 %) объединяет такие реакции как **хуабэ/дыгьэ** (8), **гуэпагьэ** (8), **Іей** (8), **фІы цІэн** (7), **дэІэпыкъуогьу/дэІэпыкъун** (7), **дахэ** (6), **гуфІэгьуэ** (6), **анэ/адэ** (5).

В дальнюю периферию (23,0 %) вошли ассоциации **унагьуэ** (4), **сэбэн** (4), **фо** (3), **фІыдыдэ/фІыгьуэ** (3), **хьэл-щэн** (3), **цІыхугьэ** (2), **псапэ** (2), **узыншагьэ** (2).

Крайнюю периферию (13,0 %) составляют реакции **тхьу** «масло», **ныбжьэгьу** «друг», **угьурлы** «счастливый», **Іэф** «сладкий/вкусный», **ашхэ куэд** «много денег», **гьуэгу** «дорога», **тэмэкькІэхь** «спокойный/уравновешенный», **цІы-ху шабэ** «мягкий человек», **бжьэ** «пчела», **гьэсэнгьэ** «воспитанность», **пэжь/пэжагъ** «правдивость/правда», **Іэбыдэльэбыдэ** «крепкий», **къохульэн** «повести».

Для выявления оценочных когнитивных признаков концептов «*good*» (добро) в языковом сознании англичан, как было указано во вводной части диссертации, мы обратились к крупномасштабному научному проекту «*Small world of project*», основной целью которого является создание «*mental dictionary*» (ментального словаря) на

базе основных языков мира. Испытуемыми были носители английского языка, количество, пол, возраст и социальный статус которых, нам не известен. Они записали первую, пришедшую на ум реакцию при прочтении слова-стимула «good»/«bad». Так, в ходе эксперимента были получены 100 реакций на слово стимул «good»: *bad* – плохой/плохо (20); *great* – отличный/прекрасный (5); *well* – хорошо (5); *kind* – добрый (5); *nice* – хороший (4); *tasty* – вкусный (4); *ugly* – уродливый (4); *food* – еда/пища (3); *better* – лучше (3); *fair* – честный/справедливый (3); *positive* – позитивный (2); *fine* – хорошо/отлично/прекрасный (2); *God* – Бог (2); *boy* – мальчик (2); *dog* – собака (2); *healthy* – здоровый (2); *day* – день (2); *beneficial* – выгодный/благодетельный (2); *time* – время (2); *enough* – достаточно (2); *happy* – счастливый (2); *evil* – зло (2); *obedient* – послушный (2); *deed* – поступок/деяние (2); *pleasant* – приятный (1); *correct* – правильный (1); *helpful* – помогающий (1); *luck* – удача (1); *manners* – манеры (1); *moral* – моральный/нравственный (1); *opposite of bad* – противоположное злу (1); *night* – ночь (1); *sweet* – конфета/сладкий (1); *delicious* – вкусный (1); *wife* – жена (1); *angel* – ангел (1); *smile* – улыбка (1); *benevolent* – доброжелательный/благосклонный (1); *best* – самый лучший (1); *approved* – одобренный/принятый (1) [www.smallworldofwords.org].

Интересным на наш взгляд также является то, что большее количество реакций (22) описывает противоположное значение слова «good» (*bad, ugly, evil*), некоторые реакции являются частью словосочетаний, в состав которых входит слово «good» (*good manners* – хорошие манеры, *good wife* – хорошая жена, *good night* – доброй ночи и т.д.), 9 реакций описывают вкус пищи (*tasty, sweet, delicious*), 3 реакции ассоциируются с Богом и ангелами (*God, angel*), 4 реакции описывают превосходную и сравнительную степень слова «good» (*better, best*).

На рисунке 1 представлена «пузырьковая» визуализация слов реакций на слово стимул «good».

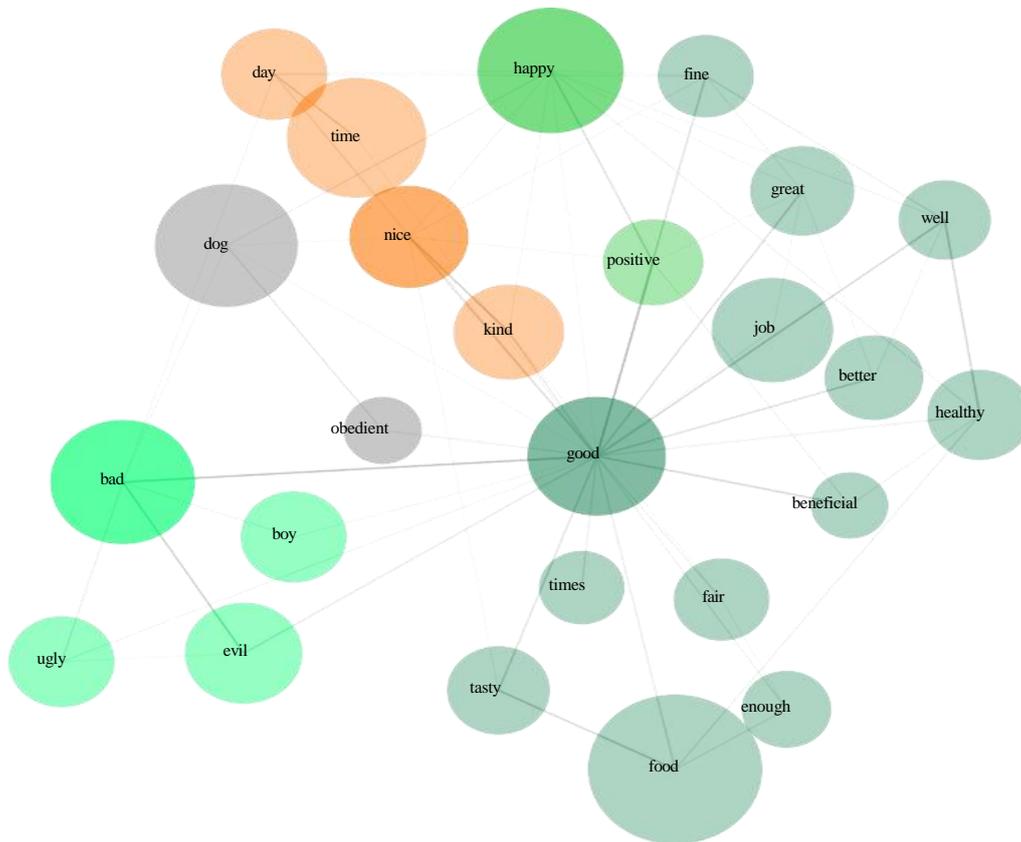

Рисунок 1 - «Пузырьковая» визуализация слов реакций на слово стимул «*good*»
[Источник www.smallworldofwords.org]

В ходе построения полевой модели мы выделили ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии ассоциативного поля «*good*».

Ядро этого стимула составляет 20,0 % и представлено единственной реакцией *bad*.

В ближнюю периферию (27,0 %) вошли реакции *great* (5); *well* (5); *kind* (5); *nice* (4); *tasty* (4); *ugly* (4).

Дальняя периферия (37,0 %) объединяет реакции: *food* (3); *better* (3); *fair* (3); *positive* (2); *fine* (2); *God* (2); *boy* (2); *dog* (2); *healthy* (2); *day* (2); *beneficial* (2); *time* (2); *enough* (2); *happy* (2); *evil* (2); *obedient* (2); *deed* (2).

Крайняя периферия (16,0 %) представлена следующими ассоциациями: *pleasant* (1); *correct* (1); *helpful* (1); *luck* (1); *manners* (1); *moral* (1); *opposite of bad* (1); *night* (1); *sweet* (1); *delicious* (1); *wife* (1); *angel* (1); *smile* (1); *benevolent* (1); *best* (1); *approved* (1).

При сравнении ассоциативных полей *фы*, *good* были сделаны следующие выводы:

1) ядро ассоциативного поля «*фIы*» составило 9,0 %, по сравнению с ядром *good* (20,0 %) оно выражено неярко, что свидетельствует, по нашему мнению, о том, что *фIы* не имеет стереотипного содержания в сознании современных носителей кабардинского языка. Все смысловое наполнение данного понятия «разлито» по периферии ассоциативного поля (АП), в то время как ядро АП *good* представлено реакцией *bad*, являющейся одним из компонентов бинарной оппозиции «добро–зло», что подтверждает стереотипность содержания ядра данного стимула. Важно отметить, что в ассоциативном поле *фIы* также присутствует ассоциат *Iей*, репрезентирующий противоположное значение, но он входит в состав ближней периферии, это говорит о том, что данная ассоциация не так актуальна для современных носителей кабардино-черкесского языка;

2) ближняя периферия АП *фIы* составляет 55,0 %, тогда как ближняя периферия АП – *good* 27,0 %. Реакции ассоциативного поля *фIы* имеют разную частеречную принадлежность и репрезентируют тепло (*хуабэ, дыгъэ*), радушие (*гуэнагъ*), добрые поступки и помощь (*фIы щIэн, дэIэныкъогъуэ/дэIэныкъун*), радость (*гуфIэгъуэ*), тогда как реакции ассоциативного поля *good* являются прилагательными с положительной коннотацией (*great, well, kind, nice, tasty*). Интересным на наш взгляд является тот факт, что в ближнюю периферию ассоциативного поля *фIы* вошел ассоциат *дахэ* (красивый), в то время как в АП *good* это ассоциат – *ugly* (уродливый);

3) дальняя периферия ассоциативного поля *фIы* составила 23,0 %, АП *good* – 37,0 %. В ассоциативных полях *фIы, good* присутствуют реакции *узыншагъэ/healthy* (здоровье), что говорит о том, что в сознании носителей кабардино-черкесского и английского языков заложено сходное представление о том, что добро – это крепкое здоровье.

Для выявления этноспецифики понятий *фIы, good* был использован метод когнитивной интерпретации, при реализации которого «ассоциативные реакции обобщаются и интерпретируются как вербализация, овнешнение когнитивных признаков соответствующих концептов» [Стернин 2021: 114].

признаки

Кабардино-черкесский язык

Английский язык

Действия, приносящие пользу другим	<i>фIы щIэн</i> «делать добро», <i>дэIэпыкъогъуэ/дэIэпыкIун</i> «по- мощь/помогать», <i>сэбэн</i> «поль- за», <i>псапэ</i> «благое дело» (всего 20 реакций)	<i>helpful</i> помогающий (всего 1 реакция)
Положительные, морально- нравственные качества человека	<i>гуэпагъэ</i> «любезность», <i>хьэл- щэн</i> «воспитание», <i>цIыхугъэ</i> «человечность», <i>тэмэкъкIэхь</i> «спокойный/уравновешенный», <i>цIыху щабэ</i> «мягкий человек», <i>гъэсэнэгъэ</i> «воспитанность», <i>пэжсь/пэжагъ</i> «правди- вость/правда» (17 реакций)	<i>kind</i> «добрый»; <i>nice</i> «хоро- ший», <i>moral</i> «моральный, нравственный», <i>benevolent</i> «доброжелательный, благо- склонный», <i>fair</i> честный, справедливый, <i>obedient</i> «по- слухный», <i>pleasant</i> «прият- ный», <i>correct</i> «правильный», <i>manners</i> «манеры», <i>deed</i> «по- ступок/деяние» (21 реакция)
Морально- нравственное восприятие человека	<i>фIыдыдэ/фIыгъуэ</i> «очень хоро- ший/благо», <i>Iей</i> «зло/злой» (11 реакций)	<i>bad</i> «плохой/плохо», <i>evil</i> «зло», <i>opposite of bad</i> «про- тивоположное злу», <i>best</i> «самый лучший», <i>great</i> «от- личный, прекрасный», <i>well</i> «хорошо», <i>better</i> «лучше», <i>positive</i> «позитивный», <i>fine</i> «хорошо, отлично, прекрас- ный», <i>happy</i> «счастливый» <i>beneficial</i> «выгод- ный/благотворный», <i>enough</i> «достаточно», <i>approved</i>

			«одобренный/принятый» (48 реакций)
Семья	<i>анэ/адэ</i> «мать/отец», <i>унагъуэ</i> «семья» (9 реакций),	<i>boy</i> «мальчик», <i>wife</i> «жена» (2 реакции)	
Состояние удачи, везения, счастья	<i>угъурлы</i> «счастливый», <i>къохъульэн</i> «повезти», <i>гуфIэгъуэ</i> «радость/радостное событие» (7 реакций)	<i>luck</i> «удача» (1 реакция)	
Сенсорное восприятие человека	<i>хуабэ/дыгъэ</i> «тепло/солнце» (8 реакций)	—	
Эстетическое восприятие человека	<i>дахэ</i> «красота/красивый» (6 реакций)	<i>ugly</i> «уродливый» (4 реакции)	
Вкусовые восприятия человека	<i>фо</i> «мед», <i>Iэф</i> «сладкий/вкусный», <i>тхъу</i> «масло» (5 реакций)	<i>tasty</i> «вкусный», <i>food</i> «еда/пища», <i>sweet</i> «конфета, сладкий» <i>delicious</i> «вкусный» (9 реакций)	
Физическое состояние человека	<i>узыншагъэ</i> «здоровье», <i>абыдэльэбыдэ</i> «крепкий» (3 реакции)	<i>healthy</i> «здоровый», <i>smile</i> «улыбка» (3 реакции)	
Дружба	<i>ныбжьэгъу</i> «друг» (1 реакция)	—	
Богатство	<i>ахъиэ куэд</i> «много денег» (1 реакция).	—	
Религиозные атрибуты	-	<i>God</i> «Бог», <i>angel</i> «ангел» (3 реакции)	
Животные	-	<i>dog</i> «собака» (2 реакции)	
Время	-	<i>day</i> «день», <i>time</i> «время», <i>night</i> «ночь» (всего 5 реакций)	

Таким образом, сравнительный анализ когнитивных признаков ассоциативных полей *фIы, good* позволяет нам говорить о том, что реакции ассоциативного поля «фIы» (*фIы щIэн* «делать добро», *дэIэныкъогуэ/дэIэныкIун* «помощь/помогать», *сэбэн* «польза», *псапэ* «доброе дело», *гуэпагыэ* «любезность», *хьэл-щэн* «воспитание», *цIыхугъэ* «человечность», *тэмэкъкIэхь* «спокойный/уравновешенный», *цIыху щабэ* «мягкий человек», *гъэсэнугъэ* «воспитанность», *пэжь/пэжагы* «правдивость/правда»), входящие в когнитивный признак «действия, приносящие пользу другим», «положительные, морально-нравственные качества человека» являются уникальными и имеют этноспецифическую детерминированность.

Сопоставление когнитивных признаков ассоциативных полей *фIы, good* позволяют сделать вывод о том, что в сознании адыгов и англичан имеются некоторые общие ассоциативные маркеры: так, у носителей обоих языков «добро» – это *помощь*, бинарная оппозиция *зло, нечто сладкое, здоровье, удача/везение*. Различие реакций ассоциативных полей «фIы», «good» подтверждает то, что языковое сознание и языковая картина мира любого этноса отображает исторические, религиозные, культурные традиции любого этноса. Таким образом, наше исследование «вскрывает» образ, стоящий за стимулами «фIы»/«good» (добро), тем самым передавая уникальность картины мира кабардино-черкесской и английской языковых культур.

Выводы

1. В кабардино-черкесском языке, согласно словарным толкованиям, понятие «добро» представлено лексемой *фIы*, имеющей значения «*хьарзынэ*» (хороший, славный, замечательный), «*Iеягы зыхэмыль*» (в ком/чем нет зла), «*мыльку*» (материальные блага), «*фIы дьдэ*» (очень хороший, отменный, замечательный), «*щытхьу*»/«*псалъэ гуапэ*» (похвала, благодарность, благопожелание), «*лъагъуныгыэ*» (любовь, объект любви), «*IыхьэфI*» (хорошая доля), «*IуэхуфI*»

(доброе дело), «и сэбэпкIэ» (благодаря), «дэгъуэу» (очень хорошо, славно), «ныбжьэгъу» (друг), в английском языке понятие *good*, которое имеет следующие словарные толкования: 1) «*goodness*» (доброта, благо); 2) «*virtue/charity*» (добродетель, милосердие); 3) «*property*» (собственность, имущество); 4) «*something good or positive*» (нечто хорошее, позитивное); 5) «*benefit*» (польза, выгода).

2. Содержание концептов «*фIы*» в кабардино-черкесском, «*good*» в английском языках представлено следующими когнитивными признаками: 1) деяния человека, направленные на добро, добрые поступки; 2) добро как положительные морально-нравственные качества человека, которые объективированы в семантических репрезентантах *толерантность, справедливость, этичность, скромность, кротость, мужество, дружба, любовь, трудолюбие*.

3. Несмотря на универсальный характер концептов «*фIы*»/«*good*» проанализированный и обработанный фразеологический и паремиологический материал позволил выделить универсальные (общие) и уникальные (специфические) маркеры когнитивных признаков концептов «*фIы*»/«*good*» (*добро*) в кабардино-черкесском и английском языках.

4. Универсальными (общими) являются следующие когнитивные признаки концепта «*фIы*»/«*good*» (*добро*) в кабардино-черкесской и английской ЯКМ: «деяния человека, направленные на добро, добрые поступки», такие как *толерантность; справедливость*; «добро как положительные морально-нравственные качества человека», такие как *мужество, дружба, любовь*, то есть это общепринятые догмы, не определяющие отношения к той или иной культуре.

5. Специфичными (уникальными) маркерами данного концепта являются когнитивные признаки концепта «*фIы*» кабардино-черкесского языка, репрезентирующие этичность, куда вошли такие понятия как *уважительное отношение к старшим, гостеприимство; скромность, кротость, трудолюбие*, то есть те маркеры, определяющие этноспецифические ценности адыгов, сводящиеся к нормам поведения адыгской культуры, то есть к кодексу чести – «*Адыгэ хабзэ*».

6. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент среди носителей кабардино-черкесского языка, а также проанализированные данные ассоциатив-

ного эксперимента среди носителей английского языка со словами-стимулами «*фIы*»/«*good*», представленные на сайте международного исследовательского ассоциативного проекта «*Small World of Words*», позволили выявить этноспецифические ассоциации понятий *фIы*, *good* (добро) в языковом сознании современных кабардинцев и англичан. На основе полученных ассоциативных реакций были построены полевые модели и выделены ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии ассоциативных полей «*фIы*», «*good*». Эти реакции объединяются следующими когнитивными признаками: действия, приносящие пользу другим, положительные, морально-нравственные качества человека, морально-нравственное восприятие человека, семья, состояние удачи, везения, счастья, сенсорные, эстетические и вкусовые восприятия человека, физическое состояние человека, дружба, богатство, религиозные атрибуты, животные, время, где этноспецифическими являются реакции АП *фIы*, репрезентированные в когнитивных признаках «действия, приносящие пользу другим», «морально-нравственные качества человека», как *фIы щIэн* «делать добро», *дэIэныкъогъуэ/дэIэныкIун* «помощь/помогать», *сэбэп* «польза», *псапэ* «благое дело», *гуэпагъэ* «любезность», *хьэл-щэн* «воспитание», *цIыхугъэ* «человечность», *тэмэкъкIэхь* «спокойный/уравновешенный», *цIыху щабэ* «мягкий человек», *гъэсэнэгъэ* «воспитанность», *пэжь/пэжагъ* «правдивость/правда», зафиксированные в сознании современных носителей кабардино-черкесского языка.

7. Сопоставление ассоциативного поля «*фIы*» с данными свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей английского языка и опубликованными на сайте «*Small World of Words*» выявило некоторые общие ассоциативные маркеры, в частности такие, как добро – это зло, помощь, удача/везение, что-то вкусное/сладкое, здоровье. Различие ассоциаций носителей кабардино-черкесского и английского языков подтверждает тот факт, что языковое сознание и языковая картина мира любого этноса отображает исторические, религиозные, культурные традиции.

Глава III

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «IEЙ»/«EVIL» (ЗЛО)
В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ3.1. Понятийные составляющие концептов «Iей», «evil» (зло)
по данным словарей кабардино-черкесского и английского языков

Прежде чем приступить к анализу фактического материала, рассмотрим значения слов «Iей», «evil» предлагаемые в различных словарях.

Таблица 2 – Лексико-семантический комплекс значений лексем Iей/evil

Словари	Толкование
Кабардино-черкесско-русский словарь	1) плохой, плохонький 2) Iейгъ (нечто скверное, плохое)
Толковый русско-кабардино-черкесский словарь	1) плохой, гадкий 2) Iейгъ (нечто скверное, плохое)
Словарь кабардино-черкесского языка	1) мыхъумыщIэ (то, что нельзя делать) 2) мыщIагъуэ (что-то нехорошее) 3) къемызэгъ (то, что не подходит) 4) фейцей (что-то убогое)
American Heritage Dictionary of the English Language	1) the quality of being morally bad or wrong; wickedness. 2) that which causes harm, misfortune, or destruction: a leaders power to do both good and evil. 3) an evil force, power, or personification 4) smth that is a cause or source of suffering, injury, or poverty destruction: the social evils of and injustice
Cambridge International Dictionary of English	1) smth that is very bad and harmful
Encarta World English Dictionary	1) wickedness: the quality of being profoundly immoral or wrong; 2) force causing harmful effects: the force believed to bring about harmful, painful, or unpleasant events a struggle between good and evil; 3) smth evil: a situation or thing that is very unpleasant , harmful, or morally wrong the social evil of alcoholism
Толковый словарь английского языка Oxford	1) wickedness; 2) something unpleasant or harmful.
Cambridge International Dictionary of English	1) a power that makes people to do bad things; 2) smth that is very bad: the social evil
Англо-русский оксфордский словарь	1) зло, вред; 2) бедствие, несчастье; 3) грех, порок; 4) (устар.) болезнь; 5) порок, грех, изъян, недостаток

В кабардино-черкесском языке лексема *Iey* имеет значения «*леягъ*» (плохой), *мышъумыщIэ* (то, что нельзя делать), «*мышъумыщIэ гуэр*» (нечто злое, плохое), *мышIагъуэ* (что-то нехорошее), *къемызэгъ* (то, что не подходит), *фейцей* (что-то убогое) [Апажев, Коков, 2008; Табухов, 2005; Словарь кабардино-черкесского языка, 1999]; в английском языке концепт *evil* (*зло*) имеет следующие значения: «безнравственность» (“*wickedness*”), «нечто плохое/плохо» (“*something bad*”), «беда, несчастье» (“*misfortune*”) [American Heritage Dictionary of the English Language, 2006; Encarta World English Dictionary, 2001; Cambridge International Dictionary of English, 2001; Толковый словарь английского языка Oxford, 2008; Англо-русский словарь, 1988].

Рассмотрим особенности репрезентации концепта «зло» в кабардино-черкесском и английском языках.

3.2. Объективация концептов «Iey», «evil» (зло) в кабардино-черкесских и английских фразеологических, паремиологических единицах

В ходе исследования были соотнесены результаты лексико-семантического исследования с языковым материалом, извлеченным из различных источников. Как в кабардино-черкесском, так и в английском языке семантическое поле концепта гораздо шире и имеет духовную и морально-нравственную составляющую. В результате анализа были выделены когнитивные признаки: **1.** Деяния человека, направленные на причинение морального или физического вреда, злодеяние. **2.** Зло как отрицательные, морально-нравственные качества человека.

В концепт «**Iey**» так же, как и в концепт «**фIы**», в кабардино-черкесской языковой картине мира входят составляющие, которые позволяют рассматривать его как этнокультурную парадигму. В своем исследовании Ван Тяньцзяо позиционирует концепты «добро» и «зло» как некие инварианты, возникающие в коллективном языковом сознании носителей языка, «отражающие определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления» [Ван

Тяньцзяо 2021: 7]. Человек находится в постоянном выборе между добром и злом. Если проигрывает добро, то человек становится на тропу зла. В.Н. Назаров рассматривает зло как «некую золотую середину порока» [Назаров 2015: 5–13]. Зло/злота зарождаются в человеческом сердце и таятся в нем, о чем свидетельствуют следующие ФЕ и паремии кабардино-черкесского языка, в которых соматизм *гу* (сердце) репрезентирует злобу/злорадство: **гужьгъэжь иГэн** – *иметь зуб на кого-либо* (букв.: *иметь старую затаенную злобу*); **гум зишыхьыжын** – *злоставать по поводу чего-либо; терзаться* (букв.: *есть сердцу само себя*); **гур тепщэхэн** – *злорадствовать по поводу чего-либо, испытать чувство удовлетворенной мести*; **гур тезэгъэн** – *испытать чувство злорадного удовлетворения* (например, по поводу неудачи недруга) «**Псалъэ бзаджэ гу бзаджэщI**» – «*Дурное слово озлобляет*» (букв.: *злое слово, злое сердце*). В английской ЯКМ злоба ассоциируется с неким острым предметом: **take a pique against smb** – *затаить злобу на кого-либо* (букв.: *иметь кол против кого-либо*); **get (have) one's knife into smb** – *воспылать злобой к кому-либо* (букв.: *вонзить нож в кого-либо*). В.В. Колесов полагает, что «злым может быть все то, что является постоянным признаком лица или явления, хотя этот признак и дан дьявольским наущением [Колесов 2001: 124] (ср.: русская поговорка – Злой с лукавым знаются, друг на друга ссылаются). В кабардино-черкесском и английском языках злого человека характеризуют следующие ФЕ и паремии: **угъурсыз джафэ** – *злой* (букв.: *отпетый злодей*); **угъурсыз нахуэ** – *отпетый злодей* (букв.: *явно зловередный человек*); «**Щыхурныкъуэкъуалэмэ, угъурсызщ**» – «*Кляузник – злой человек*» (букв.: *человек, любящий спорить, зловередный*); «**He that is disposed for mischief will never want occasion**» – «*Злой человек никогда не упустит случая причинить зло*» (букв.: *тот, кто настроен на зло никогда не захочет случая/повода*). В английской ЯКМ зло можно творить: **to do evil** – *творить зло* (букв.: *делать зло*); в состояние зла можно впасть: **to fall on evil days (times)** – *попасть в полосу неудач* (букв.: *упасть в злые дни/времена*); зло может быть в большей или меньшей степени: **the lesser evil** – *меньшее зло* (букв.: *меньшее зло*); из двух зол можно выбирать меньшее: **of two evils choose the less**.

В ФЕ и паремиях особым образом запечатлены ценностные ориентиры этноса, его представления о мире, об организации жизни, его система ценностей [Третьякова 2014: 192–197]. Культурно-национальная специфика ФЕ состоит в том, что в них присутствуют компоненты, играющие доминирующую роль в создании экспрессивности. Так, для репрезентации значения «злой, отрицательный человек» в кабардино-черкесской и английской ЯКМ используются ФЕ, компонентами которых являются зоонимы. В частности, в кабардино-черкесской ЯКМ со злым человеком ассоциируют змею: **благъуэ хуэдэ** – как чудовище (букв.: как змея); **блэ уэным (блэщхъуэжъейм) хуэдэщ** – как змея, как гремучая змея; в английском языке – собаку, кошку: **dirty dog** – дрянной, подлый человек (букв.: грязная собака); **surly dog** – грубиян (букв.: грубая собака); **old cat** – злая, сварливая старуха (букв.: старая кошка). Злого, отрицательного человека можно определить по его внешности: **и нэгу фЫ щІэлькъым** – букв.: на его лице нет ничего доброго; **куэсэ жьакІэ** – с жиденькой бородкой (народная примета недоброго человека) Мужчинам с редкой бородой не доверяли, относились с опаской; **дзэр зэрыгъэшхын** – скрежетать зубами (от злости); **и Гупэ гьуркІэ лъэщІа хуэдэ** – злые, тонкие губы (букв.: губы его словно вытерли сухой кожей). (Согласно теории психологов, тонкие губы являются внешним признаком злого человека); **evil eye** – недоброжелательный взгляд, дурной глаз (букв.: злой глаз); **cast an evil eye** – недоброжелательно смотреть (букв.: бросать злой взгляд); **look daggers** – смотреть со злобой, ненавистью (букв.: смотреть кинжалом, ножом). Про человека с черной душой говорят: «**ГурмыфІмэ щхъэр фІейщ**» – «Сердце грязно, сам грязен» (букв.: Если сердце нехорошее, то голова грязная). Данное выражение свидетельствует о том, что если у человека злое сердце, то помыслы его не могут быть чистыми. В кабардино-черкесской ЯКМ злой человек боится и чувствует себе подобного: «**Лейзехъэр ныбжьым щошынэ**» – злодей боится тени, т.е. тень любого предмета или человека отражается черным цветом. Черный цвет ассоциируется со злом. В пословицах и поговорках содержится предостережение от общения и дружбы со злыми людьми: «**Бзаджэм фІыр доунэхью**» – (букв.: Со злым и добрый пострададет); «**Бзаджэр**

чэнджэщэгъу умыщІ» – «*Не бери злодея в советчики*»; «**Бзаджэ гъусэ умыщІ**» – букв.: «*Не делай злого человека попутчиком (спутником)*».

Как мы отмечали выше, в ментальной парадигме кабардинцев зло – это грех, который оборачивается против человека. Философская теория «все возвращается на круги своя» нашла свое отражение в кабардино-черкесских ФЕ и паремиях: **насыпкъэмыгъакІуэ** – *зловредный (букв.: стоящий на пути своего счастья)*, т.е. зло препятствует его счастью; «**ФызІей нэпсырылэщ**» – «*У злой жены много слез*» (букв.: *плохая жена много плачет*), т.е. страдает от своей злости; «**Іей пщІауэ фІым ущымыгугъ**» – (букв.: *Сделавши зло, не рассчитывай на добро*; «**Бзаджэ пщІауэ фІым ущымыгугъ**» – (букв.: *Сделавши зло, не жди добра*); «**Іейм Іей покІуэж**» – «*Злом за зло*» (букв.: *зло в ответ получает зло*); «**Іей зыщІэ кьыщІэкІуэркъым**» – «*Кто делает зло, того самого постигнет кара*» (букв.: *делающему зло не сходит это с рук*); «**Е зыщІэ е хуозэж**» – (букв.: *Кто зло делает, тот встречает зло*) – «*Не рой другому яму, сам в нее попадешь; Как аукнется, так и откликнется*»; «**Емынэм емынэ кьельху**» – (букв.: *Зло рождает зло*) – «*Беда одна не приходит*»; «**Щхъуэ зыхъ и нэ йоуэж**» – «*Кто яд готовит, тот сам от него погибает*» (букв.: *кто занимается ядом/зельем, это ему же в глаза бьет*); «**Уи япэкІэ мывэ бгъэжамэ, уІиуощІэж**» – «*Вперед себя камень покатишь, встретишь его на своем пути*»; «**Дахэр зэмызэгъым ІейкІэ бгъэдохъэ**» – «*Кто добра не поймет, того зло проймает*» (букв.: *кто с добром не ладит, до того доходит злом*); «**Мывэ дзыкІэ зымыщІэм и щхъэм кьохуэж**» – букв.: «*На того, кто не знает как кидать камень, этот камень и упадет*». В кабардино-черкесской ЯКМ со злом нужно бороться: **Іейм ебэнын** – (букв.: *бороться со злом*).

Злого человека характеризует его дурной нрав и характер. Так, образ дьявола, сатаны, которого обычно изображали с рогами и с раздвоенным копытом, лежит в основе следующих фразеологизмов английского языка лежит: **show one's horns** (букв.: *показать свои рога*); **betray the cloven foot** (букв.: *выдавать раздвоенное копыто*, т.е. показывать дьявольский характер).

Таким образом, мы видим, что концепты «*Iey*» (зло) в кабардино-черкесском языке/«*evil*» (зло) в английском языке весьма широко представлены в ФЕ и паремиях обоих языков.

3.2.1. Когнитивный признак «Деяния человека, направленные на причинение морального или физического вреда, злодеяние»

Семантические репрезентанты «предательство», «подлость»

Предательство – это намеренное причинение зла, нарушение верности по отношению к близким людям, антилюбовь, один из человеческих пороков. Оно в религиозных воззрениях рассматривается как тяжкий грех. Так, в христианской этике предателя символизирует Иуда.

В кабардино-черкесском языке предательство выражено словом **епцЫжыныгъэ**, где **епцЫжын** – это **зыгуэр мыгъэпэжын** – *букв.: предать кого-то* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 157], в английском языке – словами **betrayal** в значении **when you betray your country, friends, or someone who trusts you** (*букв.: когда ты предаешь свою страну, друзей или кого-то, кто доверяет тебе*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 131], **treachery** в значениях **1) behaviour in which someone is not loyal to a person who trusts them, especially when this behaviour helps that person's enemies** (*букв.: поведение, в котором кто-то лоялен к человеку, который доверяет им, особенно, когда это поведение помогает врагам человека*), **2) actions against someone who trusts you** (*букв.: действия против кого-то, кто доверяет тебе*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1770], **treason**, имеющее значение **the crime of being disloyal to your country or its government, especially by helping its enemies or trying to remove the government using violence** (*букв.: преступление в отсутствии лояльности к своей стране или правительству, особенно помогая врагам убрать правительство, используя насилие*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1771].

Подлость в кабардино-черкесском языке репрезентируется словами **хъэбыршыбырагъэ**, **напэншагъэ**, **цІапІагъэ**, где слово **хъэбыршыбырагъэ**, в

состав которого входит лексема **хъэбыршыбыр**, имеет значение **цЫху икІэ, цЫху бзаджэ** – букв.: *низкий человек, злой человек* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 724]), то есть **хъэбыршыбырагъэ** – это буквально деяния подлого человека; **напэншагъэ**, где основа слова **напэншэ** имеет значение **напэ, укІытэ зимыІэ** (букв.: *тот, у кого нет совести, чести, стыда*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 526]); **цІапІагъэ – мыхъумыщІагъэ, бзаджагъэ, хъэбыршыбырагъэ** – букв.: *плохой, недостойный поступок, хитрость, коварность, гадость, мерзость, подлость* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 749]. В английском языке подлость репрезентируется следующими словами: **meanness**, где прилагательное **mean** имеет значения: **1) cruel or not kind** (букв.: *жестокий или не добрый*), **2) not wanting to spend money** (букв.: *не желающий тратить деньги*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1021]; **baseness**, где прилагательное **base**, имеет значение **not having good moral principles** (букв.: *не имеющий хороших моральных принципов*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 108]; **vileness**, где прилагательное **vile** имеет значение: **1) extremely unpleasant or bad** (букв.: *чрезвычайно неприятный или плохой*), **2) evil or immoral** (букв.: *злой или аморальный*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1839].

И в кабардино-черкесском, и в английском языках предатель ассоциируется со змеей: **«Блэр зыгъэхуэбэжым йоуэж»** – *«Змея ужалит того, кто ее согреет»* (букв.: *змея кусает того, кто ее согревает*); **«Блэр пЫщІащ жыпІэу уи гуфІакІэ думыгъэтЫсхъэ»** – *«Не согревай за пазухой озябшую змею – покажет суть свою»* (букв.: *не сажай за пазуху змею, подумав, что она замерзла*); **«Блэ пЫщІар гуфІакІэкІэ умыгъэхуэбэж»** – *«Не отогревай продрогшую змею за пазухой»* (букв.: *не отогревай за пазухой замерзшую змею*); **cherish (nourish, warm) a serpent (snake, viper) in one's bosom** – *отогреть змею на груди* (букв.: *лелеять (кормить, согревать) змею на чьей-либо груди*). Этимология английских выражений восходит к древним латинским мыслителям: **viperam nutricatre sub ala** – *отогреть змею под крылом (Петроний)*; **in sinu viperam kabere** – *иметь змею на груди (Цицерон)* [Кунин 1956: 107].

В кабардино-черкесской ЯКМ предательство воспринимается особенно больно, если оно наносится близким, родным человеком: «**Анэдэлъху дзыр хъужыркъым**» – «Обида не заживет, коль родной ее нанесет». Предателями называют людей, которые отворачиваются от своих близких, друзей в особо тяжелый для вторых период жизни: «**Си тхъэгъуэм си гъуанэдэплъщ, лъаджэгъум къыслъимыхъэж**» – «Был я богат – он во все щели мои заглядывал, беден стал – отвернулся от меня» (букв.: когда у меня все хорошо, этот человек заглядывает во все щели в моем доме; когда у меня все плохо, он перестает со мной общаться).

В английской ЯКМ предательство ассоциируется с ударом, причем место удара – это часть тела человека: **stab in the back** – *всадить нож в спину* (букв.: ударить в спину); *предательски нападать*; **fight at the leg** – *нанести предательский удар* (букв.: ударить по ноге).

Подлость – зло, которое человек причиняет другим намеренно. Это отрицательное моральное качество человека, выраженное его поведением в социальном обществе. Подлость также является одним из самых больших пороков человеческой природы. Мы выделили ряд ФЕ и паремий, в основе которых лежит преднамеренное совершение коварных, злых поступков, которые могут принести человеку страдания или неприятности: **мывэ Іэгурыхъу и гуфІакІэм дэлъщ** – *держит камень за пазухой* (букв.: у него за пазухой камень с ладонь); **уи мащэр къетІ** – *он роет тебе яму*; *подкапывается под тебя* (букв.: роет тебе могилу); **лъакъу-эпцІэрауэ хуэщІын** – *подставить кому-либо подножку*; **цІэпІагъэ кІэщІэщІыхъын** – *подложить кому-либо свинью* (букв.: подложить какую-либо пакость); **баш дэбдзэн (къыдадзэн)** – *ставит палки в колеса* (букв.: бросит палку). Но за любым злодеянием следует расплата: «**Мащэ зытІ йохуэж**» – (букв.: *Кто другому яму роет, сам в нее попадает*).

В английской ЯКМ подлость ассоциируется с грязью: **do smb dirt** – *сделать кому-либо гадость, подлость* (букв.: сделать кому-то что-то грязное); **do the dirty on smb** – *мерзко, подло поступить в отношении кого-либо (сделать грязь кому-либо)*.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: предательство, подлость представлены в кабардино-черкесской и английской ЯКМ как репрезентанты с отрицательной коннотацией.

Семантические репрезентанты «грубость», «бестактность»

Многие европейские авторы, писавшие об адыгах, отмечали их вежливость и учтивость. Б.Х. Бгажноков пишет: «... заслуживает внимания представление об учтивости и благожелательности как симптома «адыгства» или адыгской чести и совести (*адыгэ нэмыс*) и связанное с этим обозначение всей сферы языка благожелательности метафорическим *адыгэбзэ* (адыгский язык). Если кто-то говорит о другом: *адыгэбзэ кызыжиІащ* (*адыгским языком со мной говорил*), то это следует понимать так, что с ним говорили тепло, приветливо, благожелательно» [Бгажноков 1983: 17].

В кабардино-черкесском языке грубость репрезентируется словом *нэмысыншагъэ*, где *нэмысыншэ* – это *нэмыс зыхэмыль, цІыхум нэмыс яхуэзымыщІ* (букв.: человек без чести, тот, кто не уважает людей, не оказывает подобающей чести другим людям) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 533]. В толковом русско-кабардино-черкесском словаре грубый человек представлен фразой *цІыху пхъашэ* [Табухов 2005: 80], где *пхъашэ* имеет следующие значения по данным другого лексикографического источника: 1) *Мыщабэ, зи шабагыр мащІэ* (букв.: не мягкий, тот, в ком/чем мало мягкости); 2) *Зи щІыІур мыджафэ* (букв.: у чего поверхность необработанная); 3) *ІэтэлыатІэу, шабэу щымыт* (букв.: то, в чем нет мягкости); 4) *Іуэхум ткІийуэ бгъэдэт, лЫгъэ зиІэ* (букв.: тот, который подходит к делу с твердой рукой, мужественный) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 576], грубое обращение – это *дыджу хущытыныгъэ* [Табухов 2005: 80], где *дыдж* имеет значения горький, злой, желчный, едкий [Словарь кабардино-черкесского словаря 1999: 130]. Бестактность в кабардино-черкесском языке выражена словом *Іэдэбыншагъэ*, где *Іэдэбыншэ* – *Іэдэбагъ зыхэмыль щІыкІэншэ* (букв.: тот, в котором нет скромности) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 827].

В английском языке грубость репрезентирована словами **rudeness**, где прилагательное **rude** имеет следующие словарные толкования: **1) speaking or behaving in a way that is not polite and is likely to offend or annoy people** (букв.: *говорить или вести себя не вежливо, что может обижать или раздражать людей*), **2) rude jokes, words, songs etc are about sex** (букв.: *грубые шутки, слова, песни и т.д. о сексе*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1438]; **crudeness**, где прилагательное **crude** имеет значение **offensive or rude, especially in a sexual way** (букв.: *агрессивный или грубый, особенно в сексуальном плане*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 378].

В кабардино-черкесском языке грубость, бестактность характеризуют следующие глагольные фразеологизмы: **жэр тетІэщІэн** – груб. *облаять, обругать кого-либо; облить грязью* (букв.: *обрушить свой рот на кого-либо*); **бзаджэ тетхьуэн** – *обругать кого-либо*; **дунейм тетыр тетхьуэн** – *обозвать кого-либо последними словами; облить грязью* (букв.: *засыпать его злостью/злыми словами*); **псальэ кІуэщІыльхьэн** – *ругать кого-либо последними словами* (букв.: *вложить в кого-либо слова*); **хьэм егьэхьын** – *смешать кого-либо с грязью, поносить последними словами* (букв.: *отдать собаке*).

Выделяют две формы антиэтикетного поведения – пассивную и активную. Причиной пассивного антиэтикетного поведения являются отсутствие знаний о нормах поведения или отсутствие поведенческих навыков, приемлемых для конкретного культурного общества. Например, некорректная для определенной жизненно-бытовой ситуации реплика. О таких людях адыги говорят: **хабзэмыщІэ** или **щІыкІейщ** – *не знающий хабзэ, неотесанный*; **цІыху мыщІ** или **мыІамыщІ** – *необщительный, некоммуникабельный человек*.

Активной формой антиэтикетного поведения считается бесцеремонное поведение, громкий смех, брань, нецензурная речь, пошлые шутки, восхваление себя. Такое поведение адыги называют *хабзэнишагьэ, намысынишагьэ*, а человека, осознанно нарушившего правила этикета, **хабзэншэ** – *лишенный этикетности*; **намысыншэ** – *лишенный почтительности*; **щэныншэ** – *безнравственный*; **псэжь** – *наглец*; **жагьил** – *невежда*». Как отмечает Хан-Гирей, «произносить бранные

слова князья и дворяне почитают за поступок, достойный презрения, что и родило у черкесов поговорку: Настоящему дворянину не сродни бранные слова» [Хан-Гирей 1978: 297]. Злое, грубое слово глубоко ранит человеческую душу: «**Іэщэм пиупщыр мэҠыжри, псалъэ бзаджэм ищІэр кҠыжыркъым**» – «Рана, нанесенная оружием, заживает, а злым словом – нет»; «**Удын гуауэр мэҠышри, псалъэ гуауэр гышчыркъым**» – «Тяжелый удар забывается, а тяжелое слово вспоминается»; «**Уэркъым и жьэ и щІопщ**» – «Язык уорка – что плоть».

Злословие в кабардино-черкесской и английской ЯКМ ассоциируется с желчью, то есть с чем-то горьким: «**Зэз зи бзэгу тельым ІэфІ шымыІэж кыфІошІ**» – (букв.: У кого на языке желчь, тому кажется, что на свете перевелась сладость); **бзэ дьдж** – злой язык (букв.: горький язык); **a bitter tongue** – букв.: горький язык; **a caustic tongue** – букв.: едкий язык; **a venomous tongue** – букв.: ядовитый язык. По мнению З.Х. Бижевой, в кабардино-черкесской ЯКМ «наблюдается градация типов человеческого поведения, связанного с речевой деятельностью. Экспрессивная окраска идиом, выражающих такие особенности, предельно метафоризирует способность человека использовать язык как «инструмент речи» в прагматических целях, predetermined социопсихологическими мотивами» [Бижева 2022: 135].

Англичане ассоциируют злословие с грязью: **bring smb in the mire** – облить грязью, втоптать в грязь (букв.: привести кого-либо в грязь); **cast dirt at smb** – забросать кого-либо грязью, смешать кого-либо с грязью (букв.: бросать грязь в кого-либо).

В кабардино-черкесском языке в качестве репрезентантов грубости, бестактности используются ФЕ и паремии, которые построены на сопоставлении двух характеристик, противоположных по отношению друг к другу. Следует также отметить, что в них язык ассоциируется с неким острым предметом, с ядом, и основным компонентом, эксплицирующим данные качества, является соматизм **жьэ** (рот) – орган речи: «**ЖьэрыІэзэ Іэпэзадэ**» – (букв.: На язык острый, а руки неумелые) – (На словах как на гусях, а на деле, как на балалайке); «**И жьэр джатэу, и Іэм имыщІэфІауэ**» – букв.: «Язык как меч, а руки ничего не умеют де-

лать»; «ЖІэкІэ маисэ, щхьэкІэ сэмэгущ» – (букв.: *Языком, как острый меч, а в делах – левша*); «И щхьэр мыжьрэ и жьэр бзаджэу» – «*Неряха, а язык ядовитый*» (букв.: *волосы не причесаны, а язык злой*).

И в кабардино-черкесской, и в английской ЯКМ средоточием грубости является базар: **бэээрым кьызэрытекІам хуэдэу** – *ругается как на базаре* (букв.: *как будто только с базара*); **billingsgate language/ talk billingsgate** (Billingsgate – название большого рынка в Лондоне).

Злословием в кабардино-черкесской ЯКМ также считается богохульство: **Алыхьым деж нэмысын псальэ** – букв.: *слово, которое не должно дойти до Бога*.

Как было отмечено выше, адыги считали хвастовство проявлением бестактности. Это явление считалось величайшим пороком, ведь идеальный человек должен быть скромным и немногословен. «Храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью, черкесы в высшей степени пренебрегали самохвальством. О военных подвигах своих черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным» [Дубровин 1991: 85]. Каждое слово или движение контролировалось, что репрезентировано в выражении **псальэ гьэІэси, уи нэмыс гьэбыдэ**» – (букв.: *Ограничь свою речь и укрепи намыс*).

Итак, в кабардино-черкесском и английском языках грубость и бестактность ассоциируются с горечью. Эпицентром грубости в обоих языках является базар. Язык грубого и бестактного человека кабардинцы сравнивают с острым предметом, который может сильно ранить человека. В английской ЯКМ брань ассоциируется с грязью.

3.2.2. Когнитивный признак «Зло как отрицательные, морально-нравственные качества человека»

Данный когнитивный признак имеет следующие семантические репрезентанты: безнравственность, позор; зависть; ложь; лицемерие, подхалимство; гордыня; жадность; трусость; лень; злословие; любопытство; хитрость.

Семантические репрезентанты «безнравственность», «позор»

Анализ лингвистического материала показал, что проблема зла тесно связана с понятием совесть. Совесть – осознанная моральная ответственность человека за свое поведение по отношению к обществу или другим людям – является неизменным атрибутом любого человека. В кабардино-черкесском словаре безнравственность представлена следующими словами: **хабзэншэ, цыхугьэншагъэ, флейгъэ**, где **хабзэншэ** – это **хабзэ зыхэмыль, зымыщIэ, хабзэр зыкьутэ** (букв.: *тот, в ком нет хабзэ, тот, кто не знает хабзэ, тот, кто ломает хабзэ*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 676]; **цахугьэншагъэ** – **цахугъэ зыхэмыль, напэ зымыIэ** (букв.: *тот, в ком нет человечности, тот, у кого нет совести*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 751]; **флейгъэ** – **флей псалъэм кьытекIа шыIэцIэ**, где **флей** – **1) кьабзагъэ зымыIэ** (букв.: *тот, в ком нет чистоты*), **2) гуемыIугъэ, пудыныгъэ зыбгъэдэль** (букв.: *тот, в ком непристойность, низость*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 674], в английском языке – словом **immorality**, где основа **immoral** имеет следующие значения: **1) morally wrong** (букв.: *морально неправильно*), **2) not following accepted standards of sexual behaviour** (букв.: *не следующий принятым стандартам сексуального поведения*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 812].

В кабардино-черкесском языке позор репрезентирован следующими лексемами: **напэтех, укIытэгъуэ, емыкIу**, где **напэтех** имеет значение **ущIэукIытэн, емыкIу зыпыль** (букв.: *что-то, от чего стыдно, что-то связанное с позором*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 526]; **укIытэгъуэ** – **укIытагъэ, емыкIу зыпыль, зыхэль, Iуэху щIэпхъаджэ** (букв.: *то, от чего стыдно, неприлично, бесчинство*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 656]; **емыкIу – шыIэ хабзэм кьымытIасэ, емызэгъ** (букв.: *то, что не соответствует этикету*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 155]. В английском языке – словами: **shame – the feeling you have when you feel guilty and embarrassed because you, or someone who is close to you, have done something wrong** (букв.: *чувство, которое у тебя есть, когда чувствуешь вину или смущение, из-за того, что ты или кто-то, кто тебе близок, сделал что-то неправильно*) [Longman Dictionary of contem-

porary English 2003: 1508]; **disgrace** – **the loss of other people’s respect because you have done something they strongly disapprove** (букв.: *потеря уважения других людей, из-за того, что кто-то совершил что-то, что они категорически не одобряют*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 446].

В кабардино-черкесском языке совесть, как было отмечено в предыдущей главе, ассоциируется с лицом. По мнению Б.Х. Бгажнокова в менталитете адыгов «лицо» – «орган чести и совести, чутко реагирующий на малейшее отклонение от морали, наилучшим образом представляющий различные оттенки нравственного чувства [Бгажноков 1999: 71]. Лицо имеет свойство отражать оттенки нравственного чувства. Соответственно, у бессовестного человека нет лица или оно черного цвета: **напэ зимыІэ** – *бессовестный (у кого нет лица)*; **и нэгу джылыркъым** – *у него нет совести (букв.: не испытывает чувства стыда/угрызений совести)*; **напэр техыжын** – *опозориться, осрамиться (букв.: снять лицо) (по собственной вине)*; **напэр текІын (ульиин)** – *опозориться, осрамиться (букв.: сойти лицу)*; **напэр сын** – *испытывать чувство стыда, гореть от стыда (букв.: гореть лицу)*. Отсутствие совести отражается на цвете и форме лица: **напэ фІыцІэ** – *букв.: черное лицо, т.е. бессовестный*; «**Напэ зимыузм дзэжэпкъ иІэщ**» – *«У кого нет совести, тот упитанный» (букв.: у кого нет совести, у того нет мяса на грудной кости)*. «Не менее показательны суждения, в которых моральное содержание действий прямо связывают с качеством лица, с представлениями о том, насколько развит у человека долг чести, ср.: «**Напэм техуэр жъэм жеІэр**» – *«Можно высказать все, что допустит (позволит) лицо»*; «**Абы и нэгу куэд кыыригъэтІэсэнщ**» – *«Он может вместить в свое лицо что угодно»*. Это обозначает, что человек может действовать самым наихудшим образом – насколько ущербно его лицо» [Бгажноков 1999: 72]. Следующее выражение репрезентирует крайнюю степень бесстыдства человека: «**Абы нэхърэ хъэм нэхъ укІытэ иІэщ**» – *(букв.: У собаки и то больше стыда, чем у него)*. Невоспитанность и бесстыдство проявляются и в поведении человека: **Уеджэмэ, къэзымыгъазэр напэншэщ** – *(букв.: Если тот, кого ты окликнул не поворачивается, он бессовестный человек)*.

В кабардино-черкесской ЯКМ человека, прожившего жизнь с нечистой совестью, ждет тяжелая смерть: «**КъэкӀухьыкӀей кӀуэдыжыкӀейщ**» – «*Кто недобро прожил, тот умирает недоброй смертью*» (букв.: кто плохо, много ходит, у того плохо заканчивается жизнь); «**ГъащӀэр зы напӀэщ, напӀэ уимыӀэу улӀэжмэ, псэхэлӀэщ**» – «*Жизнь – мгновение, если умрешь с нечистой совестью, то это двойная смерть*» (букв.: жизнь – это одно движение веком, если умрешь бесчестным, то это будет напрасная смерть). В английском языке нечистая совесть не дает спать: «**A guilty conscience is a self accuser**» – (букв.: виновное сознание – есть самообвинитель).

«**НапӀэтехь**» (позор или потеря репутации) считается крайне недопустимым для кабардинцев: «**НапӀэтехрэ лъэныгъэрэ**» (*Больше смерти остерегайся позора*, букв.: позор, что смерть). Позором считается непристойное поведение: **кӀэр Іэтын/къэутӀыпщын** – *вести себя развязно, проявлять нескромность* (букв.: поднять юбку).

В кабардино-черкесской ЯКМ позором также являются плохие, непутевые дети, о чем свидетельствуют следующие паремии: «**Быныр дыгъуэмэ, анэр мыгъуэщ**» – (букв.: *Дитя ворует – мать горюет*); «**Къуэ бзаджэм адэм хъуэн кыхуехь**» – «*Плохой сын отцу приносит позор*»; «**Къуэ Іейм адэ хъэӀуцэ кыхуехь, пхъу Іейм анэ хъэӀуцэ кыхуехь**» – «*Плохой сын приносит отцу позор, плохая дочь – матери позор*».

В английской ЯКМ позор ассоциируется с грязным пятном: **one's name is mud** – букв.: *грязное имя*; **a blot on one's escutcheon** – букв.: *пятно на гербе*; **a blot on the reputation** – букв.: *пятно на репутации*; с дырой, отверстием: **a hole on smb's coat** – букв.: *дыра в пальто*; с черной овцой: **a black sheep** – (по старому поверью, черная овца отмечена печатью дьявола).

Англичане характеризуют бессовестного человека такими зоонимами, как: 1) собака: **blush like a black dog** – *отличаться бесстыдством* (букв.: краснеть, как черная собака). В этом выражении объединены лингвистически не совместимые понятия: черный цвет (черная собака) и глагол краснеть; 2) свинья: **(behave like a hog** – букв.: *вести себя как свинья*; «**Set the beggar on horseback and he'll**

ride to the devil» – «Посади свинью за стол, она и ноги на стол» (букв.: «Посади нищего верхом на лошадь и он поедет к дьяволу»); **have the conscience (to do/to say smth)** – иметь бесстыдство, наглость (сделать, сказать что-либо) – (букв.: иметь совесть/сознание сделать/сказать что-либо).

Позор или потеря репутации считаются крайне недопустимыми как для англичан, так и для адыгов. Они считают, что легче утратить хорошую репутацию, чем приобрести ее: «**A good name is sooner lost than won**» – (букв.: хорошее имя скорее теряется, чем выигрывается).

Бинарная оппозиция «добро – зло» оценивает нравственный облик человека. Такие адыгские категории, как *хабзэ*, *намыс*, *адыгагъэ* формируют нравственный облик адыга. О человеке, не знающем обычаев и традиций, говорили «**Хабзи – бзыпхьи ищЭркъым**», то есть не знает хабзэ, обычаев.

Намыс – это совокупность нравственных ценностей (от арабского *namis* – честь, достоинство, репутация, совесть). Если у человека отсутствует намыс, говорят: «**Нэмысыншэр насыпншэщ**» – (букв.: Кто не знает чести, тот несчастен); «**Нэмыс здэщымыэм насып шыЭркъым**» – (букв.: Где нет чести, там нет счастья).

Как было указано выше, *адыгагъэ* – это высшая ценность для всех представителей адыгского народа. Говоря об «адыгагъэ», мы подразумеваем такие моральные качества, характеризующие адыгов с положительной стороны, как деликатность, скромность, справедливость, мужество и т.д. «Термин «адыгагъэ» также используется и для оценки качества и состояния нравственной культуры общества в целом или отдельно взятой личности. Так, о человеке, обладающем адыгской этикой или «адыгством», говорят **адыгагъэ хэльщ**. О человеке, не обладающем данным качеством, о невоспитанном человеке адыги говорят: **адыгагъэ хэлькъым**; о человеке, не проявившем «адыгство» – **адыгагъэ кыдахакъым**.

Наряду с такими нравственными категориями, как *адыгэ хабзэ*, *намыс*, *адыгагъэ*, следует упомянуть и о термине, характеризующем этический страх (*шынэ-укIытэ*). Б.Х. Бгажноков определяет его как «сложное одухотворенное чувство, манифестирующее достойное отношение к жизни, когда боязнь совершить что-

либо «несовместимое с лицом» ставит мощный заслон аморальности. В отличие от страха вообще или первичного, животного страха, который парализует и деморализует человека, этический страх (*шынэ - укЫтэ*) конструктивен, заставляет остаться в рамках приличий в самых сложных ситуациях. Но генетически он связан с первичным страхом (*шынэ*)» [Бгажноков 1999: 75]. Так, о человеке, лишенном страха и стыда, адыги говорят: «**Шыни – укЫти, напи иТэркьым**» – «*Лишен и страха, и стыда, и чести*».

Говоря об уважительном отношении к кому-либо, англичане в первую очередь подразумевают вежливость. В.В Овчинников считает, что «английская вежливость вообще предписывает сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику, который вправе придерживаться иного мнения» [Овчинников, цит. по Габуниа, Улимбашева 2005: 118].

Неуважительное отношение к окружающим в английской ЯКМ присуще **1)** грубому человеку, которого характеризуют следующие эпитеты: (**rough and tough** – (букв.: *грубый и жесткий*); **a rough customer** – (букв.: *грубый покупатель*); (**as rough as a bear** – (букв.: *грубый как медведь*); **2)** представителям следующих социальных иерархий: (**swear home like a bargee** – букв.: *ругаться, как барочник*; **swear home like a fishwife** – *ругаться, как торговка рыбой на базаре*; **swear home like a lord** – букв.: *ругаться, как лорд*; **swear home like a sailor** – (букв.: *ругаться, как матрос*); **swear home like a trooper** – (букв.: *ругаться, как солдат*).

Следовательно, безнравственность/позор как репрезентанты когнитивного признака концепта «*Ией*»/«*evil*» очень ярко представлены в кабардино-черкесской и английской ЯКМ. В языковом сознании адыгов есть устойчивое ментальное клише – лучше смерть, чем позор. Из чего следует вывод: безнравственность и позор несут отрицательную коннотацию. Так, в языковом сознании англичан безнравственность и позор ассоциируются с грязным пятном, потерей репутации, присущие грубым людям. Однако, исходя из анализа ФЕ и паремий кабардино-черкесского языка, репрезентирующих безнравственность и позор, напрашивается вывод о том, что данный порок свойственен людям, не следующим *Адыгэ хабзэ*, в

коих нет *адыгагъэ* (адыгства), *шынэ – укIытэ* (стыда), *напэ* (совести), *намыс* (че-сти), что позволяет нам делать вывод о том, что данное семантическое поле ре-презентирует уникальный (специфичный) признак концепта «добро».

Семантический репрезентант «зависть»

Понятие «зависть» неотделимо от понятия «зло». Данное чувство является причиной многих бед и злых деяний. Ведь очень часто человек, одержимый зави-стью, причиняет много зла окружающим. Это один из человеческих пороков, зарож-дающихся в человеческой душе и поедающих его изнутри. Завистливый человек пол-лон злобы. В кабардино-черкесском языке значение зависть имеют слова **фыгъуэ, фыгъуэныгъэ: нэгъуэщIым къехъулIэм иризгуепыныгъэ** (букв.: *переживать по поводу удачи другого человека*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 668], в английском языке – слова **envy: the feeling of wanting something that someone else has** (букв.: *чувство желания чего-то, что есть у кого-то*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 523]; **jealousy: 1) feeling angry or unhappy because some- one has something that you wish you had** (букв.: *чувство злости или несчастья, по-тому что кто-то имеет что-то, что бы ты хотел иметь*), **2) feeling angry and unhappy because someone you like or love is showing interest in another person, or another person is showing interest in them** (букв.: *чувство злости или несчастья, из-за того, что кто-то, кто тебе нравится или кого ты любишь проявляет интерес к другому человеку или другой человек проявляет интерес к кому-либо*) [Longman Dic- tionary of contemporary English 2003: 867].

В кабардино-черкесской ЯКМ *фыгъуэ* репрезентирована паремиями «**Нэр фыгъуэмэ, псэр мэгъуэщэ**» – (букв.: *Если глаза завидуют, то душа сохнет*); «**Фыгъуэнэдрэ фындыжь гъуррэ**» – «*Завистник – что сухой бурдюк*» (букв.: *за-вистник подобен старому, засохшему бурдюку*); «**Фыгъуэныр зи гушхьэнэгъу**» – «*Зависть – его примета*» (букв.: *тот, у кого зависть идет рядом с серд-цем/соседствует с сердцем*). В английской ЯКМ зависть ассоциируется с зеле-ным цветом: **green with envy** – *съедаемый завистью, готовый лопнуть от зави-сти* (букв.: *зеленый от злости*); **look through green glasses** – *ревновать, завидо-вать успеху* (букв.: *смотреть сквозь зеленые очки*); **green eyed monster** – *рев-*

ность, зависть (букв.: зеленоглазый монстр). Полагаем, что эти символические значения не случайны и связаны с реакцией желчного пузыря на какие-либо раздражители. Возможно, этот факт подтверждает теорию о том, что характер человека отражается как на его внешности, так и на его внутренних органах.

Завидуя, человек злится успехам, достижениям, каким-либо материальным благам другого человека. Например, предмет зависти и вожделения ассоциируется с виноградником Навуфея: *Naboth's vineyard*. Согласно библейской притче, у Навуфея Израильтянина в Изреели был виноградник возле дворца Ахава, царя Самарийского. Ахав попросил у Навуфея виноградник взамен на серебро. Навуфей отказал Ахаву. Жена Ахава Иезавель, решив помочь мужу, написала письмо от его имени к старейшинам, в котором было сказано: «Объявите пост и посадите Навуфея на первое место в народе. И против него посадите двух негодных людей, которые свидетельствовали бы на него и сказали: «Ты хулил Бога и царя». И потом выведите его и побейте камнями, чтоб он умер». Навуфея вывели за город, побили камнями, и он умер [Библия 2006: 364–365].

Таким образом, семантический репрезентант «зависть», характеризующий «*Ieй*»/«*evil*» в языковом сознании адыгов и англичан, имеет отрицательную коннотацию: в английской ЯКМ от зависти зеленеют, в то время как в кабардино-черкесской ЯКМ от зависти усыхают.

Семантический репрезентант «ложь»

Нередко человек прибегает ко лжи для выхода из сложившейся для него сложной ситуации. Иногда люди лгут, дабы не причинить зла другим. Ложь ассоциируется со злодеянием во многих ЯКМ. Так, в древнерусском языке лексема зло связана с признаком кривизны, отклонения от правильного пути, от нормы, и, следовательно, со значениями обман, ложь, заблуждение [Борисова 2014: 90–91]. В кабардино-черкесском языке в значении представлены слова **пцЫ**, **пцЫупс**, **пцЫупсыкІэ**, где **пцЫ** – **пэжыр зэрыщІахьумэ мыпэж, нэпцІ** (букв.: неправда, которой прикрывают правду, обман) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 581]; **пцЫупс** – **пэж жызымыІэ цЫху** (букв.: человек, не говорящий правды) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 582]; **пцЫупсыкІэ** – **пцЫ зэраупс**

Гэмал (букв.: умение лгать) [там же]. В английском языке ложь репрезентирована словом **lie**, имеющим значение **something that you say or wright that you know is untrue** (букв.: что-то из того, что вы говорите или пишете, что, как вы знаете, является неправдой) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 930].

В кабардино-черкесской ЯКМ лгуна ассоциируют с кукушкой: **жылэ-гьаццIэ кIыгуугу** – кукушка – врунишка (букв.: обманывающая людей кукушка). При общении с человеком кабардинцы предостерегают: «**Псалъэм уемыплъ, кьипсэлым еплъ**» – букв.: «Не смотри на человека, смотри на слова». То есть, не так важно что говорит человек, важно какой это человек. О человеке любящем приврать говорят: «**И псалъэм бгым ущигъэжынщ**» – букв.: «Его слова скатяют тебя с горы».

Анализ ФЕ и паремий кабардино-черкесского и английского языков показал, что ложь репрезентируется в глагольных фразеологизмах, отражающих поведение человека: **пцIы упсын** – соврать; кривить душой; **пцIы хэльхьэн** – приврать; исказать, коверкать (букв.: вложить ложь); **пцIыкIэ кьешэкIын** – (букв.: водить обманом); **tell a pack of lies** – наврать с три короба (букв.: рассказать упаковку лжи); **catch with chaff** – обмануть кого-либо без труда (букв.: поймать с шелухой); **cast (put) a false colour on smth** – представить что-либо в ложном свете (наложит ложный цвет на кого-либо).

Мы также выделили кабардино-черкесские и английские паремии, репрезентирующие последствия лжи: «**Хьэрэмым хьэрэм кьешэ**» – «Обман родит обман» (букв.: нечестность порождает нечестность); «**ПцIым фIым ху-ишэркъым**» – (букв.: Ложь к добру не ведет); «**One lie makes many**» – «Одна ложь тянет за собой другую» (букв.: одна ложь делает много лжи), «**ПцIыр згъэуващ жыпIэми, уи пащхьэ кьоджэлэж**» – «Как не пытайся поставить ложь на ноги, она рухнет у всех на глазах» (букв.: даже если ты думаешь, что поставил ложь на ноги, она падает прямо перед тобой); «**ПцIым и льякъуэр кIэщIщ (щIэткъым)**» – (букв.: У лжи ноги коротки); «**ПцIы Iуданэ хужькIэ дащ**» – (букв.: Ложь белыми нитками шита); **пцIы кIэрылхьэн** – дискредитировать, оклеветать кого-либо (букв.: налепить, приклеить ложь); **пцIы тельхь-**

эн (кІэрыльхьэн) – оклеветать кого-либо (букв.: положить сверху, приклеить ложь); «**Lies have short legs**» – (букв.: У лжи ноги короткие); «**He that once deceives is ever suspected**» – «Тот, кто хоть раз обманет, навсегда потеряет доверие» (букв.: тот, кто однажды обманет, всегда подозреваем); «**A liar is not believed when he speaks the truth**» – (букв.: Лжецу не верят, даже когда он говорит правду).

В английской ЯКМ ложь – это также «лжесвидетельство»: **hard swearing**; «симуляция» (букв.: тяжёлая клятва): **play possum** – притворяться больным или мертвым – букв.: играть опоссума (при прочтении внутренней формы данного фразеологизма перед нами предстает образ опоссума, который в случае опасности прикидывается мертвым); **sham Abraham** – притворяться больным, симулировать (*Abraham* или *Abraham – men* в 16 веке называли бродяг, находившихся в Бедламе (*Abraham Word*), которым в определенные дни разрешалось нищенствовать); «измена»: **give horns to smb** – наставить рога, сделать рогоносцем (букв.: дать рога кому-либо).

Основными компонентами следующих фразеологизмов, репрезентирующих ложь, являются соматизм: **пэкІэ кьешэкІын** – (букв.: водить за нос); **pull (draw) smb's leg** – одурачивать кого-либо (букв.: тянуть чью-либо ногу); **lie in one's teeth (throat)** – нагло, бесстыдно лгать, лгать прямо в глаза (букв.: лгать во все зубы (горло)); **wipe smb's nose** – обманывать, надувать кого-либо (букв.: вытирать чей-либо нос); **turn smb round one's finger** – обвести кого-либо вокруг пальца (букв.: крутить кого-либо вокруг пальца); **flap smb in the mouth** – нагло, нахально лгать (букв.: развеивать кого-либо во рту).

В ходе исследования в английском языке была выделена группа ФЕ, характеризующих мошенничество, надувательство, плутовство. Основными их компонентами являются 1) предметы игры: **play with loaded dice** – вести нечестную игру, жульничать (букв.: играть в игральные кости); **pack cards with smb** – подтасовывать карты для кого-либо; мошенничать вместе с кем-либо (букв.: упаковывать карты с кем-либо). 2) глагол **play** (играть): **play smb false** – обманывать, поступать нечестно, жульничать (букв.: играть с кем-либо лживо); **play**

on smb – надувать, обмануть кого-либо (играть с кем-то); **play the jack with smb** – мошенничать, обманывать, надувать кого-либо (букв.: играть в вальта с кем-либо); **3) глагол sell (продавать): sell smb a bargain** – обманывать, дурачить, надувать кого-либо (букв.: продать кому-либо сделку); **sell smoke** – нечестно поступать, надувать, обмануть (букв.: продать дым). Ложь в английской ЯКМ – это измена, мошенничество, плутовство, надувательство. К тому же в английском языке представлен ряд ФЕ, очень колоритно описывающих действия лжеца/мошенника, основными компонентами которых являются соматизмы.

Семантические репрезентанты «лицемерие», «подхалимство»

«Лицемерие – это отрицательное моральное качество, состоящее в том, что заведомо безнравственным поступкам приписываются моральный смысл, возвышенные мотивы и человеколюбивые цели. Лицемерие противоположно честности, прямоте, искренности – качествам, в которых проявляется осознанное и открытое выражение человеком подлинного смысла его действий» [Словарь по этике 1981: 156].

В кабардино-черкесском языке лицемерие представлено следующими словами: **щхьэхуещагъэ, бзитІщхьэтыгъэ, фэрыщІ, фэрыщІагъэ**, где основа слова **щхьэхуещэ** имеет значение **нэпсеигъэкІэ езым нэхьыбэ зрихьэлІэну, зригъэгъуэтыну хэт** (букв.: тот, кто пытается приобрести побольше для себя из чувства жадности) [Словарь кабардино-черкесского словаря 1999: 783]; **бзитІщхьэтыгъэ**, где основа слова **бзитІщхьытІ** имеет значение **пцІыІу-эпцІылэ, жиІэм темытыж, бзэгугехьэ, ІуитІбзитІ** (букв.: лживый, тот, двуличный, сплетник, льстец) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 49]; **фэрыщІ/фэрыщІагъэ – фэкІэ зызыщІ, игу ильыр фэкІа щІэзыхьумэ** (букв.: прикрытие задуманного внутри) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 665]. В английском языке лексема «лицемерие» выражено следующими словами: **hypocrisy – when someone pretends to have certain beliefs or opinions that they do not really have – used to show disapproval** (букв.: когда кто-то притворяется, что у него есть определенные убеждения или мнения, которых у него на самом деле нет – используется для выражения неодобрения) [Longman Dictionary of con-

temporary English 2003: 930]; **dissimulation**, где основа слова глагол **dissimulate** имеет значение **to hide your true feelings or intentions, especially by lying** (букв.: прятать свои истинные чувства или намерения, особенно при помощи лжи) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 452]; **insincerity**, где основа слова прилагательное **insincere** имеет значение **pretending to be pleased, sympathetic etc, especially by saying nice things, but not really meaning what you say** (букв.: притворяться довольным, симпатизирующим и т.д. особенно говоря красивые вещи, но на самом деле не имея ввиду, что ты говоришь) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 841].

В кабардино-черкесском языке в значении подхалимство выступают слова **хьэIужажэ, Iужажэгъэ**, где основа слова **Iужажэ** имеет значение и **щхьэ** и **фейдэ** **лхьыхуэрэ зыгуэрэм егъэлеяуэ, гурымышху хуэжыIэщIэ, зыхуэзыгъэш, еубзэ, декIуэдэжэ, хьэIужыж-мыIужыж** (букв.: человек, который ради своей выгоды чрезмерно, неприятно выполняет все, что ему говорит другой человек, льстит этому человеку, бежит за этим человеком, подхалимничает этому человеку) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 844], в английском языке – слова **subservience**, где основа слова прилагательное **subservient** имеет значение **always obeying another person and doing everything they want you to do** (букв.: всегда подчиняться другому человеку и делать все, что он от тебя хочет) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1656]; **flattery – praise that you do not really mean** (букв.: похвала, которую ты на самом деле не подразумеваешь) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 609]; **sycophancy**, где основа слова прилагательное **sycophantic** имеет значение **someone who praises powerful people too much because they want to get something from them** (букв.: кто-то, кто слишком хвалит влиятельных людей, потому что хочет что-то от них получить) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1683].

В кабардино-черкесской и английской ЯКМ лицемер ассоциируется с волком: **мэлыфэ зытеубгъуа (зытезыгъэльэда) дыгъужь** – (букв.: волк в овечьей шкуре или английское); **wolf in sheep's clothing** – (букв.: волк в овечьей шкуре). Образ волка в овечьей шкуре возник из Евангелия, где говорится: «Берегитесь

лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» [Библия 2006: 1045]. Таким образом, данное выражение отражает религиозное миропонимание адыгского и английского народов **дыгъужьыгу бажэкIэщ** – (букв.: с сердцем волка, с хвостом лисы); «**Уи гупэ хуэбгъазэмэ, зыпхуегъэбажэ, щIыбагъ бгъэзэжмэ, къыпхуэдыгъужьщ**» - (букв.: Лицом стоишь – он к тебе лисой, спину показал – он к тебе волком); «**Dumb dogs are dangerous**» – букв.: «Немые собаки опасны». Образ, лежащий во внутренней форме следующего ФЕ, вызывает пренебрежение: **crocodile tears** – (букв.: крокодиловы слезы), так как известно, что, съедая свою жертву, крокодил льет слезы.

И в кабардино-черкесском, и в английском языках для характеристики лицемерного человека используются паремии, в которых сопоставляются два действия или качества, которые сами по себе являются противоположными по отношению друг к другу. Основными компонентами данных паремий являются кожа («**И фэр дахэрэ и кур фауэ**» – букв.: «Кожа красивая, а середина гнилая»); спина («**И щIыбыр дахэрэ и кIуэцIыр нэщIу**» – букв.: «Спина (или фасадная сторона) красива, а нутро пусто»); сердце + голова («**Гу къабзэ щхьэ цIапIэ**» – букв.: «Чистое сердце, но дурная (грязная) голова»; «**Щхьэ къабзэ гу бзаджэ**» – букв.: «Чистая голова, но злое сердце»); сердце + лицо («**Напэ къабзэ гу бзаджэ**» – «Чистое лицо, но злое сердце»); сердце + язык («**И бзэр IэфIщ, и гур фIейщ**» – букв.: «Язык сладкий, а сердце грязное»; «**И бзэр IэфIщ, и гур фIыцIэщ**» – букв.: «Язык сладкий, а сердце грязное»), **дахэжыIэ фIымыщIэ** – букв.: говорящий красиво, делающий мало; «**Уепльмэ, дахэщ, зэгуахмэ, банэщ**» – букв.: «Посмотришь - красиво, разрежешь – внутри колючки – шипы»; «**With handkerchief in one hand and sword in the other**» – (букв.: С платком в одной руке и с мечом в другой); «**Cry with one eye and laugh with the other**» – букв.: «Плакать одним глазом и смеяться другим»; «**Carry fire in one hand and water in the other**» – букв.: «Нести огонь в одной руке и воду в другой». Злой человек говорит одно, а думает совсем другое, вот почему речь лицемера ассоциируется со сладостью, приторностью: «**Псалъэ IэфIрэ гу фIейуэ**» – букв.: «Сладкое слово, а сердце грязное»; «**И бзэр IэфIрэ и кIуэцIыр гуанэу**» – букв.: «Язык сладок, да внутри

колючки»; «И бээр ГэфГрэ и гур фГейуэ» – букв.: «Язык сладок, да сердце грязно». В этом контексте интересна пословица «НысащГэ мышынэ мэл щхэ фГэбзам щошынэ» – «Бесстыжая невестка может бояться резаной бараньей головы» – (букв.: невестка, которая ничего не боится, пугается головы зарезанного барана) (о наглom человеке, который прикидывается ягненком); = прикинуться невинной овечкой). Известно, что, по адыгскому этикету, идеалом поведения невестки и женщины вообще является скромность, кротость.

В основе следующих ФЕ английского языка лежит понятие двойственности, т.к. действия лицемера – это «двойная» игра: **double game** – (букв.: двойная игра) – *двуличие, лицемерие*; **play double/ play a double game** – (букв.: вести двойную игру) – *лицемерить*; **bear two faces under one hood** – (букв.: носить два лица под одним капюшоном).

В английской ЯКМ понятие «лицемерие» категорически неприемлемо по отношению к друзьям: «**False friends are worse than open enemies**» – (букв.: *Фальшивые друзья опаснее открытых врагов*); «**Better an open enemy than false friend**» – (букв.: *Лучше явный враг, чем фальшивый друг*). Лицемерных друзей англичане называют: «**Fair – weather friend**» – букв.: «*Друг в хорошую погоду*».

В основе следующего фразеологизма английского языка **play fast and loose** – (букв.: *играть быстро и проиграть*) быть неискренним, говорить одно, а делать другое лежит старинная игра, в которую играли главным образом на ярмарках в Англии. Суть этой игры заключалась в следующем: на палку то туго наматывался, то распускался ремень (или веревка), причем зрители не могли уловить ловкую манипуляцию и неизменно проигрывали пари. Символом лицемерия в английской ЯКМ являются яблоки Содома: (**the apple of Sodom/dead sea apple (fruit)**). По преданию, около Содома, расположенного неподалеку от мертвого моря, росли красивые яблоки, превращавшиеся при первом прикосновении к ним в дым и пепел.

Другим репрезентантом зла является подхалимство, которое подразумевает ложь, фальшь и неискренность. В исследуемых нами лингвокультурах подхалим характеризуется следующими эпитетами: «**Жьыр кьыздепщэмкГэ зегъазэ**» –

букв.: «Поворачивается туда, куда ветер дует»); **toad – eater** – букв.: поедатель жаб; **eat smb's toads** – быть лизоблюдом (букв.: есть чьих-либо жаб). Англичане ассоциируют льстеца с шакалом: **the lion's provider** – букв.: поставщик льва (прозвище шакала). Основное занятие льстеца, подхалима – это высокопарные слова, сладкая речь: **high language** – высокопарные, «громкие» слова (букв.: высокий язык); **holiday speeches** – пышные фразы, льстивые речи (букв.: праздничные речи). Льстивую речь англичане ассоциируют с католическим песнопением: **sing placebo** – лизоблюдничать, подхалимничать (букв.: петь Плацебо) – «Я буду угоден» – это первое песнопение католической заупокойной вечерни. Следующая пословица кабардино-черкесского языка подтверждает, что тот, кто не говорит сладких речей, не обманывает: «Дахэ жызымыІэм укыигъапцІэркъым» – (букв.: тот, кто не говорит красивых речей, не обманывает).

Основной орган речи, как известно, – язык. Так, главным компонентом следующих ФЕ английского языка является соматизм «*tongue*» (язык): **oil one's tongue** – льстить, произносить елейные речи (букв.: смазать маслом чей-либо язык); **an oily tongue** – елейность, льстивость (букв.: масляный язык); **silver (smooth) tongue** – (букв.: серебряный (гладкий) язык).

В английской ЯКМ лести ассоциируют также с маслом: **lay the butter on** – грубо льстить, усиленно расхваливать; с мылом: **soft soap** – лести, комплименты; с медом: **(as) sweet as honey** – льстивый, неискренний. Отметим, что «маслянистость» и «гладкость» языка и речи говорит о том, что речь льстивого человека так высокопарна и хорошо заучена, что «скользит как по маслу».

В основу следующего фразеологизма лег образ рыжей лошади: **curry favour with smb** – заискивать, подхалимничать. **Curry favour** – искаженное **curry favel** от старофранцузского **estriller fauvel** – чистить скребницей рыжую лошадь. Рыжая лошадь считалась олицетворением хитрости и обмана.

Внутренняя форма следующей ФЕ английского языка несет в себе отражение национальной ментальности: **have kissed the Blarney stone** – (букв.: поцеловав камень Бларни). По преданию, каждый, поцеловавший камень, находящийся в замке Бларни в Ирландии, получал дар льстивой речи.

Следовательно, в кабардино-черкесской и английской ЯКМ репрезентанты «лицемерие», «подхалимство» имеют универсальные признаки. В кабардино-черкесском, английском языках ФЕ и паремии эксплицируют двойные стандарты, ассоциируются со сладкой речью или сладким языком.

Семантический репрезентант «гордыня»

Гордыня является одним из грехов любой религиозной этики. Во многих языках слова гордый, гордость длительное время употреблялись для обозначения отрицательных качеств человека. Однако позже гордостью стали называть чувство сильного, ярко выраженного собственного достоинства. Гордыня – источник зла, один из больших человеческих пороков. Это чувство наполняет человеческую душу злом, делает человека бесчувственным и черствым. Но следует различать понятия «гордость» и «гордыня». Гордость всегда являлась неизменным моральным качеством адыгов, в то время как гордыня и высокомерие осуждались адыгским этикетом.

В кабардино-черкесском языке гордыня выражена словом **пагагъэ**, где основа слова **пагэ** имеет следующие значения: **1) и щхъэ пщІэ зэрыхуищІыжыр зи хъэлым, щытыкІэм, къыхэщ** (букв.: человек, по характеру и поведению которого видно, что он с чувством собственного достоинства); **2) зыхэзыІэтыкІ, зыкъызыфІэщІыж, зи къару, дахагъэ зи напщІэ тель** (букв.: высокомерный, заносчивый, тот, кто гордится своей силой и красотой) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 548], в английском языке – словами **pride**, которое имеет следующие значения: **1) feeling that you are proud of something that you or someone connected with you has achieved** (букв.: чувство, что вы гордитесь чем-то, чего достигли вы или кто-то, связанный с вами), **2) a feeling that you like and respect yourself and that you deserve to be respected by other people** (букв.: чувство, что вы любите и уважаете себя и что вы заслуживаете уважения со стороны других людей), **3) a belief that you are better than other people and do not need their help or support** (букв.: вера в то, что ты лучше, чем другие люди и не нуждаешься в их помощи и поддержке) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1298]; **arrogance – when someone behaves in a rude way because they**

think they are very important (букв.: *когда кто-то ведет себя грубым образом, потому что думает что очень важен*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 70]; **hubris – too much pride** (букв.: *слишком много гордыни*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 793].

По мнению Б.Х. Бгажнокова [1999] «эпитет «гордый» – *пагэ* несет отрицательную характеристику, так как выражает высокомерие, заносчивость, претенциозность. Адыги говорят, что гордость разрушает, ослабляет разум: «**Пагагъым акъылыр еIуб**» (букв.: «*Высокомерие сплетничает о разуме*»). Однако такое качество, как **щхъэлытэж, щхъэм и пщIэ** (чувство собственного достоинства) одобряется, если оно не трансформируется в гордыню. Гордость, перерастающая в гордыню, означает преувеличенное самолюбие, что, в свою очередь, является несомненным пороком, **щIагъуэ хъун** – *возгордиться*. Так, в кабардино-черкесском языке мы выделили подгруппу со значением «необоснованная гордость»: **зыкIэрымыль пэIагэ** – *нос задирает, а за душой ничего нет* (букв.: *гордость, за которой ничего нет*), где *пэIагэ* – букв.: нос + высокий; «**ХэпIиикI щхъэмыж напэ надэщ**» – «*Голову держит высоко, да пусто в ней*» (букв.: «*Колос, возвышающийся над остальными, бывает пуст*»). И в кабардино-черкесском, и в английском языках гордыня имеет свои внешние проявления: **IупщIэ щIын** – *оттопырить губы* (в знак презрительного отношения к кому-либо); **пэр дэгъэзеин** – *задирать нос*; **щхъэр къэIэтын** – *задрать голову, обнаглеть*; «**ХъэмлашкIэ къызэрыкIам IупщIэ хуещIыж**» – «*Улитка делает презрительную гримасу раковине, из которой только что вышла*» (т.е. возомнила о себе, позабыв, что сама там сидела); «**Щхъэлыкъуэ хыву и пэр дрегъэзей**» – «*Задирает нос*» (букв.: «*Задирает нос, подобно шалушкинскому буйволу*»); **wind in the head** – *зазнайство, самодовольство* (букв.: *ветер в голове*); **go about with one's head in the air** – *важничать, задаваться, задирает нос* (букв.: *ходить вокруг с головой в воздухе*); **cock (hold up) one's nose** – *задирать, поднимать нос, важничать* (букв.: *поднять свой нос*); **high (proud) stomach** – *высокомерие* (букв.: *высокий/горделивый живот*). Следует также отметить, что компонентами данных

ФЕ и паремий являются соматизмы «*nə*»/«*nose*» (нос), «*lʊnə*» (губы), «*ʃxʲə*»/«*head*» (голова), «*stomach*» (живот).

О человеке, презиравшем людей, говорят «**фу, цыхумэ**» (букв.: «*цыху*» – человек, «*мэ*» – запах), т.е. человек, презиравший человеческий запах. Междометие «Фу», вызывающее эмотивную реакцию (“–“), придает данному выражению более яркую экспрессивную окраску. Англичане также презирают такое качество, как гордыня. Высокомерного человека называют: **proud as Lucifer** – *гордый, как дьявол*; «**He thinks himself God Almighty**» – букв.: «*Он считает себя всемогущим Богом*».

В английском языке семантическая группа «высокомерие» репрезентируется при помощи метафорического переноса человек → животное: **be on the high horse** – *важничать, высокомерно держаться* (букв.: *быть на высокой лошади*). Данный фразеологизм имеет историческое основание. Выражение возникло в связи с тем, что феодалы, обыкновенно сражавшиеся верхом, презрительно относились к пехоте, состоявшей из наемников или простолюдинов. **(as) proud as a peacock** – *спесивый, горделивый, тщеславный* (букв.: *такой же горделивый, как павлин*); **play the peacock** – *спесиво, высокомерно держаться, важничать* (букв.: *играть павлина*). В основу внутренней формы лег образ павлина. Это эталонизированный образ птицы, создающий представление о высокомерном поведении человека.

В следующей группе ФЕ английского языка в роли лексических доминант выступают прилагательные и глаголы, характеризующие высоту или движение вверх, тем самым подразумевая превосходство одного человека над другими: **high and mighty** – *высокомерный, надменный* (букв.: *высокий и могущественный*); **be on the high ropes** – *надменно держаться, смотреть свысока* (букв.: *быть на высоком канате*); **lift up the horn** – *держаться высокомерно, возгордиться* (букв.: *поднять рог*); **set up one's comb** – *задирать нос, важничать* (букв.: *задрать гребешок*). Последний фразеологизм ассоциируется с поведенческим образом петуха.

Социальной направленностью обладают следующие ФЕ английского языка: **bloated aristocrat** – «*дутый аристократ*». Данный пример несет историческую подоплеку. В 18–19 вв. в Англии так называли людей, кичащихся своим положением, званием и богатством: **be unwilling to call the king one's cousin** – *заязниться, возгордиться, упиваться своим положением (букв.: не желать называть короля своим кузеном)*. Лексема «*king*» (король), которая указывает на принадлежность человека к наивысшему сословию, лишь усиливает отрицательную оценку.

Таким образом, в кабардино-черкесском и английском языках гордыня ассоциируется с высокой позицией тех или иных частей человеческого тела, либо самого человека (вероятно, это связано с тем, что у горделивого человека завышенная самооценка), поэтому она эксплицирована лексемами, обозначающими животных с горделивыми повадками.

Семантический репрезентант «жадность»

Жадность – это жажда приобретательства, один из семи смертных грехов, поскольку приводит к умножению забот и попечений, к внутренней злобе и замкнутости, а также провоцирует страх утраты и гнева на возможных конкурентов и завистников. В кабардино-черкесском языке жадность репрезентирована словами **нэпсеягъэ** (где основа слова *нэпсей* имеет следующее значение: **мыльку, шхын, нэгъуэщIхэмкIэ зызымыгъэнщI, имыIэм зи нэ къыхуикI иIэр зигу пымыкI** – *букв.: тот, кто не может насытиться богатством, яствами и прочим, тот, кто не может расстаться с тем, чем он обладает*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 534], **быдагъэ** (где основа слова **быдэ** имеет следующее значение: **нэпсей, зи гумрэ зи псэмрэ хуимыт, къэзэр** – *букв.: жадный, тот, кто не владеет ни сердцем, ни душой, неуступчивый при продаже*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 53], в английском языке – словами **greed** – **a strong desire for more food, money, power, possessions etc than you need** (*букв.: сильное желание иметь больше еды, денег, власти и т.д. чем тебе необходимо*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 709]; **avarice** – **a desire to have a lot of money that is considered to be too strong** (*букв.: чрезмерное желание иметь много денег*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 86]; **covet-**

ousness, где основа слова прилагательное **covetous** имеет значение **having a very strong desire to have something that someone else has** (букв.: *иметь сильное желание обладать чем-либо, что есть у кого-либо*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 363]; **cupidity** – **very strong desire for something, especially money or property** (букв.: *очень сильное желание иметь что-то, особенно деньги и имущество*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 383]; **rapacity**, где основа слова прилагательное **rapacious** имеет значение **always wanting more money, goods etc than you need or have a right to** (букв.: *постоянное желание больших денег, товара и т.д. чем тебе нужно или на что ты имеешь право*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1357].

Жадного человека характеризуют следующие выражения кабардино-черкесского и английского языков: **Іэгу пІащІэ** – букв.: *плоская ладонь*; **мывэ тыкьырщ** – букв.: *как кусок камня*; **flay a flint** – букв.: *снимать кожу с кремня*; **flay a flea for the hide and tallow** – букв.: *снимать кожу с блохи для шкуры и сала*. Ненасытность жадного человека выражена в следующих поговорках кабардино-черкесского языка: «**Цыху напсейр тенджызым тогужьейкІ**» – «*Для жадного море кажется пригоршней*» (букв.: *жадный человек беспокоится даже из-за океана (из-за страха лишиться его)*); «**Мэл мин зиІэ жьагъэ игу пыкІыркъым**» – (букв.: *Имеющий тысячу овец не подарит ни одной*); «**Уи жьэм жьыдэльыр кьыбжьидитхьынщ**» – (букв.: *Вырвет то, что у тебя во рту*).

Лексическими доминантами поговорок кабардино-черкесского языка со значением «жадность» являются зоонимы: «**Дзыгъуэ напсейр шэм етхьэлэ**» – (букв.: *Жадная мышь в молоке захлебывается*); «**Аргъей зэз бзу кхъуей, жи**» – «*Он может пожелать желчи комара, да сыра воробьиного*» – букв.: *Требуется комариного желчного пузыря и сыра из птичьего молока* (Это выражение может характеризовать заоблачные запросы человека, у которого есть все, но для полного счастья не хватает только этих недостающих продуктов).

Известно, что адыги отличались своим гостеприимством, щедростью, доброжелательностью, поэтому такая человеческая черта, как жадность, резко осуждалась. Адыги были уверены, что Бог наказывает человека за жадность. Это мне-

ние подтверждено языковым материалом: «**Зи Ыхьэ зыфІэмащІэм хьэм фІешх**» – (букв.: *Кому своего мало, у того собака кусок съедает*); «**Напсейр насыпыншэщ**» – (букв.: *Жадный человек несчастен*).

Безусловно, жадность как порок не может существовать вне понятия «денег», так как основной целью жадного человека являются деньги. Так, в кабардино-черкесском языке основным компонентом следующих паремий является лексема «**кІэпІейкІэ**» (копейка): «**кІэпІейкІэм щІэгупсысурэ сомыр трильхьащ**» – «*Дрожал за копейку, а потерял рубль*»; «**кІэпейкІэм цІэ треукІэ**» – «*Дрожит над копейкой*» (букв.: «*На копейке давит вошь*»). Копейка – это самая маленькая денежная единица. Таким образом, наличие образа наименьшей денежной единицы придает данным выражениям яркую экспрессивную окраску. Кроме того, глаголы «дрожать», «давить вошь» подчеркивают чрезмерную человеческую мелочность, жадность. В английском языке своя мера денежного измерения, поэтому вместо характерной для кабардино-черкесской ЯКМ наименьшей денежной единицы «**кІэпІейкІэ**» (копейка) употребляются характерные для английской ЯКМ названия мелких денежных единиц: **pounds – shillings – and – pence** – *денежный, меркантильный, расчетливый* (букв.: *фунты, шиллинги и пенсы*); «**A penny soul never came to two pence**» – «*Мелочный человек никогда не добьется успеха*» (букв.: «*Душа ценою в один пенс никогда не станет двухпенсовой*»). В американском варианте английского языка крайняя степень жадности выражена в следующем фразеологизме: **he'd take a candy from a baby** (букв.: *Он возьмет леденец у ребенка*). Помимо жадности человека данная ФЕ характеризует и его подлость, вызывая крайне отрицательные эмоции. Так как при прочтении внутренней формы перед нами возникает образ человека, который ввиду своей жадности и подлости готов отобрать у ребенка конфету. Англичане считают, что жадный человек отличается своей мелочностью: **strain at a gnat** – *быть мелочным, дрожать над каждым грошом* (букв.: *сцезживать комара*); **strain at a gnat and swallow a camel** – *обращать внимание на мелочи, а не на основное* (букв.: *отцезживать комара и проглотить верблюда*).

В английской ЯКМ жадность – это еще и корысть: «**He that serves God for money will serve the devil for better wages**» – (букв.: *Тот, кто служит за деньги Богу, будет служить и дьяволу за лучшее жалование*); **kiss the child for the nurse's sake** – *поступать корыстно, лицемерить* – букв.: *целовать ребенка ради няни* (то есть проявлять теплые чувства не к ребенку, а к няне). Однако в английской ЯКМ корыстной бывает и любовь. Детскую корысть, желание детей получить что-либо называют **cupboard love** – букв.: *любовь к буфету* (Здесь буфет – это место, где взрослые хранят различные сладости. И, возможно, ради того, чтобы получить желаемое, дети идут на различные хитрые уловки). Корыстную любовь приходится наблюдать и среди взрослых, когда те готовы связать свою жизнь с богатым, но нелюбимым человеком. Так, фразеологизм английского языка **Smithfield bargain** имеет национальный характер. *Smithfield* – это центральный мясной рынок в Англии. То есть, выйдя замуж за владельца мясной лавки, можно обеспечить себе безбедное будущее.

Таким образом, в кабардино-черкесском и английском языках жадность репрезентирована в ФЕ и паремиях, описывающих действия, бессмысленную возню ради выгоды, характеризующих мелочных, жадных людей. В обеих ЯКМ жадность ассоциируется с наименьшей денежной единицей.

Семантический репрезентант «трусость»

«Трусость – одно из выражений малодушия; отрицательное моральное качество, характеризующее поведение человека, который оказывается не в состоянии совершить поступки, соответствующие моральным требованиям, из-за неспособности преодолеть страх перед природными или общественными силами» [Словарь по этике 1981: 346–347]. Трусость – это не просто индивидуальное свойство психики того или иного человека, а социальное явление. Адыгская этика отвергает это качество и признает только мужество (**лЫгьэ**), которое является несомненной добродетелью. Ведь в адыгском этносознании под мужеством понимается благородство – **фЫы, фЫгьэ** и отсюда определения: **цЫхуфI** – «благородный человек», **лЫфI** – «благородный муж». Адыги также считают, что мужественному человеку свойственны такие качества, как доброта и сострадание. Так, в тол-

ковом словаре адыгейского языка человечность определяется как мужество – **лЫгъэ** и сострадание – **гущІэгъу** [Хатанов, Керашева 1960: 630]. Из вышесказанного следует вывод, что трусость – это отсутствие благородства и добродетели, то есть зло.

В кабардино-черкесском языке трусость выражена словами **къэрабгъагъэ** (где основа слова **къэрабгъэ** имеет значение **лЫгъэншэ, шынэгъуафІэ** – букв.: *тот, в ком нет мужества, тот, кого легко запугать*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 372], **шынэкъарабгъэ** – **шынэкъэрабгъэм хэль къэрэбгъагъэ, Іэнкуныгъэ, пІейтеиныгъэ** (букв.: *боязливость, которая присутствует в трусливом человеке, растерянность, беспокойство*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 767], в английском языке – словами **cowardice = cowardliness**, имеющее значение **lack of courage** (букв.: *отсутствие храбрости*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 363].

Иногда в основе действий труса может лежать опасение навлечь на себя неблагоприятные последствия: «**Къэрабгъэр япэ мауэ**» – (букв.: *Трус бьет первым*); **cowards are cruel** – (букв.: *трусы жестоки*). Так, по мнению кабардинцев, из-за одного труса может погибнуть целое войско: «**Зы къэрабгъэм дзэ псо докІуэд**» – (букв.: *из-за одного труса гибнет все войско*). Следующие ФЕ и паремии кабардино-черкесского и английского языков характеризуют крайнюю степень человеческой трусости: **кІэцІу дунейр ехь** – (букв.: *всю жизнь дрожит*); «**Пабжьэр зыгъэхъеяр дыгъужьищэу къыфІошІ**» – (букв.: *От шороха кустов ему помешалось, будто там сидит сто волков*); **be afraid of one's shadow** – (букв.: *бояться собственной тени*); **shake in one's shoes** – *дрожать от страха* (букв.: *дрожать в собственных туфлях*). Вообще, глагол «**shake**» (дрожать, трястись) как нельзя лучше характеризует поведение трусливого человека. Так, в основу следующего фразеологизма английского языка **to shake like an aspen leaf** – (букв.: *дрожать как осиновый лист*) лег образ осинового листа и представление о том, что происходит с листьями в ненастную погоду.

При прочтении внутреннего содержания следующих выражений английского и кабардино-черкесского языков возникает образ собаки, который лег в основу

данных ФЕ и паремии: «**Къэрабгъэр и кІэми щощтэж**» – (букв.: *Трус и хвоста своего боится*); **get the tail down** – *потерять мужество, струсить* (букв.: *поджать хвост*); **put one's tail between one's legs** – *поджать хвост, струсить* (букв.: *отпустить хвост между ног*). Внутренняя же форма следующего фразеологизма отображает представление о поведении испуганного страуса: **to hide one's head in the sand** – (букв.: *спрятать голову в песок*). Носители кабардино-черкесского и английского языков так же, как и носители многих языков мира, ассоциируют трусливого человека с зайцем (**hare**). Так, о трусливом человеке адыги говорят **тхъэкІумэкІыхьыгу** (букв.: *с сердцем зайца*). В английском языке – **as timid as a hare** – *трусливый, как заяц* (букв.: *боязливый как заяц*).

Страх и ужас в кабардино-черкесской и английской ЯКМ может восприниматься человеческим сознанием как состояние, пограничное со смертью: **хъэдафэ** – *трупный вид* (букв.: *кожа как у трупа*); **Си лъэр сІэщІэкІаш** – (букв.: *кровь из меня ушла*); **pale as death** – (букв.: *бледный, как смерть*); **white as a sheet** – (букв.: *белый, как простыня*). Здесь компоненты цветообозначения «**pale**» (бледный), «**white**» (белый) символизируют цвет кожи умершего человека. ФЕ английского языка **pale as a ghost** – букв.: *бледный, как привидение* отражает философию миропонимания англичан. Издавна старинные замки Англии были известны тем, что в них якобы обитают привидения. Так, чувство внезапного страха ассоциируется с внешним обликом привидения. В английском языке мы также выделили ряд ФЕ, лексической доминантой которых является компонент цветообозначения «**yellow**» (желтый), символизирующий трусость, низость, подлость человека: **turn yellow** – *струсить* (букв.: *пожелтеть*); **a yellow dog** – букв.: *желтая собака*; **a yellow streak** – букв.: *желтая прожилка*.

Трусость – это один из человеческих пороков, вызывающий презрение у всех народов мира. В английском языке трусость – это качество приписываемое женщине, но никак не достойное мужчины: **play woman** – букв.: *вести себя, как женщина*.

Основными компонентами следующих ФЕ кабардино-черкесского и английского языков являются соматизмы: **Си гур сІэпыхут** – (букв.: *чуть сердце не уро-*

нил); **Си гур лъэкIампIэм ехуэхуащ** – (букв.: *сердце чуть в пятки не ушло*); **Си гур щIэпхъуэнущ** – (букв.: *сейчас сердце побежит*); **Си псэр дзапэкIэ сIыгъу** – (букв.: *держат душу в зубах*); **cold feet** – *трусость, малодушие* (букв.: *холодные ступни*); **white liver** – *трусость, малодушие* (букв.: *белая печень*); **have one's heart in one's mouth** – *струсить, быть очень напуганным* (букв.: *сердце во рту*).

Как известно, существует ряд ФЕ, связанных с определенными историческими событиями, фактами. Так, выражение **fly the white feather** (букв.: *лететь белому перу*) имеет историческую подоплеку. Известно, что в старину англичане были любителями петушиных боев. Белое перо в хвосте бойцового петуха считалось признаком плохой породы. В Англии и в Австралии получение белого пера считалось обвинением в трусости. Его обычно присылали людям, уклоняющимся от военной службы.

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что трусость как семантический репрезентант концепта «*Iей*»/«*evil*» и в кабардино-черкесской, и в английской ЯКМ представлена в ФЕ и паремиях, описывающих действия и внешние проявления труса: «кожные покровы бледнеют», «печень белеет», «жилы желтеют», «ступни становятся холодными», «учащается сердцебиение», «душа готова выскочить из тела».

Семантический репрезентант «лень»

Лень – это одна из форм зла, которая ограничивает человека. В отличие от других человеческих пороков, которые причиняют зло другим, лень причиняет зло самому человеку. Она лишает его достойной жизни.

Для адыгского самосознания лень особенно неприемлема, так как адыгский народ издавна считался трудолюбивым народом. Джеймс Белл писал в своих очерках, что «черкесы очень искусны и трудолюбивы. Мужчины занимаются уходом за лошадьми и земледелием, старшие женщины занимаются ежедневными заботами по хозяйству, готовят пищу, присматривают за садами, обрабатывают шерсть, лен, коноплю для изготовления одежды, молодые же девушки занимаются также прилежно шитьем, стиркой, пряжей и тканьем и другими подобными работами» [цит. по Мафедзеву 1984: 107].

По мнению адыгов, человек находит счастье в труде. Адыги с раннего детства воспитывали в своих детях трудолюбие. Так, С.Х. Мафедзев пишет: «Труд был самым главным в воспитании. Но он был не только целью и средством воспитания. Трудолюбие, умение работать споро, хорошо и в свое удовольствие – это итог, результат трудового воспитания. К тому, кто пренебрегал физическим трудом или занимался им с неохотой, народ относился неуважительно» [Мафедзев 1984: 17]. Люди говорили: «**ЛэжьэкIэмыщIэ щIакIэ и Iыхьэщ**» – (букв.: «*Кто не умеет трудиться, тому достанутся отходы*»); «**Мылажьэр щхьэусыгьу-абэщ**» – «*Кто не умеет работать, тот много находит причин для своего безделья*», то есть у адыгов трудолюбие являлось одним из показателей человеческих достоинств, поэтому фразеологизмы и паремии семантической группы «лень» несут оттенок пренебрежения, презрения и злости по отношению к субъектам подобных действий.

В кабардино-черкесском языке лексема «лень» выражена словами **щхьэхы-нагьэ** (где основа слова **щхьэхын** имеет значение **Iуэхум хуэмыжыджэру, лэжьэн фIэмыфIу щытын** – букв.: *тот, кто нерасторопен в делах, кто не любит трудиться*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 782], **хуэмыхугьэ** (где основа слова **хуэмыху** имеет следующие значения: **1) жьажьэ, щхьэхынэ** – букв.: *нерасторопный, ленивый*; **2) арму, мыIэкIуэлякIуэ, мыIэпщIэляпщIэ** – букв.: *бестолковый, неловкий, тот, кто неискусен в делах*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 708]. В английском языке лексема «лень» репрезентирована словами **laziness**, где основа слова прилагательное **lazy** имеет следующие значения: **1) not liking work or physical activity, or not making any effort to do anything** (букв.: *не любит работу или физическую деятельность или не предпринимать попыток делать что-либо*), **2) a lazy period of time is spent doing nothing except relaxing** (букв.: *ленивый период времени тратится на то, чтобы ничего не делать, кроме расслабления*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 912]; **sloth – laziness** (букв.: *лень*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1557]; **idleness**, где основа слова прилагательное **idle** имеет следующие значения: **1) not working or producing anything** (букв.: *отсутствие работы или про-*

изводства чего-либо), **2) not serious or not done with any definite intention** (букв.: несерьезно или сделано без какого-либо определенного намерения), **3) lazy** (букв.: ленивый) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 806]; **indolence**, где основа слова прилагательное **indolent**, имеющее значение **lazy** (букв.: ленивый) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 829].

В кабардино-черкесском и английском языках при изучении данного семантического поля мы выделили группу со значением «**абсолютное бездействие человека**»: **зыри мышцІэн** – *бездельничать*; **Іуэхуи-дэљи иІэркъым** – *бездельничает* (букв.: у кого дел нет); **sit like a bump on a log** – *ничего не делать, бездельничать* (букв.: сидеть, как шишка на бревне); **keep hands in pockets** – *сидеть сложа руки* (букв.: держать руки в карманах); **not to lift a hand** – *букв.: даже руки не поднять*; **to fold one's arms** – *сидеть сложа руки* (букв.: сложить руки); **not to stir a finger** – *(букв.: и пальцем не пошевелить)*. Соматизмы «**arm**», «**finger**», «**hand**» характеризуют те части человеческого тела, которые необходимы для того, чтобы произвести какое-либо действие.

В кабардино-черкесском языке бездельника характеризуют следующие выражения: **лэгъунакІуэ щауэ** – *бездельник* (букв.: жених, постоянно находящийся в спальне – считалось постыдным жениху находиться в спальне в дневное время дня. Жених заходил в спальню поздно вечером, а выходил рано утром); **уэсэпсхэмышьэ** – *белоручка, бездельник* – *букв.: тот, кто не заходит в утреннюю росу* (Здесь имеется ввиду тот факт, что ленивый человек не встает рано, чтобы трудиться, когда на траве лежит утренняя роса); «**И лъэщІ вы тетщ**» – «*Ленивый, неповоротливый*» (букв.: «*На его ногах вол стоит*»).

О нерасторопности, неповоротливости ленивого человека и как следствие этого **о недобросовестном отношении к работе** свидетельствуют следующие паремии кабардино-черкесского и английского языков: «**Хуэмышум зимыгъазэурэ, мазэр къохъэж**» – *букв.: Пока ленивый повернется, луна скроется*; «**Жыхафэгур зи шэджагъуакІуэ**» – *букв.: «Тот, кто за полдня проходит расстояние, равное площади комнаты»*; «**Щхъэхынэм и махуэр кІыхъщ**» – *букв.: У лодыря день длинный*; «**Хуэмышу и Іуэху блэкІыркъым**» – «*У ленивого всегда много времени*»

– букв.: *У лентяя дела не проходят мимо* – имеется ввиду, что лентяй не переживает о несделанных делах; **Dodge the column** – уклоняться от работы, лодырничать (букв.: *уклоняться от колонны*); **lie down on the job** – работать спустя рукава (букв.: *лечь на свечу*); **work at low pressure** – работать вяло, неэнергично (букв.: *работать при низком напряжении/давлении*); **work with the left hand** – работать плохо, небрежно (букв.: *работать левой рукой*). Англичане, шутя, высказываются о ленивом человеке: **be born a bit tired** – букв.: *родиться усталым*. Человек, который не находит себя в работе, занимает свое безделье непристойным делом: «**Мылажэм и жьэр инщ**» – букв.: *Кто не работает, у того большой рот*; «**Дыжын лъэнкыперэ уэсэпс хэмыхьу**» – «*Любит наряжаться, да отлынивать от работы*» (букв.: *с серебряными ремешками не заходящий в росу*). По мнению англичан, лень притупляет ум: «**Idleness rusts the mind**» – букв.: «*От лени ржавеет ум*».

В кабардино-черкесской ЯКМ бездельник обладает таким человеческим пороком, как чревоугодие: «**Хадэ щIэгъуэм тамэрэ шатэ шхынкIэ емынэжью**» – «*В еде хорош, а в работе не гожд*»; «**Алыхьыр ещIэ, ящI Iамэ, ешх**» – букв.: «*Аллаха чтит, да ест, что подадут*»; «**Шхэгъуэм деж дыгъужьрэ, лэжьэгъуэм деж жьындурэ**» – букв.: *Как до еды дело доходит он волк, а в работе сова*. В данной ФЕ имеют место ассоциации с животным миром: **шхэгъуэм деж дыгъужьрэ** – т.е. человек, обладающий волчьим аппетитом; **лэжьэгъуэм деж жьындурэ** – известно, что сова в дневное время суток находится в состоянии сна, т.е. человек, занимающийся бездельем.

Мы также выделили ряд ФЕ и паремии кабардино-черкесского языка, характеризующие крайнюю степень лениности человека: «**Щыр бжьэкIэ епщри кьыпыщым тоувэ**» – «*Лени его нет предела*» (букв.: «*Измеряет землю ладонью и наступает ногой на то, что лишнее*»); «**Хуэмыхур дыхьэшхмэ, Iуэху ищIэу кьельытэ**» – букв.: *Ленивому и смех трудом кажется*; «**Щхьэхынэр тэджмэ, унэм исыр псыбафэщ**» – «*Ленивому все в тягость*» (букв.: «*Когда ленивый встает, всем домочадцам хочется пить*»).

Лень является одним из больших человеческих пороков и зол, о чем свидетельствуют такие поговорки английского языка: «**An idle brain is the devil's workshop**» – «*Праздность – мать всех пороков*» (букв.: «*Ленивый ум – это мастерская дьявола*»); «**Idleness is the mother of all evil**» – букв.: «*Лень – это мать зла*»); «**By doing nothing we learn to do ill**» – «*Праздность – мать всех пороков*» (букв.: «*Ничего не делая, мы учимся злу*»).

Некоторые ФЕ и поговорки английского языка, характеризующие бездельника, передают информацию: о животном мире: **lazy dog** – *лентяй, ленивец, лодырь, бездельник* (букв.: *ленивая собака*); **lounge lizard** – букв.: *ленивая ящерица*; «**A cat in gloves catches no mice**» – «*Будешь белоручкой, никакого дела не сделаешь*» (букв.: «*Кот в перчатках не ловит мышей*»); о социальном статусе человека: **the idle rich** – *бездельники – богачи* (букв.: *праздное богатство*); о роде занятий: **drugstore cowboy** – *бездельник, лоботряс* (букв.: *аптечный ковбой*); **afternoon farmer** – *лодырь, бездельник* (букв.: *фермер после обеда*).

Таким образом, проанализировав языковой материал кабардино-черкесского и английского языков, описывающих лень как репрезентант концепта «*Leij*»/«*evil*», можно сделать вывод о том, что данное семантическое поле отображает универсальный признак, объективирующий действия, характеризующие ленивого человека. В кабардино-черкесском языке есть ряд ФЕ и поговорок, которые указывают на медлительность, нерасторопность лентяя и его любовь к еде. В английской ЯКМ лень ассоциируется со злом и действиями, выполняемыми вполсилы.

Семантический репрезентант «злословие»

Сплетни (или злословие, кривотолки), как известно, причиняют много вреда, тем самым являются большим злом. Склонность к ним является большим грехом и одним из человеческих пороков. В кабардино-черкесском языке человека, любящего сплетничать, называют «*бзэгухэ*» (букв.: *бзэгу – язык; зехээн – носить, т.е. тот, кто носит язык*): «**Гъатхэр къэзыхьыр бзу цыклуци, емыклу къэзыхьыр бзэгухэщ**» – «*Птичка – вестник весны, а позор – удел сплетника*».

В кабардино-черкесском языке злословие можно выразить следующими фразами: **бзэджагъэ** (где основа слова **бзаджэ** имеет значение «Е зигу иль» – букв.: у кого в сердце зло) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 47], **псальэ Ией** (где **псальэ** – это слово, **Ией** имеет значение «мыхъумыщІэ, мышІагъуэ, къемызэгъ, фейцей» – букв.: тот, кто ни на что негодный, нехороший, неприемлимый, убогий) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 837], **псальэ дыдж** (где **псальэ** – это слово, **дыдж** имеет следующие значения: **1) Іэфым мыхъэнэкІэ къыпэщыт** – букв.: антоним слову *сладкий, вкусный*; **2) гуапэу щымыт** – букв.: *не милый*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 130]. В английском языке лексема «злословие» выражена словами **backbiting – unpleasant or cruel talk about someone who is not present** (букв.: *неприятные или грубые разговоры о ком-либо, кто отсутствует*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 93]; **slander – 1) a false spoken statement about someone, intended to damage the good opinion that people have of that person** (букв.: *ложное устное заявление о ком-либо, направленное на то, чтобы подорвать хорошее мнение людей об этом человеке*), **2) the crime of making false spoken statements about someone** (букв.: *преступление, заключающееся в устных ложных заявлениях о ком-либо*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1550]; **obloquy – 1) very strong offensive criticism** (букв.: *очень сильная оскорбительная критика*), **2) loss of respect and honour** (букв.: *потеря уважения и чести*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1130].

Основным компонентом целого ряда ФЕ и паремий кабардино-черкесского языка, объективирующих, злословие, является соматизм «бзэгу», «*tongue*» (язык). Благодаря этому органу речевого аппарата мы имеем способность воспроизводить звуки: **бзэгу хьын** – *ябедничать на кого-либо; доносить куда-либо на кого-либо* (букв.: *нести язык куда-либо*); **бзэгу зехъэн** – *быть сплетником, сплетничать, ябедничать* (букв.: *носить, таскать язык*); **бзэгу Іэрыхъэн** – *услышать сплетни; получить донос на кого-либо* (букв.: *получить язык*); **бзэ бзаджэ** – букв.: *злой язык*; **бзэр къэтІэтэн** – *говорить непристойно*, (букв.: *развязать язык*); «**И бзэгу мэхъу (лажьэ мэльыхъуэ)**» – «*Язык чешется*» (букв.: *у него язык исправно работает*); (Суется в чужое дело, не своим делом занимается); «**Акъыл кІэщІыр**

бзэгу кIыхьщ» – букв.: *Кто с коротким умом, тот с длинным языком*; «**The tongue is not steel, yet it cuts**» – «*Злые языки, острый меч*» (букв.: *язык не из стали, но режет*); **the unruly member** – букв.: *неуправляемая конечность*; **a rough tongue** – *грубый человек (грубый язык)*; **a bad tongue** – *злой, ядовитый язык (букв.: плохой язык)*; **a dangerous tongue** – *злой, ядовитый язык (опасный язык)*; **a wicked tongue** – *злой, ядовитый язык (букв.: злобный язык)*; **a shrewd tongue** – *злой, ядовитый язык (букв.: острый язык)*.

Мотивационный компонент следующих ФЕ и паремий немного парадоксален. Ассоциативно-образное представление возникает за счет внутренней формы, в которой проявляется нарушение картины мира. Так, мы знаем, что нет языка, обросшего шерстью: **бзэгуцэ** – *сплетник (букв.: язык, обросший шерстью)*, не бывает раздвоенного языка: **бзэ дыкьуакьуэ** – *сплетник (букв.: с раздвоенным языком)*, также не существует языка с костями: «**Бзэгу кьупщхьэ хэлькьым**» – *букв.: Язык без костей*, не различается также длина языка: **и бзэгу кьолэл** – *сплетник (букв.: у нее висячий язык)*; *длинный язык*.

В кабардино-черкесской ЯКМ такой порок, как склонность к сплетням, характерен для представителей слабого пола, о чем свидетельствует следующий фразеологизм: **фыз псальэ** – *бабий разговор (болтовня, сплетня)*. В английской ЯКМ сплетни ассоциируются с грязью: **fling dirt about** – *распространять грязные сплетни, злословить (букв.: разбрасывать грязь)*; **dish the dirt** – «*Сплетничать о ком-либо*» (букв.: *выложить грязь*). Следующие паремии английского языка предупреждают, что человек, который сплетничает с вами, будет сплетничать и о вас: «**Who chatters to you, will chatters of you**» – (букв.: *Тот, кто сплетничает с вами, будет сплетничать о вас*); «**The dog that fetches will carry**» – (букв.: *собаку, которая приносит, принесут*).

Так, злословие как элемент содержания концепта «*Iей*»/«*evil*» описан в кабардино-черкесском и английском языках и отображает универсальные особенности концепта «зло». В обоих языках в основу ФЕ и паремий, представляющих злословие, входит соматизм «язык», его действия и качественные характеристики. В английском языке злословие ассоциируется с грязью. Однако в кабардино-

черкесском языке злословие расценивается как позор и является следствием отсутствия интеллекта.

Семантический репрезентант «любопытство»

Любопытство считается одним из человеческих пороков, это отрицательное качество человека, то есть зло. В кабардино-черкесском языке нет определенного слова со значением «любопытство». Оно репрезентируется следующими выражениями: **и мылуэху зехуэн** – букв.: *лезть не в свои дела*, **и пэр денкли хьеклу** – букв.: *совать нос не в свои дела*, **и щхэр дэнкли хеклу** – букв.: *совать голову куда ни попадя*. В кабардино-черкесском языке человека, который вмешивается не в свои дела, называют **хьэклэсу** – **имылуэху куэд зезыхуэ, дэнэ сыт кьыщыхьуми зригъэщлэну темытлысхьэу кьэзыжыхь цлыху** – букв.: *тот, который занимается не своими делами, человек, который неугомонно бежит, чтобы разузнать что где происходит* [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 727] В английском языке в значении «любопытство» используется слово **curiosity**: **1) the desire to know about something** (букв.: *желание знать о чем-либо*), **2) someone or something that is interesting because they are unusual or strange** (букв.: *кто-то или что-то, что интересно, потому что оно необычное или странное*) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 384].

Любопытство в кабардино-черкесском и английском языках ассоциируется с таким соматизмом, как «пэ», «nose» (нос): **пэр хэлун** – букв.: *совать нос* (ср. с компонентом «бэлагъэ» (лопата, которой мешают пасту, мамалыгу): **«Фи бэлагъыр си шыуан кьыхэвмылу»** – букв.: *«Не суй свою лопату в мой котел»*); **poke (put/thrust) one's nose into smb's affairs** – букв.: *совать нос в чьи-либо дела*; **nosey Parker** – человек, который всюду сует свой нос, не в меру любопытный (букв.: *носатый Паркер*). Следующие ФЕ возникли на основе произведений художественной литературы и фольклора: **Paul Pry** – человек, сующий нос в чужие дела (*Paul Pry* – это главное действующее лицо комедии Д. Пула «Paul Pry»). Отсюда выражения **to Paul – Pry** – *совать нос в чужие дела*; **Paul Pryism** – любопытство); **peeping Tom** – *чересчур любопытный человек*. Данное выражение происходит от легенды о леди Годиве, жене графа Мерсийского. Граф наложил непо-

сильный налог на жителей города Ковентри. Когда леди Годива заступилась за них, граф сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится поехать обнаженной в полдень через весь город. Чтобы не смущать ее, все жители закрыли ставни своих домов. Единственный, кто стал посматривать в щелку, был портной Том, которого тут же поразила слепота [Кунин 1956: 688].

Лексической доминантой следующего фразеологизма, репрезентирующего любопытство в английском языке, является соматизм «ears» (уши): **long ears** – букв.: *длинные уши*. В данном случае длинные уши характеризуют человека, желающего слышать все. В кабардино-черкесской ЯКМ любопытный человек может получить по заслугам: «**Зи мылуэху зезыхуэм и щхьэм баш техуэнщ**» – «*Кто лезет не в свое дело, тому по голове попадает палкой*».

Таким образом, в обоих языках любопытство как репрезентант зла ассоциируется с излишней активностью некоторых частей тела.

Семантический репрезентант «хитрость»

Хитрость – одно из отрицательных качества человека: с одной стороны, она является способом достижения намеченных целей: «**Хьилэр псальэри лыгьэм и льэр щИиудаш**» – букв.: *заговорила хитрость и сбила с ног смелость*, с другой стороны – хитрость, перерастающая в человеческое коварство, вводит в заблуждение окружающих людей, причиняет им неприятности, то есть является злом. В кабардино-черкесском языке хитрость репрезентирована следующими словами: **хьилагьэ** (где **хьилэ** имеет значение **бзаджагьэ**, **Іэмал** – букв.: *хитрость, уловка*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 735]; **бзэджагьэ** (где **бзаджэ** имеет значение «**Е зигу иль**» – букв.: *у кого в сердце зло*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 47], **хьэкІэкхьэукІагьэ** (**гьэпцІагьэ**, **хьилэшыгьэ**, **укІытэныгьэ**, **бзаджагьэ** – букв.: *обман, изворотливость, бесстыдство, хитрость*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 728]; **хьэкІэпыкІагьэ** (где **хьэкІэпыч** имеет значение **хьилэшы**, **щІэкІыпІэ куэд зыщІэ** – букв.: *изворотливый, тот, который найдет выход из любой ситуации*) [Словарь кабардино-черкесского языка 1999: 727], в английском языке – словом **trick: 1) something you do in order to deceive someone** (букв.: *что-то, что вы делаете для того,*

чтобы кого-то обмануть), **2) something you do to surprise someone and to make other people laugh** (букв.: что-то, что ты делаешь для того, чтобы удивить кого-то или рассмешить людей), **3) something that makes things appear to be different from the way they really are** (букв.: что-то, из-за чего вещи кажутся не такими, какие они есть на самом деле), **4) an unkind or unfair things to do** (букв.: недобрый или несправедливый поступок) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1774]; **cunning – the ability to achieve what you want by deceiving people in a clever way** (букв.: способность достигать того, чего ты хочешь хитроумно обманывая людей) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 382]; **craftiness**, где основа слова прилагательное **crafty** имеет значение **good at getting what you want by clever planning and by secretly deceiving people** (букв.: умение добиваться желаемого с помощью хитроумного планирования и тайного обмана людей) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 365]; **guile – the use of clever but dishonest methods to deceive someone** (букв.: использование умного, но бесчестного способа обмана людей) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 720]; **slyness**, где основа слова прилагательное **sly** имеет значение **someone who is sly cleverly deceives people in order to get what they want** (букв.: тот, кто хитер, ловко обманывает людей, чтобы получить то, что они хотят) [Longman Dictionary of contemporary English 2003: 1559].

В кабардино-черкесском языке хитрого человека характеризуют следующие эпитеты: **хьилэ зыхэль** – хитрый, изворотливый (букв.: тот, в ком есть хитрость); **хьэкIэпыч** – хитрый, изворотливый (букв.: у собаки хвост отрывается); **IэубыдыпIэ иIэкъым (IэубыдыпIэншэ)** – хитрый, коварный, скользкий (букв.: тот, кого за руку не поймать). В английской ЯКМ хитрого человека ассоциируют с представителями животного мира. Эталоном хитрости является **лиса (fox): (as) cunning as a fox** – букв.: хитрый, как лиса; **old fox** – хитрец (букв.: старая лиса); **play the fox** – хитрить (букв.: играть в лису); «**When the fox preaches take care of your geese**» – букв.: «Когда лисица читает проповедь, береги своих гусей». О хитрой девушке шутливо говорят: **sly puss** (букв.: хитрая кошечка), тем самым сравнивая ее с хитрой киской. Англичане также сравнивают хитрого чело-

века с обезьяной (*monkey*): **(as) tricky as monkey** – букв.: *хитрый, как обезьяна*; **(as) artful as a cart-load of monkeys** – букв.: *хитрый, как воз с обезьянами*. При декодировании внутренней формы данной ФЕ мы представляем себе человека, который своим поведением, своей хитростью напоминает скопище обезьян.

Таким образом, хитрость и в кабардино-черкесском, и в английском языках несет в себе негативную оценку. Однако в кабардино-черкесском языке отношение к хитрым людям является более отрицательным и категоричным, нежели в английском языке, так как в основе внутренней формы фразеологизмов кабардино-черкесского языка, которые объективируют хитрость, лежит понятие «коварство».

3.3. Этноспецифические ассоциации понятий *Ией*, *evil* в языковом сознании современных носителей кабардино-черкесского и английского языков (по результатам ассоциативных экспериментов)

Как было указано во вводной части, а также в параграфе 2.3, рассмотрим ассоциат слова-стимула *Ией*. В ходе свободного ассоциативного эксперимента мы получили 100 реакций на слово-стимул *Ией*: *ицIы/ицIыупсын* «ложь/лгать» (7), *ицIыху Ией* «плохой человек» (7), *фIы* «добро» (7), *бзаджэ* «злой» (6), *зауэ/зауэн* «война/воевать» (6), *зэран/зэрэныгъэ* «вред» (5), *фIей* «грязный/грязь» (5), *шынагъуэ* «нечто страшное» (4), *лIэныгъэ* «смерть» (4), *Иейдыдэ* «очень плохое» (4), *Иейын/Иеягъ* «зло/быть злым, плохим» (3), *фыгъуэ* «зависть» (3), *ицIыхум мыхъун ещIэн* «совершить нечто непозволительное по отношению к человеку» (3), *уз* «боль/болезнь» (3), *гузэвэгъуэ* «беда» (3), *гуицIэгъунишэ* «бессердечный» (2), *фIыицIэ* «черный/темный» (2), *нэпэншагъэ* «бессовестный» (2), *угъурсыз* «зловредный/недобрый» (2), *нэицхъеягъ* «мрачность» (2), *псальэмакъ* «ссора» (2), *ицIыхуншагъэ* «нечеловечный» (1), *гуауэ* «горе» (1), *лей ехын* «причинять вред/страдания» (1), *нэ Ией* «дурной глаз» (1), *гу фIей* «черное/грязное сердце» (1), *кIыфI* «темный/черный» (1), *ицIыхум и жагъуэ ицIын* «огорчать человека» (1), *укIын* «убивать» (1), *гуэныхъ* «грех» (1), *жагъуэгъуэ* «враг» (1), *дельагъэ* «дурость» (1), *ицхъэхынэ* «лень» (1), *хъэбыршыбыр* «бессовестный» (1), *губжъын* «злиться» (1), *уэиш къеш-*

хын «идти дождю» (1), хэштIэтI «слякоть» (1), дыдж «горький» (1), мэ Iей «ужасный запах» (1).

При построении полевой модели ассоциативного поля Iей мы также выделили ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии.

Ядро ассоциативного поля «Iей» (21,0 %) составляют такие реакции *пцIы/пцIыупсын* (7), *цIыху Iей* (7), *фIы* (7).

В ближнюю периферию (34,0 %) вошли следующие ассоциаты *бзаджэ* (6), *зауэ/зауэн* (6), *зэран/зэрэныгъэ* (5), *фIей* (5), *шынагъуэ* (4), *лэныгъэ* (4), *Iейдыдэ* (4).

Дальнюю периферию ассоциативного поля «Iей» (27,0 %) формируют такие реакции как: *Iейын/Iеягъ* (3), *фыгъуэ* (3), *цIыхум мыхъун ещIэн* (3), *уз* (3), *гузэвэгъуэ* (3), *гущIэгъуншэ* (2), *фIыцI* (2), *нэпэншагъэ* (2), *угъурсыз* (2), *нэщхъеягъ* (2), *псальэмакъ* (2).

Крайняя периферия (18,0 %) объединяет ассоциации *цIыхунишагъэ* «нечеловечный» (1), *гуауэ* «горе» (1), *лей ехын* «причинять вред/страдания» (1), *нэ Iей* «дурной глаз» (1), *гу фIей* «черное/грязное сердце» (1), *кIыфI* «темный/черный» (1), *цIыхум и жагъуэ щIын* «огорчать человека» (1), *укIын* «убивать» (1), *гуэныхъ* «грех» (1), *жагъуэгъуэ* «враг» (1), *дельагъэ* «дурость» (1), *щхъэхынэ* «лень» (1), *хъэбырышыбыр* «бессовестный» (1), *губжъын* «злиться» (1), *уэиш къеишын* «идти дождю» (1), *хэштIэтI* «слякоть» (1), *дыдж* «горький» (1), *мэ Iей* «ужасный запах» (1).

Большинство испытуемых ассоциируют понятие **Iей** «зло» со словом *пцIы* (*ложь*)/*пцIы упсын* «лгать». Анализ ФЕ и паремий кабардино-черкесского языка показал, что лживость отражается и осуждается в паремиях: «**ПцIы фIы ху-ишэркъым**» – «*Ложь к добру не ведет*»; «**ПцIыр згъэуващ жыпIами, уи пашхъэ къоджэлэж**» – «*Как не пытайся поставить ложь на ноги, она рухнет у всех на глазах*»; «**ПцIым и льякъуэр кIэщIщ**» – «*У лжи ноги коротки*»; «**ПцIыр Iуданэ хужькIэ дащ**» – «*Ложь белыми нитками шита*».

Рассмотрим ассоциат *цIыху Iей* «плохой человек». Адыгский этикет порицает отсутствие человеческого благородства и призывает к человеческой нравственности: «**ЦIыху Iейм ифI зыми зрихуэркъым, къарищIам хуэдэ иращIэжыну**

хэтхэш» – *Непорядочного и злого человека никто не уважает, а все нороят от-
ветить ему тем же*; **«Цыху Иейм и Иеягым токгуэдэж, жыхуиЭэш**» – *Злой че-
ловек страдает из-за своего же зла*; **«Цыху Иейм илэжыыр кышцокгуэж, абы
кышыщым и щхьэусыгьуэр езым илэжяхэрщ**» – *Злой человек страдает из-
за им же совершенного зла*. Во главе угла *Адыгэ хабзэ* стоит сам человек, его чи-
стота и порядочность, что подтверждают следующие выражения: **«Цыху хьун**» –
«Стать человеком»; **«Цыху щын**» – *«Сделать кого-либо человеком»*.

Некоторые участники эксперимента отождествляют понятие **«Ией»** «зло» с
понятием **фы** «добро». Как мы указали выше, мы связываем это с восприятием
мира в двух противоположных ипостасях – хорошо/плохо, белый/черный, доб-
ро/зло и т.д. Другие воспринимают понятие **«Ией»** как *бзаджэ* «злой», *бзэджагьэ*
«злость», «коварство». Адыги предостерегают: **«Бзаджэ гьусэ умыщI»** – *«Со злым
поведешься – беды не оберешься»*; **«Бзаджэм фы доунэху»** – *«Со злым и добрый
пострадает»*; **«Бзаджэ чэнджэщэгьу умыщI»** – *«Не бери злодея в советчики»*.

Со злом ассоциируется война **«зауэ»**, военные действия **«зауэн»**. И это не
случайно. Война – самая большая беда, которая не щадит никого, оставляет неиз-
лечимые раны на человеческих душах: **«Зауэ тхьэгьуэ щыIэкьым»** – *«Война –
не малина»*; **«Зауэм и кIэр хьэдагьэш»** – *«Конец войны – похороны»*; **«Зауэ
тыншрэ шэ фэбжьыфIрэ щыIэкьым»** – *«Не бывает легкой войны и хорошего
ранения»*. Со злом ассоциируется и убийство **«цыху укIын»**. Убийство – это
насильственное лишение жизни, дарованной Богом, торжество зла, которому не
может быть оправдания.

Со злом ассоциируются ряд недопустимых в *Адыгэ хабзэ* действий, причи-
няющих вред, зло, бесчинство: *зэраныгьэ, лей зехьэн* «причинение вреда», *цыхум
мышьун ищIэн* «совершать неправильные поступки», *цыхум и жагьуэ пцIын*
«обижать людей».

Обращают на себя внимание ассоциации зла с чем-то грязным **«фIей»**, с
грязным сердцем *«гу фIей»*, грязь не только как физическое проявление неряшли-
вости и нечистоплотности, но и как отрицательные проявления человеческих ка-

честв. Эталонном для адыгов является чистота «къабзэ/къэбзагъ»: «Гу къабзэ» – «Чистый сердцем, честный»; «Гур къабзэ хъун» – «Просветлеть сердцем».

В языковом сознании некоторых испытуемых зло предстает как *кЫфI* «тьма/темнота», *фЫцIэ* «черный». У многих народов мира черный цвет ассоциируется со смертью, трауром. У адыгов черный цвет – символ жертвоприношения. Во времена язычества празднование нового года (22 марта) сопровождалось жертвоприношением черного быка, барана или черной курицы, что означало победу светлых духов над злыми. То есть, сжигая черную плоть, адыги уничтожали зло.

Согласно полученным данным, *Ией* – это также нечто страшное, устрашающее, приводящее к гибели «шынагъуэ», смерть «лIэныгъэ», отчаяние, волнение, горе «гузэвэгъуэ» (досл. то, что варится, кипит в груди), горе «гуауэ» (досл. удар в сердце). Интересно и то, что в кабардино-черкесском языке лексемы *гузавэгъуэ* и *гуауэ* имеют некую физиологическую особенность: «Гуауэ щЫIэ» – «Жестокое горе (досл.: холодное горе); «Гузэвэгъуэ щЫIэ» – «Холодный ужас». Прилагательное *щЫIэ* «холодный» усиливает отрицательную коннотацию данных лексем. В основе слова *шынагъуэ* «нечто страшное» лежит отрицательное, презируемое адыгами внутреннее состояние человека *шынэ* «страх»: «Шынэр унэмкIэ йоуэ» – «Труса тянет домой»; «Шынэкъэрабгъэр къеплъэкIырилэш» – «Трус часто оглядывается». Мы полагаем, что данный ассоциативный ряд, возможно, был вызван эпидемией COVID – 19.

Ией «зло» имеет ассоциацию со злым состоянием «*Иейин/Иеягъ*», чрезмерным злом «*Иейдыдэ*», с завистью «*фыгъуэ*». Понятие зависть неотделимо от понятия зло, ведь завистливый человек полон злобы. Зависть – это один из человеческих пороков, зарождающихся в человеческой душе и поедающих его изнутри: «Фыгъуэр мыгъуэ мэхъу» – «Завистник несчастен». У завистливого человека «высыхает» душа: «Нэр фыгъуэмэ, псэр мэгъуэцIэ» – «Если глаза завидуют, то душа сохнет». Завистливого человека адыги сравнивают с сухим бурдюком: «Фыгъуэнэдрэ фэндыхъ гъуррэ» – «Завистник – что сухой бурдюк».

Кроме того, испытуемые понимают зло как болезнь «уз», которая лишает человека физических и психоэмоциональных сил. Нередко болезнь приводит к человеческой гибели. Такую болезнь адыги называют **зыгьэлІэн уз** «смертельная болезнь». Адыги также говорят «**Узыхь псори узщ**» – «*Все, что уносит на тот свет, – болезнь*». В наши дни в медицинском сообществе наблюдается тенденция к рассмотрению болезни сквозь призму психосоматики. В последнее время врачи много говорят о силе подсознания и призывают пациентов не опускать руки, а настраиваться на исцеление, так считают и адыги. Они призывают противостоять болезни: «**Узым зыдэбгьэшмэ, узыІэпешэ**» – «*Скажешь болезни «да», она одолевает навсегда*».

Некоторые участники эксперимента ассоциируют зло с такими отрицательными человеческими качествами как: *напэншагьэ* «бессовестность», *хьэбыршыбырагь* «подлость»/«мерзость», *цІыхунишагьэ* «бесчеловечность», *гущІэгьунишэ* «бессердечность», *угьурсыз* «злой». Человек находится в постоянном выборе между добром и злом. Если проигрывает добро, то он становится на тропу зла. Таким образом, зло/злота зарождаются в человеческом сердце.

В кабардино-черкесском языке совесть ассоциируется с лицом. Для адыгов лицо – «орган чести и совести», отсутствие которого приравнивается к отсутствию лица «*напэншагьэ*» (досл. нет лица). Адыги считают, что лучше быть уродом (некрасивым), чем быть бессовестным: «**Напэншэ нэхьрэ нэкьэпакьэ**». Невоспитанность и бесстыдство проявляются и в поведении человека: «**Уеджэмэ, кьэзымыгьазэр напэншэщ**» – досл.: *Если тот, кого ты окликнул, не поворачивается, он бессовестный человек*. У бессовестного человека отсутствует сердце. Адыги говорят: «**ГущІэгьу иІэркьым**» – «*У него нет сердца*». Отпетого злодея адыги называют **угьурсыз джафэ**.

Зло также ассоциирует с нечто плохим: *хьэл Іей* «плохой характер», *нэ Іей* «дурной глаз», *лэжьыгьэ Іей* «плохая работа». Два участника эксперимента считают, что зло – это *нэщхьеягьэ* «мрачный взгляд», «мрачное состояние человека», еще двое зло ассоциируют со скандалом, неприятным разговором «*псалъэмакьэ*»:

«Псалъамакъ къэІэтын/къегъэхъеин/щІын/ хэльхъэн» – *поднять скандал, спор, затеять неприятный разговор, заниматься дразгами*. В ассоциативном ряде также присутствуют следующие реакции: *губжьын* «злиться», *делагъэ* «что-то дурное, глупое». В паремиях адыги будто дают наставления, как себя вести при общении с дураком: «Делэр бгъэІущыжыну ухэмышъэ» – *Не берись поучать дурака*; «Делэм ущымытхъу: зыкъыфІэщІыжынщ Іущу» – *Не хвали дурака: он возомнит себя умным*. «Делэм ущымытхъу, пагэ мэхъу» – *Не хвали дурака – зазнается*; «Дэльэм уэ фІэкІ, губзыгъэр езыр къыпфІэкІынщ» – *Умей обойтись с дураком, а умный сам с тобой обойдется*. Также зло ассоциируется с грехом «гуэныхъ», с врагом «жэгъуэгъу», с ленивым человеком «цхъэхынэ». В адыгской картине мира труд возводится в нравственную категорию. Ленъ строго порицалась и высмеивалась. Саркастическое отношение к ленивому человеку выражено в следующих пословицах: «Зи Іуэху зыхуэмыщІыжыр хъэлыващІэ я гъунэгъум макІуэ» – *Кто не может свое дело выполнить, идет к соседям вареники летить*; «Хуэмышу унафэ щІынкІэ Іэзэщ» – *Ленивый умеет хорошо командовать*.

Следующие ассоциации нам показались особенно интересными. Так несколько испытуемых считают, что зло – это непогода «уэиш къешхын/хъэшэтІэмІ». Полагаем, что данная ассоциация вызвана метеочувствительностью некоторых людей, то есть изменением физического состояния под влиянием погоды. Для других – состояние меланхолии, в которое они впадают при ненастной погоде. Интересны также следующие ассоциации, описывающие неприятные сенсорные ощущения *мэ Іей* – плохой, отвратительный запах/*дыдж* – горький. Как известно, люди получают наслаждение от приятных ароматов и сладкого вкуса. Мы считаем, что испытуемые, давшие эти реакции, обладают гиперчувствительностью, поэтому отвратительный запах и ощущение горечи во рту у них ассоциируются со злом.

Результаты ассоциативного эксперимента демонстрируют семантические связи слов «**Ф**ы»/«**Г**ей», существующие в языковом сознании носителей кабардино-черкесского языка.

Согласно опубликованным данным ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка со словами-стимулами «*good*»/«*evil*», представленным на сайте международного исследовательского ассоциативного проекта «*Small World of Words*», были также получены 100 реакций на слово стимул «*evil*» (зло): *bad* – плохой (24); *devil* – дьявол (12); *good* – хороший (11); *mean* – ничтожный/тщедушный (5); *red* – красный (5); *dark* – темный (4); *Satan* – сатана (3); *wicked* – злобный (2); *religion* – религия (2); *villain* – злодей (2); *malicious* – злонамеренный (2); *eye* – глаз (2); *wrong* – неправильный (2); *ugly* – уродливый (2); *black* – черный (2); *cruel* – жестокий (2); *horns* – рога (2); *Hitler* – Гитлер (1); *sinful* – грешный (1); *sinister* – злоеущий (1); *antithesis* – противоположность (1); *war* – война (1); *God* – Бог (1); *darkness* – темнота (1); *anvil* – наковальня (1); *dastardly* – подлый/трусливый (1); *live* – жить (1); *man* – мужчина/человек (1); *nasty* – противный (1); *queen* – королева (1); *spirit* – дух (1); *vile* – подлый (1); *murder* – убийство (1) [www.smallworldofwords.org].

Проанализировав ассоциативный материал, мы пришли к выводу, что часть испытуемых ассоциируют зло с религиозными атрибутами (*devil, Satan, God, religion, horns, sinful, anvil, spirit* – 21 реакция), некоторые испытуемые – с различными цветовыми оттенками (*red, dark, black, darkness* – 12 реакций), 11 реакций описывают противоположное значение слова «*evil*» (*good*), 18 реакций описывают злого/подлого человека (*mean, wicked, villain, cruel* и т.д.), 2 реакции связывают зло с войной (*Hitler, war*).

В ходе построения полевой модели мы выделили ядро, ближнюю и дальнюю периферии ассоциативного поля «*evil*».

Ядро этого стимула составляет 36,0 % и представлено реакциями *bad, devil*.

В ближнюю периферию (11,0 %) вошел ассоциат *good* (11).

Дальняя периферия (37,0 %) объединяет реакции *mean* (5); *red* (5); *dark* (4); *Satan* (3); *wicked* (2); *religion* (2); *villain* (2); *malicious* (2); *eye* (2); *wrong* (2); *ugly* (2); *black* (2); *cruel* (2); *horns* (2).

Крайняя периферия (16,0 %) объединяет ассоциации *Hitler* (1); *sinful* (1); *sinister* (1); *antithesis* (1); *war* (1); *God* (1); *darkness* (1); *anvil* (1); *dastardly* (1); *live* (1); *man* (1); *nasty* (1); *queen* (1); *spirit* (1); *vile* (1); *murder* (1).

На рисунке 2 представлена «пузырьковая» визуализация слов реакций на слово стимул «*evil*» [www.smallworldofwords.org]:

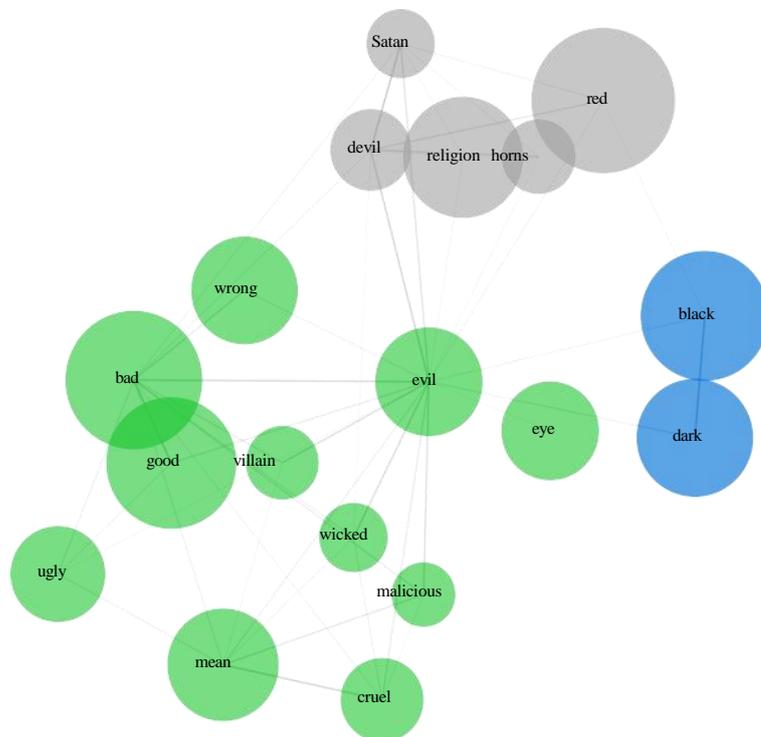

Рисунок 2 - «Пузырьковая» визуализация слов реакций на слово стимул «*evil*»
[Источник: www.smallworldofwords.org]

При сравнении ассоциативных полей *Iей*, *evil* сделаны следующие выводы:
1) ядро ассоциативного поля *Iей* составило 21,0 % от общего количества полученных реакций, в то время как ядро ассоциативного поля *evil* – 36,0 %. Ассоциаты, которые вошли в ядро ассоциативных полей *Iей/evil*, отличаются и по составу (4 ассоциата в ассоциативном поле *Iей* и 2 ассоциата в ассоциативном поле *bad*), и по содержанию (так, в кабардино-черкесском языке – это ассоциаты ложь, лгать (*пцIы/пцIыупсын*), плохой человек (*цIыху Iей*), добро (*фIы*);

2) ближняя периферия *Iey* составила 34,0 %, *bad* – 11,0 %, куда вошли 8 ассоциативных реакций стимула *Iey* и только 1 реакция ассоциативного поля *bad*. Ассоциаты, вошедшие в ближнюю периферию, отличаются и по содержанию. Так, в ассоциативном поле *Iey* это реакции *бзаджэ* (злой), *зауэ* (война), *зауэн* (воевать), *зэрэн* (вред), *зэрэныгъэ* (вред), тогда как ассоциативное поле *bad* представлено реакцией *good* (добро), являющейся одним из компонентов бинарной оппозиции «добро – зло», что свидетельствует о стереотипности содержания ближней периферии данного стимула;

3) дальняя периферия АП *Iey* составила 27,0 %, тогда как *evil* 37,0 %. Три асоциата (*red, dark, black*) стимула *bad* и только одна реакция ассоциативного поля *Iey* (*фИыцIэ*) описывают цвет. Две реакции ассоциативного поля *evil* имеют религиозный оттенок (*religion, Satan, horns*). Один асоциат стимула *Iey* (*уз*) выражает болезнь.

Для выявления этноспецифики понятий *Iey, bad* был также использован метод когнитивной интерпретации, который позволил нам выявить их когнитивные признаки.

Ассоциации

Когнитивные

признаки	Кабардино-черкесский язык	Английский язык
Отрицательные, морально-этические качества человека	<i>бзаджэ</i> «злой», <i>фыгъуэ</i> «зависть», <i>гуцIэгъунишэ</i> «бессердечный», <i>нэпэншагъэ</i> «бессовестный», <i>угъурсыз</i> «зловредный/недобрый»	<i>bad</i> «плохой», <i>mean</i> «ничтожный, тщедушный», <i>wicked</i> «злобный», <i>villain</i> «злодей», <i>malicious</i> «злонамеренный», <i>cruel</i> «жестокий», <i>dastardly</i> «нечеловечный», <i>цIыхунишагъэ</i> «подлый, трусливый», <i>нечеловечный»,</i> <i>щхъэхын</i> «подлый, трусливый», <i>nasty</i> «лень», <i>хъэбыршыбыр</i> «подлый» (всего 33 реакции)
Действия,	<i>зауэ/зауэн</i> «война/воевать»,	<i>war</i> «война», <i>murder</i> «убий-

направленные на причинение вреда	<p><i>зэран/зэрэныгъэ</i> «вред», <i>цIыхум</i> «совершить нечто невольное по отношению к человеку», <i>лей ехын</i> «причинять вред/страдания», <i>цIыхум и жагъуэ пицIын</i> «огорчать человека», <i>укIын</i> «убивать» (16 реакций)</p>	ство» (2 реакции)
Нечто черное, грязное	<p><i>фIей</i> «грязный/грязь», <i>фIыцIэ</i> «черный/темный», <i>нэ Iей</i> «дурной глаз», <i>гу фIей</i> «черное/грязное сердце», <i>кIыфI</i> «темный/черный» (10 реакций)</p>	<p><i>black</i> «черный», <i>darkness</i> «темнота», <i>dark</i> «темный», <i>eye</i> «глаз» (9 реакций)</p>
Морально- нравственное восприятие человека	<p><i>Iейдыдэ</i> «очень плохое», <i>Iейын/Iеягъ</i> «зло/быть злым, плохим» (7 реакций);</p>	<p><i>sinister</i> «зловещий», <i>wrong</i> «неправильный», <i>antithesis</i> «противоположность» (4 реакции)</p>
Отрицательные эмоции человека	<p><i>шынагъуэ</i> «нечто страшное», <i>гузэвэгъуэ</i> «беда», <i>гуауэ</i> «горе» (7 реакций)</p>	-
Физическое состояние человека	<p><i>лIэныгъэ</i> «смерть», <i>уз</i> «боль/болезнь» (2 реакции).</p>	live «жить» (1 реакция)
Природные явления	<p><i>уэиш къеишын</i> «идти дождю», <i>хэишэIэтI</i> «слякоть» (2 реакции)</p>	-
Вкусовые и сенсорные восприятия че- ловека	<p><i>дыдж</i> «горький», <i>мэ Iей</i> «ужасный запах» (2 реакции).</p>	-

Религиозные атрибуты	<i>гуэныхь</i> «грех» (1 реакция)	<i>devil</i> «дьявол», <i>horns</i> «рога», <i>sinful</i> «грешный», <i>religion</i> «религия», <i>spirit</i> «дух», <i>anvil</i> «наковальня», <i>Satan</i> «сатана», <i>God</i> «Бог» (23 реакция)
Персоналии	-	Hitler «Гитлер», <i>queen</i> «королева», <i>man</i> «человек» (3 реакции)
Положительные, морально-этические качества человека	-	<i>good</i> «хороший» (всего 11 реакций).
Сенсорное восприятие человека	-	<i>red</i> «красный» (5 реакций)
Эстетическое восприятие человека	-	<i>ugly</i> «уродливый» (2 реакции)

Таким образом, сравнительный анализ когнитивных признаков ассоциативных полей *Iey*, *evil* позволяет нам говорить о том, что реакции ассоциативного поля «*Iey*» *фыгъуэ* «зависть», *гущIэгъунишэ* «бессердечный», *нэпэншагъэ* «бессовестный», *угъурсыз* «зловредный/недобрый», *цIыхунишагъэ* «нечеловечный», *щхъэхын* «лень», *цIыхум мыхъун ещэн* «совершить нечто непозволительное по отношению к человеку», *лей ехын* «причинять вред/страдания», *цIыхум и жагъуэ пцIын* «огорчать человека», входящие в когнитивный признак «Отрицательные, морально-этические качества человека», «Действия, направленные на причинение вреда» являются уникальными и имеют этноспецифическую детерминированность.

Сопоставление когнитивных признаков ассоциативных полей *Iey*, *evil* позволяют сделать вывод о том, что в сознании адыгов и англичан имеются

некоторые общие ассоциативные маркеры: так, у носителей обоих языков «зло» – это *война, черный/темный цвет, убийство, добро, злые деяния человека*. Однако, следует отметить тот факт, что когнитивные признаки ассоциативного поля «*Ией*» гораздо шире, что говорит о том, что зло неприемлемо в сознании современных носителей кабардино-черкесского языка. Различие реакций ассоциативных полей «*Ией*», «*bad*» подтверждает то, что языковое сознание и языковая картина мира любого этноса отображает исторические, религиозные, культурные традиции любого этноса. Таким образом, наше исследование «вскрывает» образ, стоящий за стимулами «*Ией*»/«*evil*» (зло), тем самым передавая уникальность картины мира кабардино-черкесской и английской языковых культур.

Выводы

1. В кабардино-черкесском языке, согласно словарным толкованиям понятие зло представлено лексемой «*Ией*», которое имеет следующие значения: 1) «*Иеягъ*» (плохой), 2) «*мышъумыщIэ гуэр*» (нечто злое, плохое), 3) «*мышIагъуэ*» (что-то нехорошее), 4) «*къемызэгъ*» (то, что не подходит), 5) «*фейцей*» (что-то убогое); в английском языке – лексемой «*evil*» имеет следующие словарные толкования: 1) «*wickedness*» (безнравственность), 2) «*something bad*» (нечто плохое/плохо), 3) «*misfortune*» (беда, несчастье).

2. Содержание концептов «*Ией*» в кабардино-черкесском, «*evil*» в английском языках выходит за пределы словарных дефиниций. Они объективированы следующими когнитивными признаками: 1) деяния человека, направленные на причинение морального или физического вреда; 2) зло как отрицательные, морально-нравственные качества человека, которые объективированы в семантических репрезентантах предательство, подлость, грубость и бестактность, безнравственность, позор, лживость, лицемерие, подхалимство, гордыня, жадность, трусость, лень, любопытство, злословие, хитрость.

3. Такая широкая палитра свидетельствует об этнокультурной значимости концептов «*Ией*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесской и английской ЯКМ. Проанализированный фразеологический и паремиологический материал позволил выде-

лить универсальные (общие) и уникальные (специфические) маркеры когнитивных признаков концептов «*Iey*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесском и английском языках.

4. Универсальными (общими) являются зло как предательское, подлое отношение к окружающим; зло как грубое, бестактное отношение к окружающим; отрицательные морально-нравственные качества человека, злословие, любопытство, хитрость.

5. Специфичными (уникальными) маркерами зла являются когнитивные признаки концепта «*Iey*» в кабардино-черкесской ЯКМ, репрезентирующие *безнравственность, позор, отсутствие хабзэ, адыгагъэ, напэ, намыс, шынэ-укIытэ*, то есть те маркеры, которые отражают этнокультурные ценности кабардинцев, зафиксированные в кодексе чести «*Адыгэ хабзэ*».

6. Проведенный свободный ассоциативный эксперимент среди носителей кабардино-черкесского языка, а также проанализированные данные ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка со словом-стимулом «*evil*», представленные на сайте международного исследовательского ассоциативного проекта «*Small World of Words*» (www.smallworldofwords.org), позволили выявить этноспецифические ассоциации понятий *Iey*, *evil* (зло) в языковом сознании современных кабардинцев и англичан. На основе полученных ассоциативных реакций были построены полевые модели и выделены ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии ассоциативных полей «*Iey*», «*evil*». Эти реакции объединяются когнитивными признаками, репрезентирующими отрицательные, морально-этические качества человека, действия, направленные на причинение вреда, нечто черное, грязное, морально-нравственное восприятие человека, отрицательные эмоции человека, физическое состояние человека, природные явления, вкусовые и сенсорные восприятия, религиозные атрибуты, персоналии, положительные морально-этические качества человека, эстетическое восприятие человека, где этноспецифическими являются реакции АП *Iey* репрезентированные в когнитивных признаках «отрицательные морально-этические качества человека», «действия, направленные на причинение вреда», как *фыгъуэ* «зависть», *гуцIэгъунишэ* «бес-

сердечный», *нэпэнишагъэ* «бессовестный», *угъурсыз* «зловредный/недобрый» *цыхуншагъэ* «нечеловечный», *цхьэхын* «лень», *цыхум мыхъун ещэн* «совершить нечто непозволительное по отношению к человеку», *лей ехын* «причинять вред/страдания», *цыхум и жагъуэ пцIын* «огорчать человека», воспринимающиеся современными носителями кабардино-черкесского языка как отсутствие *Адыгэ хабзэ*.

7. Сопоставление их с данными свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей английского языка и опубликованными на сайте «*Small World of Words*», выявило некоторые общие ассоциативные маркеры, в частности такие, как зло – это *война, черный/темный цвет, дурной глаз, убийство, добро, злые деяния человека*. Различие ассоциаций носителей кабардино-черкесского и английского языков подтверждает тот факт, что языковое сознание и языковая картина мира любого этноса отображает исторические, религиозные, культурные традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная диссертационная работа выполнена в рамках проблемы взаимодействия языка, этноса и культуры и представляет собой опыт лингвистического исследования ключевых мировоззренческих категорий «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в кабардино-черкесской и английской языковых картинах мира. Целью исследования, как было указано во введении, является изучение концептов «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского и английского языков) для выявления их универсальных и уникальных признаков.

В результате реализации цели решены следующие задачи: изучены теоретические предпосылки исследования феноменов добра и зла, определены понятийные составляющие исследуемых концептов по данным словарей кабардино-черкесского и английского языков, выявлены и описаны языковые единицы, репрезентирующие добро и зло в кабардино-черкесской и английской языковых картинах мира, в частности универсальные и уникальные (специфические) особенности. Так, анализ толковых словарей показал, что в кабардино-черкесском и английском языках концепты «*фIы*»/«*good*» (добро), «*Iей*»/«*evil*» (зло) имеют универсальные признаки. Однако в ходе исследования ФЕ и паремий кабардино-черкесского и английского языков, были выявлены этноспецифические маркеры концептов «*фIы*», «*Iей*» кабардино-черкесского языка, такие как *этичность* (куда вошли значения *уважительное отношение к старшим, гостеприимство*), *скромность, кротость, трудолюбие, безнравственность, позор, отсутствие хабзэ, адыгагъэ, напэ, намыс, шынэ-укIытэ*, то есть те признаки, которые передают этнокультурные ценности кабардинцев, зафиксированных в этико-философской концепции адыгов *Адыгэ хабзэ*. Проведен свободный ассоциативный эксперимент со словами-стимулами «*фIы*»/«*Iей*» среди носителей кабардино-черкесского языка, проанализированы данные ассоциативного эксперимента среди носителей английского языка со словами-стимулами «*good*»/«*evil*», представленные на сайте международного исследовательского ассоциативного проекта «*Small World of*

Words», построены полевые модели (выделены ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии ассоциативных полей «*фIы*», «*good*» «*Iей*», «*evil*»), определены когнитивные признаки и выявлены этноспецифические реакции АП *фIы*, *Iей*, такие как *фIы цIэн* «делать добро», *дэIэныкъогъуэ/дэIэныкIун* «помощь/помогать», *сэбэп* «польза», *псапэ* «благое дело», *гуэнагъэ* «любезность», *хьэл-цэн* «воспитание», *цIыхугъэ* «человечность», *тэмэкъкIэхь* «спокойный/уравновешенный», *цIыху шабэ* «мягкий человек», *гъэсэныгъэ* «воспитанность», *пэжь/пэжагъ* «правдивость/правда», *фыгъуэ* «зависть», *гуцIэгъунишэ* «бессердечный», *нэпэншагъэ* «бессовестный», *угъурсыз* «зловредный/недобрый» *цIыхуншагъэ* «нечеловечный», *цхьэхын* «лень», *цIыхум мыхьун ещэн* «совершить нечто непозволительное по отношению к человеку», *лей ехын* «причинять вред/страдания», *цIыхум и жагъуэ пцIын* «огорчать человека». Сопоставление данных ассоциативного эксперимента среди современных носителей кабардино-черкесского и английского языков показало, что в сознании носителей обоих языков выявлены некоторые общие ассоциативные маркеры: «**добро**» – это *нечто сладкое на вкус, зло*; «**зло**» – это *война, черный/темный цвет, дурной глаз, убийство, добро, злые деяния человека*. Различие ассоциаций носителей кабардино-черкесского и английского языков подтверждает то, что языковое сознание и языковая картина мира любого этноса отображает исторические, религиозные, культурные традиции.

Приведенные в работе эмпирические данные свидетельствуют о том, что язык есть отражение культурноспецифичного видения мира того или иного этноса. Исследованный материал позволил продемонстрировать разнообразие морально-этических репрезентантов концептов «*фIы*»/«*good*» (*добро*), «*Iей*»/«*evil*» (*зло*).

Концепты «*фIы*»/«*good*» («**добро**»), «*Iей*»/«*evil*» («**зло**») отражают деятельность субъекта, в том числе и мировоззренческую деятельность, которая выделяет ценностные ориентиры человеческого бытия. Исходя из понимания концепта как единицы сознания, которая хранит в себе информацию об общественном опыте, можно утверждать о том, что исследованные нами концепты «*фIы*»/«*good*», «*Iей*»/«*evil*» воплощают общечеловеческое представление и знание о добре и зле. Помимо универсальных признаков, они имеют этноспецифические характери-

ки, так как связаны с ментальным миром членов этнических коллективов, то есть культурой и историей. Так, наличие уникальных (специфических) признаков, закрепленных в кабардино-черкесском языке, подтверждает факт их этнической детерминированности, присущей только кабардино-черкесской культуре и отражающей национальный характер, нравственные ценности, стереотипы поведения.

Данное исследование имеет перспективу дальнейшего изучения концептов «*фИы*»/«*good*» (добро), «*Ией*»/«*evil*» (зло) как социального, физического, метафизического феноменов в кабардино-черкесской и английской лингвокультурах с привлечением художественных, публицистических текстов.

Библиография

1. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованием). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л.А. Гутова. – Нальчик, 2016. – 364 с.
2. Алексеев, П. В. Философия / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М., 2005. – 608 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Ценностно-смысловая природа этноязыкового сознания /Н. Ф. Алифиренко // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания : сборник научных трудов / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград, «Колледж», 2002. – С. 160–167.
4. Алхазова, Н. Д. В королевстве, где говорят по-английски : Обычаи, традиции, праздники / Н. Д. Алхазова, Л. И. Кройтореску. – Кишинев, 1989. – 224 с.
5. Апресян, Р. Г. Постижение добра / Р.Г. Апресян. – М., 1986. – 207 с.
6. Апресян, Ю. Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия/ Ю. Д. Апресян // Известия АН. Серия. Лит. и яз. – 1999. –Т. 58. – №4. – С.43–53.
7. Аристотель. Этика Аристотеля / Аристотель. – СПб., 1908. – 207 с.
8. Аристотель. Сочинения в 4-х т. /Аристотель / Пер. с древнегреческого / Под ред. А. И. Доватура. – М., 1984. – Т.4 – 830 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. –С. 3–7.
10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
11. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. Антология. – М., 1997. – С. 267–279.
12. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка/ А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 104 с.
13. Балова, И. М. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских поговорках / И. М. Балова, М.Ч. Кремшюкалова. – Нальчик, 2009. – 188 с.

14. Барт, Карл. Послание к Римлянам / Барт Карл. – М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2016. – 520 с.

15. Башиева, С. К. Толерантность и норма как основа этнического миропонимания народов Кавказа (лингвокультурологический аспект) / С. К. Башиева, А. И. Геляева // Известия Международной академии высшей школы. – 2002. – № 4 (22). – С. 101–111.

16. Башиева, С. К. Специфика формирования личности россиянина в поликультурном контексте / С. К. Башиева, З. Р. Дохова, М.Ч. Шогенова // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 4. – С. 90–94.

17. Башиева, С. К. Толерантность и интолерантность в языковом сознании современной студенческой молодежи / С. К. Башиева, А. И. Геляева, И. Р. Мокаева // Толерантность и интолерантность в языковом сознании современной студенческой молодежи // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 4. – С. 8–20.

18. Бгажноков, Б. Х. Очерки этнографии общения адыгов / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 1983. – 230 с.

19. Бгажноков, Б. Х. Адыгская этика / Б. Х. Бгажноков. – Нальчик, 1999. – 96 с.

20. Бгажноков, Б. Х. Культ пищи и пищевой аниматизм / Б. Х. Бгажноков. // Этнографическое обозрение. – М. – Вып. 2. – 2001. – С. 103–112.

21. Бгажноков, Б. Х. Основания гуманистической этнологии / Б. Х. Бгажноков. – М., 2003. – 272 с.

22. Бгуашева, З. Б. Концепт «добро» в адыгских пословицах и поговорках / З. Б. Бгуашева, А.К. Пшизова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия. Филология и искусствоведение. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2019. – Вып. 4. – С. 19–23.

23. Бербекова, Ф. А. Концепт «красота» в эстетической и этической парадигмах кабардино-черкесской, французской и русской лингвокультур / Ф. А. Бербекова : дисс... кандид. филол. наук. – Нальчик, 2019. – 189 с.

24. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – 280 с.

25. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Российское Библейское общество. – М., 2006. – 1296 с.
26. Бижева, З. Х. Адыгская языковая картина мира / З. Х. Бижева. – Нальчик, 2000. – 123 с.
27. Бижева, З. Х. Культурные концепты в языковой картине мира и проблема культуры мира / З. Х. Бижева // Культура мира и Северный Кавказ : материалы научно-практической конференции «Мир на Северном Кавказе через диалог культур». – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т., 2000а. – С. 150–152.
28. Бижева, З. Х. Язык и культура/ З. Х. Бижева. – Нальчик, 2000б. – 47 с.
29. Бижева, З. Х. Основные концепты адыгского лингвокультурного пространства: материалы к спецкурсу / З. Х. Бижева. – Нальчик, 2005. – 110 с.
30. Бижева, З. Х. Адыгская языковая картина мира : монография / З. Х. Бижева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2022. – 187 с.
31. Битинас, Б. П. Станески-Козвоски / Б.П. Битинас. – М., 1993. – 218 с.
32. Блинова, Л. А. Нравственные концепты в лексическом освещении : по материалам современной публицистики / Л. А. Блинова, Н. А. Купина // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург, 1993. – С 20–31.
33. Блягоз, З. У. Адыгейские пословицы и поговорки /З. У Блягоз. – Майкоп, 1996. – 118 с.
34. Бобрышева, Л. К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира : на материале русского и адыгейского языков : автореф. дисс. кандид. филолог. наук. / Л. К. Бобрышева.– Майкоп, 2009. – 33 с.
35. Богданова, Е. А. Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах: автореф. дисс... кандид. филол. наук. / Е.А. Богданова.– Майкоп, 2012. – 22 с.
36. Богданова, Е. А. Аксиологические особенности концептов шІу (добро) и бзэджагъ (зло) в адыгской лингвокультуре / Е.А. Богданова, Б.М. Джандар, З. Р. Хачмафова // Вопросы теории и практики. Серия. Филологические науки. – 2024. – Т.17, № 5. – С. 1419 – 1424.

37. Борисова, Л. В. Концептуальный анализ лексемы «зло» (русско-чувашские параллели) / Л.В. Борисова // Вестник Московского университета. – Сер.22. Теория перевода. – 2014. – № 2. – С. 88 – 100.

38. Бромлей, Ю. В. Человечество – это народы / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный.– М., 1990. – 392 с.

39. Бубнова, Е. Н. Теоретическое обоснование лингвокультурного исследования концепта 'Freiheit' в немецкой картине мира / Е. Н. Бубнова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – Вып. 12. – С. 274–279.

40. Буянова, Л. Ю. Суперконцепты "добро" и "зло" в системе универсальных нравственных оппозиций русского и адыгейского языков / Л. Ю. Буянова, А. Ш. Трахова // Мова: Науко-теоретический часопис з мовознавства. – Одесса : Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова. – 2007. –№ 12. – С. 97–101.

41. Васильев, Л. С. История религии Востока / Л. С. Васильев. – Ростов-на-Дону, 1999. – 432 с.

42. Ван, Тяньцзяо. Модели концептуальных метафор в языковом воплощении этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии и паремиологии: автореф. дисс... кандид. филол. наук / Ван Тяньцзяо. – Нижний Новгород, 2021. – 26 с.

43. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996. – 416 с.

44. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – пер. с англ. А.Д. Шмелева / Под. ред. Т.В. Булыгиной. – М., 1999. – I – XII. – 780 с.

45. Вергейм, Ю. Б. Может ли быть оправдано применение насилия? / Ю. Б. Вергейм // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт // Материалы зимней школы. – Екатеринбург, 2000. – С. 28 – 34.

46. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1980. – 320 с.

- 47.** Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М : Индрик, 2005. – 1037 с.
- 48.** Ветрюк, К.А. К вопросу о языковой репрезентации культурнозначимых смыслов «добро» / «good» и «зло» / «evil» в русских и английских пословицах / К. А. Ветрюк // Вестник Орловского государственного университета. – 2010. – С. 215–221.
- 49.** Волкова, Н. П. Проблема зла в философии Плотина / Н. П. Волкова // Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина. – 2011. – № 3. – С. 30–37.
- 50.** Вопросы Милинды / перевод с пали А.Б. Парибка. – М., 1989. – 227 с.
- 51.** Воркачев, С. Г. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память / С. Г. Воркачев, Г. В. Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – С. 90–102.
- 52.** Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – Вып. 3 – С. 79–95.
- 53.** Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. – Краснодар, 2003. –Т. 17. – Вып. 2. – С. 268–276.
- 54.** Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2003а.– Вып. 24. – С. 5–12.
- 55.** Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев – М: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
- 56.** Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии / В. В. Воробьев // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 13 (724). – С. 217–226.
- 57.** Габуниа, З. М. Межкультурная коммуникация как мирозозидающий факт языка : учебное пособие / З. М. Габуниа, Э. Ю. Улимбашева. – Нальчик: Каб.Балк.ун-т, 2005. – 231 с.

- 58.** Гаврилова, Е. Г. Фразеологизмы с компонентом-числительным как носители культурного кода / Е. Г. Гаврилова // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира : сборник материалов Всероссийской научной конференции / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. – 134 с.
- 59.** Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М., 1998. – 768 с.
- 60.** Георгиева, О.Н. Дискурсивная репрезентация этноспецифики французских и русских концептосфер «bein»/«добро» и «mal»/«зло»: автореф дисс.... кандидат. филол. наук / О. Н. Георгиева. – Волгоград, 2010. – 26 с.
- 61.** Гусейнов, А. А. Великие моралисты / В. З. Гусейнов. – М., 1995. – 351 с.
- 62.** Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 35–46.
- 63.** Долгополова, М. В. Смысловое пространство «добро – зло» в русском языке : формирование и функционирование: автореф. дисс... кандидат. фил. наук / М. В. Долгополова. – Уфа, 2020. – 26 с.
- 64.** Долинский, В. А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в количественной лингвистике: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук/ В.А. Долинский. – М., 2012. – 60 с.
- 65.** Дубко, Е. Л. Идеал, справедливость, счастье / Е.Л. Дубко, В.А. Титов. – М : Изд-во Московского университета, 1989. – 143 с.
- 66.** Дубровин, Н. Ф. Черкесы (Адыгее) / Н.Ф. Дубровин. – Нальчик: Эль-фа, 1991. – 321 с.
- 67.** Дхаммапада. С комментариями и пояснениями Д. Магуира : пер. с англ. А. Блейз. вступ. слово Э. Харвея. – М: ООО Издательский дом «София», 2005. – 160 с.
- 68.** Егорова, О. А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте: автореф. дисс.... кандидат. филол. наук /О. А. Егорова. – Ульяновск, 2005. – 25 с.
- 69.** Ерасов, Б. С. Социальная культурология / Б.С. Ерасов. –М., 1997. – 591 с.
- 70.** Ерофеева, И. В. «Духовность» как концепт в современном медиатексте / И.

В. Ерофеева // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2010. – № 1. – С. 67 – 73.

71. Зализняк, А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М., 2012. – 696 с.

72. Иванова, Е. В. Мифология добра и зла / Е. В. Иванова / Под. ред. Д.В. Пивоварова. – Екатеринбург, 1999. – 88 с.

73. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою/ И.А. Ильин // Собр. соч.: В 10 томах. – М., 1995. – Т.5. – 608 с.

74. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность : культурные концепты: сборник науч. тр. – Волгоград : Архангельск, Перемена. –1996. – С. 3–16.

75. Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

76. Кашин, В. В. Учение Гегеля о нравственности / В. В. Кашин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 7. – С. 29–33.

77. Кессиди Феохарий. Сократ / Кессиди Феохарий. - СПб: Изд-во Алетея, 2001. – 352 с.

78. Кирилина, Н. В. Особенности оппозиции добро – зло в языке лирики А.А. Ахматовой: дисс..... .кандид. филол. наук / Н. В. Кирилина. – М., 2011. – 192 с.

79. Клоков, В. Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семантического подхода / В. Т. Клоков // Теоритическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ. – 2000. – Вып. 2. – С. 60–67.

80. Ковалев, А. А. Дуализм добра и зла в ранней античной философии // «Философия: мир в человеке и человек в мире» / А. А. Ковалев. – 2021. – № 1. – С. 46–54.

81. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5-ти кн. : кн.2. : Добро и Зло / В.В. Колесов. – СПб: СПбГУ, 2001. – 304с.

- 82.** Колижук, Л. В. Концепты «good» и «evil» в британской лингвокультуре : автореф. дисс.... кандид. филол. наук / Л. В. Колижук. – Владикавказ, 2010. – 22 с.
- 83.** Коран: Перевод смыслов и комментариев / Пер. с араб. В. М. Прохорова. – изд. 5-е доп. и перераб. – М., 2001. – 784 с.
- 84.** Кочетков, В. В. Психология межкультурных различий / В. В. Кочетков. – М., 2002. – 413 с.
- 85.** Красицкий, Ян. Бог, человек и зло. Исследования философии Владимира Соловьева / Ян. Красицкий / Под ред. Е.Б. Рашковского : пер. с польского С. М. Червонной. – М., 2009. – 448 с.
- 86.** Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов, 2005. – 164 с.
- 87.** Крысько, В. Этническая психология / В. Крысько. – М., 2002. – 320 с.
- 88.** Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Сб. статей. – М: Рос. гос. гуманит. ун-т., 1995. – С. 144–238.
- 89.** Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: материалы II Международной конференции: В 3-х частях. – Тамбов, 1999. – Ч. III. – С. 6–13.
- 90.** Кузнецов, А. М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики / А. М. Кузнецов // Этнокультурная специфика речевой деятельности. – М., 2000. – С. 8–22.
- 91.** Лаврова Н. Н. Вербализация концепта «совесть» в прозе В. Г. Распутина / Н. Н. Лаврова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 123–127.
- 92.** Литвиненко, Е. Ю. Отражение бинарной оппозиции добро/зло в перформативных этнофразеологизированных сочетаниях / Е. Ю. Литвиненко // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 4 – 2 (44). – С. 27–32.
- 93.** Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – М., 1981. – 71 с.
- 94.** Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

- 95.** Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М., 1991. – 367 с.
- 96.** Лотря, Л. В. Концептуальная оппозиция «добро – зло» в этноязыковой картине мира: автореф. дисс.... кандид. филол. наук / Л. В. Лотря. – Чебоксары, 2004. – 27 с.
- 97.** Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. I. – С. 11–35.
- 98.** Макеева Е. А. Добродетель как этическая категория / Е. А. Макеева // Вестник казанского технологического университета. – №15(16). – 2013. – С. 170–172.
- 99.** Максимов, Л. В. О субъективистических течениях в современной философии морали / Л. В. Максимов // Этическая мысль. – М., 2004. – Вып. 5. – С. 3–15.
- 100.** Мамбетов, Г. Х. Праздники и обряды адыгов, связанные с земледелием / Г. Х. Мамбетов // Ученые записки КБНИИ. – Нальчик, 1966. – Т. 24. – С. 161–185.
- 101.** Мамбетов, Г. Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев / Г. Х. Мамбетов. – Нальчик, 1994. – 255 с.
- 102.** Маркс Карл и Энгельс Фридрих. Сочинения в 30-ти т. / К. Маркс и Ф. Энгельс. 2-е изд. – М : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – 827 с.
- 103.** Мартинович, Г. А. Концептум, концептус и бытовое понятие / Г. А. Мартинович // Русский язык и ментальность: материалы XXXV Международной филологической конференции 13–18 марта 2006 г.: в 3 ч. – СПб : СПбГУ. Филол. ф-т. – 2006. – Вып. 13. – Ч. 2. – С. 3–9.
- 104.** Мафедзев, С. Х. Очерки трудового воспитания адыгов (19 – нач. 20 в). / С. Х. Мафедзев. – Нальчик, 1984. – 170 с.
- 105.** Мафедзев, С. Х. Межпоколенная трансмиссия традиции культуры адыгов в 19-нач. 20 века : Этногр. исслед. / С. Х. Мафедзев // Кабард.-Балкар. НИИ истории, филологии и экономики при совете министров КБАССР. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 253 с.
- 106.** Мафедзев, С. Х. Кавказ: Адыгэ хабзэ. Обычаи, традиции / С. Х. Мафедзев. – Нальчик, 2019. – 392 с.

107. Махмудова, Ф. С. Лексико-семантическое поле «добро/зло» в таджикской и китайской языковых картинах мира: автореферат дисс.... кандидат. филол. наук / Ф. С. Махмудова. – Душанбе, 2022. – 26 с.

108. Мельников, А. П. О психическом складе нации и национальном характере / А. П. Мельников // Сб. философия и научный коммунизм. – Минск, 1977. – С. 14–38.

109. Меньшикова, С. И. Концепты «добро» и «зло» в структуре метаконцепта «нравственность» / С. И. Меньшикова // Вестник ТвГУ. Серия. Филология. Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 3. – С. 78–86.

110. Михайлова, О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста О.А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная монография / Отв. ред. Н.А. Купина М.Б. Хомяков. – М : ОЛМА–ПРЕСС, 2005. – С. 99–111.

111. Мокрушина, Е. Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: автореф. дисс.... кандидат. филол. наук/ Е. Ю. Мокрушина. – Кемерово, 2008. – 25 с.

112. Моспанова, Н. Ю. Концептуальная оппозиция «Добро – Зло» в фольклорной языковой картине мира: на материале русских народных сказок: дисс.... кандидат. филол. наук / Н. Ю. Моспанова. – Брянск, 2005. – 205 с.

113. Мурат, Яган. Древнее учение кябза / Я. Мурат. – Сухум, 2015. – 296 с.

114. Назаров, В.Н. Русскоязычная лексикография порока в контексте этики Аристотеля / В. Н. Назаров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. Философия. Социология. Право. 2015. – № 2 (199). – С. 5–13.

115. Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80–85.

116. Олимов, К. О. Суфизм в свете актуальных проблем современности / К.О. Олимов // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 1. – С. 308–325.

- 117.** Остроухов, В.В. Насилие сквозь призму веков : историко-философский анализ. – М., 2003. – 191 с.
- 118.** Палеха, Е.С. Концепт добро в языке поэзии Серебряного века: автореф. дис. канд. филолог. наук/ Е.С. Палеха. – Казань, 2007. – 26 с.
- 119.** Пименова, М.В. Ментальность: Лингвистический аспект / М. В. Пименова. – Кемерово, 1996. – 322 с.
- 120.** Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 189 с.
- 121.** Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З. Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2017. – 250 с.
- 122.** Пшемурзов, В. Х. Основополагающие принципы адыгской ментальности и воспитание студенческой молодежи КБГУ / В. Х. Пшемурзов // Толерантность и поликультурное общество. – М: Аспект Пресс, 2003. – С. 87–94.
- 123.** Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета/ Т. Б. Радбиль. – М., 2013. – 328 с.
- 124.** Радбиль, Т. Б. Когнитивистика / Т. Б. Радбиль.– Нижний Новгород, 2018. – 375 с.
- 125.** Рождественский, Р. И. Стихотворения. Поэмы. Эссе / Р. И. Рождественский. – М., 2000. – 700 с.
- 126.** Сафонова, Н.В. Ментальная и языковая репрезентация концепта благо – добро в русском языковом сознании: дисс.... док. филол. наук /Н. В. Сафонова. – Тамбов, 2005. – 497 с.
- 127.** Сенека, Марк Аврелий. Наедине с собой / М. А. Сенека.– Симферополь, 1998. – 384 с.
- 128.** Скрипник, А. П. Моральное зло в истории этики и культуры / А. П. Скрипник. – М., 1992. – 351 с.
- 129.** Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование Г. Г. Слышкин // Вестник ВГУ. Серия. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №1. – С. 29–34.

- 130.** Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах /Т. Н. Снитко. – Пятигорск, 1999. – 157 с.
- 131.** Соболева, М. Е. О зле и человеческой природе в трудах Канта / М. Е. Соболева // Кантовский сборник. – 2013. – № 4 (46). – С. 15–29.
- 132.** Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М., 1998. – 389 с.
- 133.** Соловьева, Л. Т. Культура народов Кавказа: традиции толерантности // Толерантность и поликультурное общество / Г. М. Авилов, И. Л. Бабич, Р.М. Кумышева и др. – М., 2003. – С. 126 – 148.
- 134.** Станески-Козвовски, Хейнс, Феленц-Усами. Мой мир и я // Международный фонд образования. – 1993. – 218 с.
- 135.** Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 136.** Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 170 с.
- 137.** Стернин, И. А. Коммуникативное поведение человека как интернациональная наука / И. А. Стернин // Материалы научной конференции по проблемам семантических исследований. – Москва – Харьков, 1991. – С. 20–22.
- 138.** Стернин, И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 2 (48). – С. 110–125.
- 139.** Тарамова, М. С. О феномене совести как этической категории / М. С. Тарамова // Общество: философия, история, культура. – 2019 – №5 (61). – С. 85–87.
- 140.** Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
- 141.** Терехова, Н. Н. Семантико-функциональный анализ имен прилагательных со значением «характер человека» в современном русском языке: дисс.... кандидат. филол. наук / Н. Н. Терехова. – Махачкала, 2002. – 156 с.

142. Тер - Минасова С. Т. Язык и межкультурная коммуникация / С. Т. Тер-Минасова. – М., 2000. – 150 с.

143. Тихонова, С. А. Концепты зло и evil в российской и американской политической картине мира: автореф. дисс.... кандидат. филол. наук / С. А. Тихонова. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

144. Толерантность и ненасилие : теория и международный опыт // Материалы Зимней школы. – Екатеринбург, 2000. – Ч.1. – 142 с.

145. Толерантность // Материалы летней школы молодых ученых «Россия – Запад: философские основания социокультурной толерантности». – Екатеринбург, 2001. – 219 с.

146. Трахова, А. Ш. Фразеологическая концептуализация морально-нравственной сферы личности и народа: мифолого-религиозные и этнокультурные основания (на материале русского и адыгейского языков): монография / А. Ш. Трахова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 251 с.

147. Третьякова, И. Ю. Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов медведь и волк (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов) / И. Ю. Третьякова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т 20. – № 6. – С. 192–197.

148. Уметов, М. А. Этнокультурный код здоровья адыгов/ М.А. Уметов. – Нальчик, 2021. – 76 с.

149. Уфимцева, Н. В. Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование / Н. В. Уфимцева // Известия АН. Серия. Лит. и яз. – 1995. – Т.54. – №3. – С.12–18.

150. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М: РАН Ин-т языкознания, 1998. – С.135–170.

151. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С 102–111.

- 152.** Фесенко, Т. А. Этноментальный мир человека : опыт концептуального моделирования : дисс...док. филол. наук / Т. А. Фесенко. – М: Институт языкознания, 1999 – 364 с.
- 153.** Фромм, Э. Душа человека: Перевод/ Э. Фромм. – М: Республика, 1992. – 430 с.
- 154.** Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. – М: Academia, 2001. – 315 с.
- 155.** Хан-Гирей. Записки о Черкессии / Хан-Гирей. – Нальчик, 1978. – 330 с.
- 156.** Харитонов, В.И. Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека / В. И. Харитонов. – Белгород : Белгород. ун-т им. М.С. Ольминского. – 1997 – 18 с.
- 157.** Хацукова, М. М. Духовная вселенная адыгов / М. М. Хацукова. – Нальчик, 2004. – 440 с.
- 158.** Цеева, З. А. Концепты «добро», «зло» как проблема лингвокультурологии / З. А. Цеева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2012. – № 1. – С.186–190.
- 159.** Цримова, З. Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира (на материале кабардинского, русского и английского языков): дисс.... кандидат. филол. наук / З. Р. Цримова. – Нальчик, 2003. – 145 с.
- 160.** Чесноков, П. В. О взаимосоответствии формальных типов языковых и логических построений / П. В. Чесноков // Язык и мышление. – М., 1967. – С.88–101.
- 161.** Шадрина, Н. А. GOODNESS vs EVIL в англоязычной картине мира // Перевод и сопоставительная лингвистика / Н. А. Шадрина. – Екатеринбург, 2015. – С. 115–118.
- 162.** Шатилова, Л. М. Лексико-семантическая репрезентация концепта «добро» в немецком и русском языках: дисс.... кандидат. филол. наук / Л. М. Шатилова. – Тамбов, 2006. – 179 с.
- 163.** Шортанов, А.Т. Адыгские культы / А.Т. Шортанов. – Нальчик, 1992. – 672 с.

- 164.** Этика: новые старые проблемы: к шестидесятилетию А.А. Гусейнова / Отв. ред. Р. Г. Апресян. – М., 1999. – 256 с.
- 165.** Этическая мысль: современные исследования – М: Прогресс-Традиция, 2009. – 480 с.
- 166.** Anderson, J. The Rhetorical Impact of “Evil” on Public Policy /J. Anderson. – Электронный ресурс / J. Anderson // Режим доступа: <http://www.uas.alaska.edu/mpa/publications/evil.html>,2004.
- 167.** Besinger, D. Good, Ethics and Evil / D. Besinger. – электронный ресурс : <http://members.aol.com/dbdescriptor/scr.htm>.
- 168.** Eberts, J. The Concept of Evil / J. Eberts.– электронный ресурс: <http://www.philosophypathways.com/essays/eberts4.html>
- 169.** Evans, V. Cognitive Linguistics. An Introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press. – 2006. – 857 p.
- 170.** Gorbunov, A. Cristian Ideas of Good and Evil and Their Embodiment in Literature/A.Gorbunov.– электронный ресурс: <http://www.ffl.msu.ru/img/pages/File/Volkova/Gorbunov.doc>
- 171.** Hooker, B. Subjectivism / B. Hooker // Encyclopedia of Ethics/L.C. Becker and C.B. Becker, eds. 2nd ed. N. Y. – L : Routledge, 2001. Vol. 3.
- 172.** Schmookler, A. B. The Concept of Evil: Why It’s Intellectually Valid and Politically and Spiritually Important / A. B. Schmookler. – электронный ресурс. Режим доступа: CommonDreams.org.
- 173.** Thiselton, T.F. Good and Evil Demons / T. F. Thiselton // Folk-lore of Shakespeare. – электронный ресурс: <http://www.sacredtexts.com.sks/flos/flos06.htm>.
- 174.** Thiselton, T.F. Good and Evil Demons / T. F. Thiselton // Folk-lore of Shakespeare. – электронный ресурс: <http://www.sacredtexts.com.sks/flos/flos06.htm>.
- 175.** Wierzbicka A. Semantic, culture and cognition: Universal human concepts in culture specific configurations / A. Wierzbicka. – New York : Oxford Univ. Press, 1992. – 487 p.
- 176.** Wilson R. A. The Semantics of “Good” and “Evil” / R. A. Wilson. – электронный ресурс: <http://fendersen.com/Semantics.htm>.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- 177.** Англо-русский словарь: 53000 слов. – 22 изд. стереотип. – М: Рус. Яз.– 1988. – 848 с.
- 178.** Апажев, М. Л. Кабардино-черкесско-русский словарь/ М. Л. Апажев, Дж. Н. Коков. – Нальчик: Эльбрус, 2008 – 704 с.
- 179.** Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М: Живой язык, 2006. – 926 с.
- 180.** Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М: Большая Российская Энциклопедия». – СПб : Норинт, 2001. – 1456 с.
- 181.** Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь: Около 40000 слов / И. Х. Дворецкий, Д. Н. Корольков / Под общ. ред. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. С. И. Соболевский. – М: Гос. изд-во иностр. и нац. Словарей (16-я тип. Главполиграфиздата). – 1949. – 952 с.
- 182.** Карданов, Б. М. Кабардино-русский фразеологический словарь / Б. М. Карданов. – Нальчик: Эльбрус, 1968. – 341 с.
- 183.** Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь/ А. В. Кунин. – М., 1956. – 1453 с.
- 184.** Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
- 185.** Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетенский. – М: Сов. энцикл., 1990. – 672 с.
- 186.** Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М : Азбуковник, 1998. – 944 с.
- 187.** Психологический словарь /Под общей научн. ред. П.С. Гуревича. – М: ОПМА Медиа групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. – 800 с.
- 188.** Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / Под ред. А.А. Леонтьева. – М: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.

- 189.** Словарь кабардино-черкесского языка: около 31000 слов / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 1-е изд. – М: Дигора, 1999. – 860 с.
- 190.** Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона. – 4-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – 430 с.
- 191.** Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – 5-е изд. – М: Политиздат, 1983. – 445 с.
- 192.** Словарь синонимов кабардино-черкесского языка / Под ред. Р.Х. Дзуганова. – Нальчик: издательская типография «Принт – центр», 2020. – 942 с.
- 193.** Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М: Советская энциклопедия, 1987. – 1632 с.
- 194.** Табухов, Х. К. Толковый русско-кабардино-черкесский словарь / Х. К. Табухов. – Нальчик: издательский центр «Эль-фа», 2005. – 788 с.
- 195.** Толковый словарь английского языка Oxford / Дж. Хокинс, Э. Делахан-ти, Ф. Макдональд. – М : Астрель, АСТ, 2008. – 556 с.
- 196.** Ульянов, Ю. Е. Латышско-русский ассоциативный словарь / Ю. Е. Улья-нов. – Рига, 1988 – 185 с.
- 197.** Философский энциклопедический словарь / гл. редакция Л. Ф. Ильи-чев, П.Н. Федосеев. – М: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
- 198.** Хатанов, А.А. Толковый словарь адыгейского языка/ А.А. Хатанов, З. И. Керашева. – Майкоп, 1960. – 696 с.
- 199.** Шагиров, А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) язы-ков / А. К. Шагиров. – М : Наука, 1977. – Ч 1. – 289с. : Ч. 2. – 223 с.
- 200.** Этика. Энциклопедический словарь/Под ред. Р.Г. Апреся-на и А.А. Гусейнова. – М: Гардарики, 2001. – 671 с.
- 201.** БищЮ, Б. Ч. Адыгэбзэм и псалъэгъэнахуэ / Б. Ч. БищЮ. – Нальчик: Эльбрус, 2015. – 376 с.
- 202.** Думэн, Хь. М. Адыгэхэм я дауэдапщэхэр / Хь. М. Думэн. – Нальчик: Издательство Эль-фа, 2006. – 216 с.

203. American Heritage Dictionary of the English Language, fourth edition. Published by Houghton Mifflin Company. – N. Y. – 2006.

204. Cambridge International Dictionary of English//Cambridge University Press. – 2001.

205. Encarta World English Dictionary – CD Rom Version. – 2001.

206. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman, 2003.

207. Oxford English Dictionary, second edition, edited by John Simpson and Edmund Weiner. – Clarendon Press, 1989. twenty volumes.

208. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English/ Oxford University Press. Oxford.1 Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа. Специальное издание для СССР в двух томах. – М.: Русский язык, 1982.

209. Random House Unabridged Dictionary of English Language – CD Rom Version (RHD).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

210. Ремарк, Э.М. Тени в раю / Э. М. Ремарк. – М : Прогресс, 1972. – 446 с.

211. Пушкин, А. С. Евгений Онегин /А. С. Пушкин. – М : Эксмо, 2015 – 640 с.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИК

212. *Small World of Words.* www.smallworldofwords.org.